Архіеп. Антоній (Храповицкій).

Собраніе лекцій и статей по пастырскому богословію.

Изданіе Религіозно-философской Библіотеки.

Цѣна 80 коп.

МОСКВА.
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1909.

Архіеп. Антоній (Храповицкій).

Собраніе лекцій и статей по пастырскому богословію.

Изданіе Религіозно-философской Библіотеки.

МОСКВА.
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1909.

БИБЛИОТЕКА
ДИАЛИОТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
216854

Статья I.

Основныя начала православнаго пастырства [1].

Опредѣленіе науки Пастырскаго Богословія.

Предметомъ Пастырскаго Богословія служитъ изъясненіе жизни и дѣятельности пастыря, какъ служителя совершаемаго благодатію Божіею духовнаго возрожденія людей и руководителя ихъ къ духовному совершенству.

Возраженія противъ нея: 1) неуловимость предмета.

Противъ Пастырскаго Богословія, какъ науки, выставляютъ два главныхъ возраженія. Говорятъ, во-первыхъ, что пастырство есть дѣло внутреннее, чисто субъективное, котораго никакъ нельзя выразить въ точныхъ научныхъ понятіяхъ. Добрый пастырь будетъ съ успѣхомъ исполнять свое служеніе, будетъ имѣть нравственное вліяніе на пасомыхъ; дурной пастырь не будетъ имѣть этого вліянія, хотя бы и старался выполнять всѣ тѣ пріемы, которыми достигаетъ его пастырь добрый: та доброта, которая обусловливаетъ успѣхъ послѣдняго, чисто внутренняя, индивидуальная — и не поддается точнымъ опредѣленіямъ. Правда, отвѣтимъ мы на это возраженіе, не легко выразить въ точныхъ и ясныхъ понятіяхъ тѣ свой-

---

[1]) Первыя 5 статей представляютъ академическія лекціи по пастырскому богословію. Кромѣ нихъ вошли сюда съ нѣкоторыми сокращеніями и перестановками другія статьи преосвящ. Антонія: „Письма къ пастырямъ о нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ сторонахъ пастырскаго дѣланія“, „Два пути пастырства: латинскій и православный“. См. II т. полнаго собранія сочиненій. Казань, 1900 г., стр. 149 — 354. Оглавленія въ статьяхъ: V — VI, VIII—IX, принадлежатъ редакціи.

ства, какія необходимы для успѣха пастырства, но не слѣдуетъ забывать и того, что трудное не есть невозможное. Если Пастырское Богословіе не много сдѣлало въ точномъ опредѣленіи этихъ понятій, то оно въ данномъ случаѣ можетъ указать въ свое извиненіе на то, что и вообще въ опредѣленіи высшихъ нравственныхъ понятій наука чрезвычайно бѣдна, бѣднѣе, напр., изящной литературы. Та глубина пониманія духовной жизни, тѣ тонкости въ изображеніи душевныхъ движеній, какія мы видимъ у нѣкоторыхъ писателей,— проповѣдниковъ и поэтовъ, доселѣ не переведены на языкъ точныхъ нравственныхъ понятій. Но, какъ научная этика не отказывается отъ точныхъ опредѣленій высшихъ нравственныхъ понятій, такъ и Пастырское Богословіе имѣетъ всѣ побужденія стремиться къ выясненію и точному обоснованію тѣхъ понятій, коими опредѣляется истинное пастырство. То вѣрно, что успѣхъ пастырской дѣятельности зависитъ главнымъ образомъ отъ внутренней жизни пастыря, которая у разныхъ лицъ различна, но это различіе не исключаетъ и общихъ началъ въ духовной жизни добрыхъ пастырей. Мы видимъ, что, при всѣхъ индивидуальныхъ различіяхъ, въ нравственномъ содержаніи добрыхъ пастырей всегда замѣчались нѣкоторыя общія черты, которыми обусловливалось ихъ пастырское вліяніе. Это общее содержаніе и можетъ быть выражено въ точныхъ научныхъ понятіяхъ, составляющихъ задачу нашей науки.

Сверхъ того должно замѣтить, что самая мысль, будто успѣхъ пастырства всецѣло обусловливается внутреннимъ настроеніемъ пастыря, есть мысль односторонняя. Возвышенное настроеніе, конечно, необходимо для пастыря, но одного его недостаточно, точно такъ же, какъ матери недостаточно одной любви къ своему ребенку, хотя бы и самой глубокой, для того, чтобы дать ему надлежащее воспитаніе: при любви необходимо и умѣнье, необходимы познанія. Если молодой человѣкъ одушевленъ искреннимъ желаніемъ послужить духовному созиданію своихъ ближнихъ, то это еще не значитъ, будто онъ уже обладаетъ всѣми условіями къ успѣшной пастырской дѣятельности: у него, можетъ быть, недостаетъ ни знанія жизни, ни знанія людей и себя са-

мого. Онъ не можетъ быть увѣренъ даже въ томъ, что его возвышенныя намѣренія, не направляемыя опытнымъ руководителемъ или познаніемъ законовъ духовной жизни и пастырства, не поведутъ его къ самообольщенію или такъ называемой прелести. Насколько сильно угрожаютъ подобнаго рода опасности людямъ, посвятившимъ свою жизнь какому-нибудь исключительному нравственному подвигу, видно не только изъ извѣстныхъ всѣмъ примѣровъ, приводимыхъ въ писаніяхъ аскетовъ, но и изъ самаго св. Писанія. Мы видимъ, что Господь находилъ нужнымъ умѣрять подобные порывы даже въ такихъ ревнителяхъ, какъ ап. Павелъ, котораго Онъ не благоволилъ избавить отъ „пакостника плоти“, дабы онъ не превозносился. Понятно, что и для пастыря церкви недостаточно имѣть ревность о служеніи Богу и ближнимъ, а нужны познанія о томъ, какъ управлять этою ревностію. Эти-то знанія и должно предложить Пастырское Богословіе.

2) Имѣетъ ли наша наука предметъ, отдѣльный отъ прочихъ наукъ?

Во-вторыхъ, противъ Пастырскаго Богословія, какъ и противъ другихъ богословскихъ и нравственныхъ наукъ, часто возражаютъ въ томъ смыслѣ, что оно не имѣетъ самостоятельнаго предмета: все то, что мы читаемъ въ системахъ Пастырскаго Богословія, будто-бы, можетъ быть разложено по частямъ на заимствованія изъ гомилетики, литургики и церковнаго права. Нужно сознаться, что, по отношенію ко многимъ руководствамъ, особенно иностраннымъ, это возраженіе имѣетъ нѣкоторую силу. Въ инославныхъ, нерѣдко трехтомныхъ, руководствахъ по Пастырскому Богословію обыкновенно пастырское служеніе разсматривается съ трехъ сторонъ, именно, какъ служеніе царское, первосвященническое и пророческое. Основаніемъ для такого раздѣленія служитъ различеніе трехъ этихъ служеній въ искупительномъ подвигѣ І. Христа. Царское служеніе пастыря, говорятъ, состоитъ въ пользованіи предоставленными ему церковнымъ правомъ полномочіями по управленію приходомъ, священническое служеніе состоитъ въ исполненіи богослужебныхъ обязанностей, а пророческое—въ проповѣдничествѣ. Впрочемъ, въ большинствѣ системъ къ отдѣлу о царскомъ слу-

женіи пастыря прибавляется глава о пастырѣ, какъ врачѣ душъ, какъ духовномъ руководителѣ своихъ пасомыхъ. Въ этой главѣ излагаются отношенія пастыря къ лицамъ разныхъ классовъ общества, разнаго возраста и пола, разнаго развитія, внѣшняго положенія и внутренней настроенности. Нужно при этомъ замѣтить, что означенная глава обыкновенно бываетъ очень скудна по содержанію и ограничивается самыми общими положеніями. Таковъ составъ громаднаго большинства курсовъ нашей науки, вызвавшій приведенное возраженіе противъ нея, но къ счастью для послѣдней онъ вовсе не вытекаетъ изъ ея назначенія, но представляетъ собою уклоненіе отъ ея настоящихъ требованій. Не говоря уже о томъ, что самое раздѣленіе служеній Христовыхъ вошло въ наши учебныя руководства не изъ св. Преданія, а отъ западныхъ схоластиковъ: примѣнять это различеніе къ священническому служенію совершенно неудобно даже съ формально-логической точки зрѣнія. По этому различенію выходитъ, что пастырство есть священство, съ приложеніемъ царствованія и пророчества. Опредѣленіе, очевидно, неудачное. Сверхъ того, во всякой наукѣ менѣе ясное понятіе опредѣляется болѣе простымъ и яснымъ, но которое изъ этихъ трехъ понятій есть самое ясное, неизвѣстно. Такъ напр., дѣятельность пророческая была чрезвычайно разнообразна и сопровождалась совершенно исключительными дарованіями для каждаго пророка: много ли общаго между Валаамомъ и Исаіею, Давидомъ и Іереміею? Служеніе царское, столь разнообразное въ различныхъ государствахъ, есть дѣло болѣе сложное и условное, чѣмъ призваніе пастыря. Послѣднее поэтому нисколько не нуждается въ опредѣляющемъ значеніи понятій царя и пророка тѣмъ болѣе, что само по себѣ оно обладаетъ и единствомъ, и полною опредѣленностью собственнаго содержанія. Дѣйствительно, легко убѣдиться, что какъ по ученію св. Писанія и св. Преданія, такъ и по естественнымъ соображеніямъ, служеніе пастырское не есть нѣчто составное и разнородное, но единая, цѣльная внутренняя настроенность избранника Божія, нѣкое всеобъемлющее стремленіе облагодатствованнаго духа человѣческаго. Когда Господь прощалъ раскаявшагося Петра, то, въ каче-

ствѣ дара любви, повелѣлъ ему быть пастыремъ Его духовнаго стада: „если любишь Меня, паси овецъ Моихъ“. Даръ любви, искупающій отступничество, долженъ быть единымъ, внутренно цѣлостнымъ подвигомъ, а не суммой разнородныхъ полномочій. Отличіе Своего дѣланія отъ фарисейскаго Господь разъясняетъ въ различныхъ образахъ, объединяющихся въ Его рѣчи въ общемъ понятіи *добраго пастыря*, которое, слѣдовательно, въ сознаніи Его слушателей имѣло опредѣленное содержаніе: Я добрый пастырь потому-то и потому-то, а приходившіе раньше, хотя и выдавали себя за добраго пастыря, но не были имъ на самомъ дѣлѣ по такой-то и такой причинѣ.

Пророки-пастыри свое призваніе мыслили тоже въ видѣ единаго, всецѣлаго посвященія себя единому, опредѣленному дѣлу: „*Ты влекъ меня, Господи,* говоритъ пророкъ и священникъ Іеремія, *и я увлеченъ... и подумалъ я: не буду напоминать о Немъ и не буду болѣе говорить во имя Его, но было въ сердцѣ моемъ, какъ-бы горящій огонь, заключенный въ костяхъ моихъ, и я истомился, удерживая его, и—не могъ*“ (Іер. XX, 7, 9). Точно также и св. отцы представляли свое пастырское самосознаніе, какъ единое, цѣльное настроеніе, которое они изливали обыкновенно въ лирической рѣчи. Это настроеніе всецѣлаго посвященія себя Богу и спасенію ближнихъ не разсматривается ни въ одной богословской наукѣ, а между тѣмъ, по своимъ исключительнымъ качествамъ и условіямъ развитія, подлежитъ тщательному изученію на основаніи Библіи, преданія и опыта. Изученіемъ этимъ и занимается наша наука, какъ предметомъ, исключительно ей принадлежащимъ.

3) Не есть ли пастырское воздѣйствіе частный видъ педагогическаго вліянія вообще?

Впрочемъ противъ послѣдней мысли возможны новыя возраженія: не есть ли подобное понятіе о пастырствѣ лишь частный видъ болѣе общаго понятія о нравственномъ руководствѣ ближними, содѣйствующій духовному возрожденію послѣднихъ? Можно, говорятъ, вліять на ближнихъ и безъ пастырства: ряса ничего не прибавитъ человѣку въ этомъ вліяніи. Такъ думаютъ послѣдователи цѣлаго исповѣданія, протестантскаго. Они правы съ своей точки зрѣнія: если

они не признаютъ благодати священства, то, конечно, ничего она имъ и не прибавила бы, кромѣ осужденія.

Но христіанство ясно говоритъ, что глубокое и рѣшительное вліяніе на нравственную жизнь ближнихъ возможно лишь, во 1-хъ, въ церкви, а во 2-хъ, оно доступно лишь для лицъ, получившихъ на то особыя благодатныя полномочія, т. е. благодать священства. Іисусъ Христосъ учитъ: *кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода, ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего; кто не пребудетъ во Мнѣ, изверженется вонъ, какъ вѣтвь, и засохнетъ; а такія вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огонь, и онѣ сгораютъ* (Іоан. XV, 5—6). Св. апостолы также утверждаютъ, что ихъ дѣятельность не только не есть даръ естественный, но исходитъ именно отъ полноты жизни церкви. Поэтому напрасно протестанты, не отрицающіе особыхъ дарованій у апостоловъ, стараются поставить послѣднихъ выше церкви и дарованія ихъ представляютъ совершенно исключительными и вовсе непродолжаемыми. Въ Дѣяніяхъ, напротивъ, повѣствуется, что церковь молилась о Павлѣ и Варнавѣ, когда они отправлялись на проповѣдь, и возлагала на нихъ руки, а они, по возвращеніи, давали ей отчетъ объ успѣхахъ проповѣди. Итакъ, христіанское пастырство съ самаго начала явилось, какъ полномочіе, получаемое въ церкви: пастырское служеніе есть служеніе церковное. Тѣ проповѣдники, которые являлись во времена апостоловъ, но не были выразителями церковной жизни, заслужили отъ нихъ тяжкое осужденіе, хотя нѣкоторые изъ нихъ и обольщались мыслію создать высшую добродѣтель, проповѣдуя ложную свободу и знаніе. Апостолы называли ихъ обманщиками, безводными источниками, облаками, блуждающими звѣздами, осенними деревьями, указывая этими сравненіями на то, что они способны были вызвать лишь минутное одушевленіе, а не дѣйствительно переродить человѣка.

4) Пастырство есть служеніе церковное.

Съ точки зрѣнія психологической также совершенно понятно, что, при постоянномъ господствѣ въ обществѣ грѣха, насадитель нравственнаго добра въ мірѣ, видя себя одинокимъ, врагомъ почти всего міра, не

могъ бы устоять въ своемъ подвигѣ, если бы не сознавалъ себя ратникомъ великаго воинства, однимъ изъ многихъ носителей и выразителей не своей, но Божіей силы, побѣдоносно исполняющей чрезъ неодолимую адовыми вратами церковь спасительныя предначертанія Промысла. Кому неизвѣстна тяжесть креста евангельскаго проповѣдника? *Будете ненавидими всѣми языки имене Моего ради* (Мѳ. XXIV, 9); *всякъ, иже убіетъ вы, мнится службу приносити Богу* (Іоан. XVI, 2). Если и совершается дѣло служенія сего, если даже и побѣда достигается, то вѣдь это идетъ путемъ чрезвычайно медленнымъ, далеко не заканчиваемымъ срокомъ назначенной пастырю земной жизни. Могъ ли бы напр. св. Григорій Богословъ находить смыслъ въ своей борьбѣ съ аріанствомъ или св. Златоустъ въ борьбѣ съ столичнымъ развращеніемъ, если-бы они мыслили себя отдѣльными, личными борцами за истину? Сила пастырскаго вліянія пріобрѣтается по большей части уже въ старости, когда дѣятель готовится къ отшествію въ вѣчность: гдѣ возьметъ онъ бодрость въ борьбѣ своей, если не въ увѣренности, что и послѣ его кончины не престанетъ дѣйствовать та сила, однимъ изъ носителей которой онъ является,— сила церкви?

Св. Димитрій Ростовскій, въ словѣ объ истинномъ пастырѣ (кажется, на св. Тихона Амаѳунтскаго), въ числѣ свойствъ пастырскихъ указываетъ на то, которое выражено словами Господа: *никто не похититъ ихъ* (овецъ) *изъ руки Моей. Отецъ Мой, Который далъ Мнѣ ихъ, больше всѣхъ: и никто не можетъ похитить ихъ изъ руки Отца Моего* (Іоан. X, 28, 29). Мысль у св. Димитрія та, что условіемъ истиннаго пастырства должна быть убѣжденность, что стадо, пасомое пастыремъ и охраняемое имъ отъ враговъ, есть стадо не его собственное, но то же стадо Христово, которое въ Немъ и въ Отцѣ Его имѣетъ свою охрану и чрезъ то даетъ и земному пастырю дерзновенную надежду на побѣдоносный исходъ духовной борьбы.

Лишь сознавая себя однимъ изъ членовъ вселенскаго тѣла Христа, *изъ Котораго все тѣло, составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляю-*

щихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви (Еф. IV, 16), уполномоченный церковью, христіанинъ можетъ рѣшиться на пастырскій подвигъ, не страшась видимаго господства зла и неправды въ мірѣ.

Но не можетъ ли, въ ободреніе нравственной дѣятельности, замѣнить вѣру въ церковь идея нравственнаго прогресса человѣчества? Нѣтъ, не можетъ. Мы уже не будемъ говорить, что въ прогрессъ свойственно вѣровать лишь пантеистамъ, что въ пользу *нравственнаго* прогресса не возможно привести никакихъ вѣскихъ доводовъ, а противъ него—ясныя слова Писанія, пусть эта идея не будетъ химерой: всетаки въ ней могутъ почерпнуть временное одушевленіе развѣ дѣятели политическіе, которые не берутся за измѣненіе внутренняго существа человѣка, но надѣются на постепенное вліяніе разумныхъ внѣшнихъ учрежденій. Но и ихъ увлеченіе бываетъ довольно кратковременнымъ. Чѣмъ кончаются ихъ замыслы? Сначала они настолько широки и смѣлы, что не ограничиваются мыслію объ измѣненіи законодательства, а мечтаютъ и о нравственномъ возрожденіи общества посредствомъ этихъ внѣшнихъ мѣръ. Однако дѣйствительная жизнь скоро убѣждаетъ ихъ, что внутреннее содержаніе ея остается неизмѣннымъ при перемѣнахъ внѣшнихъ, и вотъ причина столь быстрыхъ и безповоротныхъ разочарованій большинства политическихъ мечтателей въ Россіи, напр., земцевъ. Одни изъ этихъ мечтателей погружались въ безпросвѣтное уныніе, напр., Герценъ, другіе изъ лагеря юристовъ переходили въ ряды моралистовъ, напр., Кавелинъ. Только наиболѣе упорныя, тупыя и неглубокія натуры, не умѣющія отступать назадъ, остаются при своихъ мечтаніяхъ, но за то послѣднія суживаются до мономаніи: дѣятели такого рода уже перестаютъ разсуждать о конечной цѣли своихъ предпріятій и часто даже не могутъ дать себѣ отчета въ томъ, изъ-за чего собственно они бьются, добиваясь той или иной реформы, а становятся маніаками того или иного, безотчетно усвоеннаго, политическаго замысла, таковы, напр., соціалисты. Но къ подобному же суженію своихъ общественныхъ идеаловъ

въ концѣ концовъ приходятъ съ необходимостью и *моралисты*, отдѣляющіеся отъ полноты церкви. Если послушать ихъ, то окажется, что всѣ затрудненія нравственной жизни могутъ разрѣшиться, если будутъ повсюду введены общества трезвости, или вегатеріанство, или ручной трудъ. Самый узкій педантизмъ замѣняетъ, такимъ образомъ, прежнюю широту замысловъ какихъ-нибудь сектантовъ или основателей культурныхъ скитовъ. Внутреннее сознаніе своего безсилія и неосмысленности своихъ предпріятій дѣлаетъ ихъ раздражительными, фанатичными, и въ этихъ неприглядныхъ качествахъ ума и сердца они находятъ единственное средство подавлять свой разсудокъ и совѣсть.

Мысль о церкви, какъ необходимое требованіе даже невѣрующихъ нравственныхъ дѣятелей.

Глубоко поучительно и даже знаменательно то явленіе, что, чуждаясь истинной церкви, моралисты-философы бываютъ однако принуждены составить себѣ хоть какую-нибудь фикцію церкви. Такъ и индивидуалистъ Кантъ, и многіе изъ эволюціонистовъ, и даже профессіональный врагъ церкви Л. Толстой изобрѣтаютъ себѣ собственное понятіе о церкви, какъ о несознаваемомъ, но все-таки дѣйствительномъ, существенномъ союзѣ людей, посвятившихъ себя служенію добру и истинѣ. Разумѣется, и эта фикція, какъ собственный ихъ вымыселъ, не въ состояніи бываетъ подкрѣплять ихъ въ дѣятельномъ осуществленіи нравственныхъ цѣлей, но все же она ясно свидѣтельствуетъ, что мысль человѣческая сама по себѣ требуетъ нѣкотораго представленія о внутреннемъ единствѣ борцовъ добродѣтели, въ качествѣ необходимаго основанія для посвященія себя нравственному служенію ближнимъ, для примиренія вѣрующей совѣсти съ постояннымъ господствомъ зла въ мірѣ. Дѣйствительно, даже ветхозавѣтные пророки не могли стяжать себѣ совершенно примиреннаго взгляда на жизнь, на борьбу добра и зла, именно потому, что имъ не была еще открыта истина церкви, всегда побѣдоносно охраняющей правду Божію на землѣ и содержащей въ себѣ сокровищницу непорочной святости. Пророки, конечно, вѣрили, что міромъ правитъ Господь и незримо для людей возстановляетъ нарушенную правду, но ихъ мучило то, что эти явленія перста Божія были еди-

ничны, что въ обычной жизни господствовало зло, и слезы угнетенныхъ не имѣли себѣ утѣшителя (Еккл. IV, 1). Такъ Іовъ жалуется Богу: *отчего беззаконные живутъ, достигаютъ старости, да и силами крѣпки?* (Іов. XXI, 7); *часто ли угасаетъ свѣтильникъ у беззаконныхъ, и находитъ на нихъ бѣда?* (XXI, 17); *земля отдана въ руки нечестивыхъ; лица судей ея Онъ закрываетъ* (Іов. IX, 24). Скорбь о торжествѣ нечестія нашла бы у Іова свое единственное примиреніе въ сознаніи той близости къ намъ Господа и Его промышленія, которое теперь всѣми нами сознается въ церкви. *О, если бы я зналъ, гдѣ найти Его, и могъ подойти къ престолу Его! Я изложилъ бы предъ Нимъ дѣло мое, и уста мои наполнилъ бы оправданіями* (Іов. XXIII, 3, 4). И дѣйствительно, Іовъ утѣшился только тогда, когда Господь явился ему: *я слышалъ о Тебѣ слухомъ уха, теперь же мои глаза видятъ Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь въ прахѣ и пеплѣ* (Іов. XLII, 5—6). Такъ и псалмопѣвецъ, и пророкъ Іеремія ужасались господству зла: *что, яко путь нечестивыхъ спѣется?* Только предъ пришествіемъ Христа, въ книгѣ Премудрости, выражена надежда, что непримиримое повидимому съ промысломъ Божіимъ торжество нечестивыхъ и угнетеніе праведниковъ найдетъ свое возмездіе въ жизни загробной, когда мучители и богохульники, при видѣ прославленнаго праведника, падутъ безгласными ницъ и познаютъ свое заблужденіе. Но эта земная жизнь, даже въ глазахъ носителей высшаго духовнаго разумѣнія, была удѣломъ лишь скорби и терпѣнія, до тѣхъ поръ, пока Господь не далъ намъ обѣтованія о Своемъ постоянномъ пребываніи среди насъ и пребывающемъ въ церкви Духѣ-Утѣшителѣ, Который будетъ обличать міръ о грѣхѣ, о правдѣ и о судѣ, и при Которомъ служителямъ Христовымъ будетъ *лучше*, чѣмъ когда они пребывали со Христомъ (Іоан. XVI, 7). Общеніе со Христомъ при обладаніи дарами Святаго Духа, иначе говоря, пребываніе въ Его тѣлѣ, въ Его церкви,— вотъ необходимое условіе пастырскаго дерзновенія и терпѣнія. Пастырство возможно только въ церкви.

5) Церковное пастырство есть служеніе особенное, не для всѣхъ сыновъ церкви доступное.

Но вотъ является вопросъ со стороны протестантовъ: не доступно ли это служеніе всѣмъ ея членамъ? Апостолъ Павелъ внушаетъ каждому созидать своихъ ближнихъ. Протестанты, думая основываться на этомъ изреченіи и на извѣстныхъ словахъ ап. Петра (1 Петр. II, 9), создали ученіе о всесвященствѣ; но, конечно, подобное распространеніе задачи пастырей на всѣхъ христіанъ явилось возможнымъ лишь при протестантскомъ пониженіи самаго подвига христіанина чрезъ ложный догматъ о единой спасающей вѣрѣ, по коему человѣкъ долженъ полагать свою задачу лишь въ углубленія ума въ созерцаніе Откровенія, не предпринимая требуемой послѣднимъ борьбы со страстями, не стремясь самодѣятельно къ совершенству. Конечно, при подобныхъ воззрѣніяхъ нѣтъ нужды ни въ церкви, ни въ благодатныхъ пастырскихъ полномочіяхъ, точно такъ же, какъ и при обычномъ въ теперешнемъ свѣтскомъ обществѣ взглядѣ, когда цѣлью нравственнаго воспитанія является средній человѣкъ, и нравственное совершенство замѣняется нравственнымъ благоприличіемъ. Не такъ по воззрѣнію христіанскому, требующему, чтобы человѣкъ стремился къ полному совершенству, къ духовной чистотѣ и общенію съ Богомъ. По такому взгляду, между худшими и лучшими язычниками и вообще между людьми естественными только та разница, что одинъ болѣе, а другой менѣе золъ, какъ выразился блаж. Августинъ. Поэтому на пути къ благодатному совершенству господствующимъ въ человѣкѣ настроеніемъ справедливо признается скорбь о своихъ порокахъ и грѣхахъ, такъ что и путь духовнаго подвижничества есть подвигъ покаянія. Возможно ли, чтобы человѣкъ, исполненный сознанія собственныхъ грѣховъ, осмѣлился взяться за дѣло нравственнаго возрожденія другихъ, забывая слова Господа о томъ, что съ репейника не собираютъ смоквы? Посвятить себя духовному служенію ближнимъ христіанинъ можетъ только тогда, когда онъ увѣренъ, что онъ не отъ себя идетъ на это служеніе, а по полномочію церкви. Если Павелъ говоритъ, что онъ — ничто, а все, въ чемъ онъ потрудился, совершила благодать Божія, то тѣмъ болѣе обыкновенный человѣкъ не можетъ браться

за это дѣло отъ себя, не надѣясь на помощь благодати и не считая себя ничтожествомъ. Для успѣха въ пастырствѣ необходимо смотрѣть на это служеніе, какъ на одареніе особыми полномочіями. Отрицатели благодатныхъ полномочій пастырства должны были утвердиться въ мысли о невозможности духовнаго совершенствованія вообще, а такое положеніе породило за собой и дальнѣйшія заблужденія. Именно, на почвѣ безпастырскаго протестантизма развилась философія Шопенгауера, которая пришла къ ученію о неизмѣняемости человѣческаго характера. По Шопенгауеру, кажущееся измѣненіе въ нравственной жизни человѣка не касается внутренняго его существа; всѣ измѣненія составляютъ лишь переходныя ступени въ развитіи личности въ опредѣленномъ разъ навсегда направленіи ея индивидуальной природы, самая же личность, существенныя черты ея нравственнаго характера останутся всегда неизмѣнными. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь коренномъ внутреннемъ перерожденіи человѣка, а тѣмъ болѣе о цѣлесообразности пастырскаго подвига. По философіи же христіанской, такое перерожденіе возможно и должно быть: *кто во Христѣ, тотъ—новая тварь* (2 Кор. V, 17); служеніе апостоловъ заключается въ томъ, чтобы люди совлеклись *ветхаго человѣка, истлѣвающаго въ обольстительныхъ похотяхъ*... и облеклись *въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ праведности и святости истины* (Еф. IV, 22, 24), чтобы отнять у людей сердце каменное и вложить сердце плотяное и духъ новый въ ихъ утробахъ. Относительно такого измѣненія св. Писаніе говоритъ, что оно недостижимо ни для кого, кромѣ носителя новозавѣтной благодати; основная мысль Екклезіаста та, что криваго нельзя сдѣлать прямымъ, и кривизны эти, кривизны нравственной жизни, выпрямляются, по слову пророка (Ис. XL, 3; Мар. I, 3), лишь дѣйствіемъ новозавѣтнаго, призваннаго особымъ полномочіемъ, проповѣдника. Только тотъ христіанинъ можетъ рѣшиться прикоснуться ко внутреннему міру своего ближняго, который сознаетъ себя проводникомъ этой всеисцѣляющей благодатной силы Божіей, какъ единственнаго, существеннаго средства врачеванія.

Какъ проповѣдывать, если не будутъ посланы? (Римл. X, 15).

6) Преимущество пастырскаго вліянія предъ нравственнымъ вліяніемъ дѣятелей естественныхъ.

Но самое посланничество слѣдуетъ ли разумѣть непремѣнно въ смыслѣ благодатныхъ церковныхъ полномочій? Дѣйствительно указываютъ на то, что сильное нравственное вліяніе на окружающихъ въ различныхъ областяхъ жизни могутъ оказывать и люди, не получившіе благодатныхъ даровъ, но отличающіеся какими нибудь *естественными талантами*, напр. педагоги, родители и даже частные, посторонніе добродѣтельные люди. — На это нужно сказать, что никакое благодатное дарованіе не бываетъ безъ нѣкотораго естественнаго соотвѣтствія въ душѣ человѣческой. Есть такое соотвѣтствіе и для дара священства. Самое названіе священника—пастырь, отецъ духовный, заимствованы изъ области житейской практики: пастырь—пастухъ, отецъ духовный — отецъ семейства; свойства, требуемыя отъ послѣднихъ, очевидно, должны быть присущи въ высшемъ смыслѣ и первому. Такія естественныя свойства, обусловливающія вліяніе на среду, въ нѣкоторой степени имѣются, конечно, у каждаго человѣка: и у семьянина, и у педагога, и у ученаго, и у всякаго другого. Каждый изъ нихъ такъ или иначе вліяетъ на окружающихъ, причемъ вліяніе это, какъ основывающееся на самой ихъ природѣ или призваніи, постоянное, непреходящее, но за то и очень ограниченное. Ограничивается оно или со стороны внѣшней, — кругомъ лицъ, на которыя распространяется, напр., у семьянина, вліяніе котораго не переходитъ за предѣлы семьи, или со стороны внутренней, — кругомъ нравственныхъ свойствъ или идей, передаваемыхъ средѣ; напр. педагоги могутъ быть весьма вліятельны въ области преподаваемыхъ учебныхъ предметовъ въ школѣ, но въ житейскихъ отношеніяхъ къ постороннимъ людямъ они могутъ быть сухи, необщительны; даже и въ своей области—въ классѣ—ихъ вліяніе можетъ ограничиваться лишь узкой сферой учебнаго дѣла, внѣ котораго они могутъ не имѣть никакого значенія для учениковъ своихъ. Шире область вліянія тѣхъ людей, которыхъ можно назвать житейскими философами, но и они ограни-

чены кругомъ идей, проводимыхъ ими въ общественную жизнь, напр. любви къ образованію, удаленію сословныхъ предразсудковъ и т. п. А такихъ людей, которые оказывали бы вліяніе на общество во всѣхъ сторонахъ нравственной жизни безъ благодатнаго дара, мы не встрѣчали и не встрѣтимъ. Такимъ образомъ указываемыя явленія естественнаго правоучительнаго таланта не опровергаютъ и не устраняютъ нужды въ особомъ благодатномъ дарѣ для пастыря, который является отцемъ и учителемъ всѣхъ.

7) Пастырь и церковная община.

Серьезнѣе другого рода возраженіе, идущее со стороны протестантовъ. Протестанты принципіально отвергаютъ высокія полномочія пастырей и любятъ толковать о священствѣ, ссылаясь на извѣстныя слова апостола Петра. Въ подтвержденіе своего взгляда они указываютъ на первые вѣка церковной жизни, когда пастыри не выдвигались такъ надъ обществомъ вѣрующихъ: выдѣленіе ихъ было слѣдствіемъ упадка нравственно-религіозной жизни людей. Изреченія св. Писанія, касающіяся священства, они относятъ только къ апостоламъ, отрицая дальнѣйшее преемство апостольскихъ полномочій въ церкви. — Протестанты опускаютъ изъ виду то, что и тогда, въ первенствующей церкви, началомъ, возрождающимъ, воспитывающимъ общество, были не естественныя способности людей, не свободное саморазвитіе каждой личности, а полнота благодатныхъ даровъ, излитыхъ на вѣрующихъ. Тогда пастырское индивидуальное руководство могло быть дѣйственнѣе, не выдвигаясь такъ замѣтно въ церковной жизни какъ власть, какъ борьба, потому что при высокомъ благодатномъ настроеніи всей общины, когда члены ея получали даръ языковъ, другіе—даръ пророчества и т. п., слово пастыря принималось съ усердіемъ, да и самая нужда въ немъ возникала не такъ часто, тѣмъ болѣе, что каждая отдѣльная личность могла почерпать и вдохновенія, и предостереженія въ высокомъ настроеніи и евангельскомъ бытѣ всего церковнаго братства. Такимъ образомъ, если пастыри не выдѣлялись тогда, то это нисколько не говоритъ противъ ихъ обладанія высокими полномочіями, о которомъ въ св. Писаніи находимъ положительныя указанія. Разумѣемъ упоминанія о томъ, что

апостолы изъ среды вѣрующихъ выдѣляли особыхъ ревнителей, которымъ передавали такія полномочія: пасти церковь (Дѣян. XX, 28), и ставить епископовъ (Тит. I, 5) и діаконовъ (1 Тим. III, 10), и возгрѣвать даръ священства (2 Тим. I, 6), хотя нельзя отрицать и того, что значеніе общины въ дѣлѣ нравственнаго вліянія было гораздо важнѣе, нежели въ практикѣ современныхъ намъ православныхъ приходовъ, и если бы протестанты возвратили намъ эту полноту даровъ, то и современные пастыри освободились бы отъ доброй половины духовныхъ обязанностей. Но конечно, чтобы понять нужду въ благодатно-одаренномъ пастырѣ, должно брать христіанскую общину не въ ея прошломъ состояніи, а въ настоящемъ ея видѣ. Ап. Павелъ хорошо опредѣлилъ отношенія пастыря къ вѣрующимъ, уподобляя его пѣстуну, т. е. нянѣ. Изъ отношеній няньки къ ребенку уясняется отношеніе преемниковъ апостоловъ къ обществу христіанскому. Для ребенка послушнаго и добровольно подчиняющагося цѣли воспитанія нуженъ только надзоръ, молчаливое наблюденіе за его поступками, но когда ребенокъ начинаетъ отступать отъ правилъ воспитанія, впадать въ заблужденія и проступки, назначеніе няньки уже не ограничивается однимъ наблюденіемъ: она теперь начинаетъ пользоваться всѣми данными ей полномочіями и правами. Такъ и въ церкви. Если права пастыря церкви въ первое время жизни христіанскаго общества, протекавшей подъ непосредственнымъ видимымъ воздѣйствіемъ Св. Духа, не проявлялись со всею ихъ силой въ жизни внѣшней, то, съ оскудѣніемъ религіозно-нравственнаго одушевленія, они необходимо должны были обнаружиться...

8) Священство и апостольство.

Впрочемъ и во время апостоловъ пастырскія полномочія проявлялись въ полной силѣ тамъ, гдѣ нужна была напряженная духовная борьба, т. е. въ области миссіонерской. Здѣсь права пастыря выступали во всей силѣ, такъ что, согласно приведенному сравненію, отношеніе пастыря-миссіонера къ пастырю-наблюдателю и руководителю, по апостолу, уподоблялись отношенію отца, родившаго сыновъ, къ пѣстуну, ими руководящему. Но теперь, когда въ христіанское общество члены его вступаютъ не по добро-

вольной и самоотверженной убѣжденности, но пребываютъ въ немъ нерѣдко съ чисто языческимъ настроеніемъ духа, во время преобладающаго равнодушія къ спасенію, задача каждаго пастыря заключается не только въ поддержаніи духовной ревности пасомыхъ, но и во внѣдреніи таковой на мѣсто прежняго духовнаго окаменѣнія. Онъ обязанъ пріобрѣтать Христу новыхъ сыновъ, сѣя въ людяхъ сѣмя слова Божія. Но полномочія современнаго пастыря усиливаются еще и въ другомъ отношеніи. Въ первые вѣка христіанства конечнымъ духовнымъ руководителемъ едвали не каждой личности былъ епископъ, являвшійся духовнымъ отцемъ небольшой сравнительно общины: всѣ члены послѣдней имѣли къ нему прямой доступъ, онъ совершалъ главнѣйшія таинства, къ нему всѣ приходили слушать поученія, онъ слѣдилъ вообще за религіозно-нравственной жизнію каждаго пасомаго. Это дѣлать ему было не затруднительно, такъ какъ подъ руководствомъ каждаго епископа находилось приблизительно столько же пасомыхъ, сколько ихъ находится теперь въ Россіи въ вѣдѣніи одного священника, если не меньше того. Поэтому теперь задача пастырской дѣятельности священника не ниже, а гораздо шире и выше не только перваго вѣка, но и времени ея наивысшаго раскрытія въ твореніяхъ отцевъ четвертаго и пятаго вѣка, съ которыми не хотятъ согласиться отрицатели іерархіи. Понятно, что такую высокую задачу кореннаго измѣненія понятій и нравовъ не можетъ взять на себя человѣкъ, не надѣленный особенными благодатными полномочіями, не взирающій на такой подвигъ, какъ на лично свой долгъ, заповѣданный ему Господомъ. Это тѣмъ понятнѣе, что насколько христіанинъ просвѣщеннѣе въ духовной жизни, настолько глубже и яснѣе сознаетъ свою собственную грѣховную слабость. Только мысль о неотложной обязанности можетъ его подвигнуть бороться со вселенной, какъ нѣкогда Моисея голосъ изъ терноваго куста. Необходимость особыхъ благодатныхъ полномочій для нравоучителя высказалась въ исторіи русской мысли въ томъ обстоятельствѣ, что талантливый ревнитель исправленія нравовъ, но отрицающій благодатную іерархію, Л. Толстой, противъ воли при-

Библиот... Академия...

шелъ къ убѣжденію, что нравовъ человѣческихъ исправлять невозможно ни чрезъ личное общеніе, ни чрезъ учительство. На этомъ доводѣ отъ противнаго мы оканчиваемъ разборъ возраженій противъ нашего опредѣленія предмета пастырской науки и возвращаемся къ частнѣйшему опредѣленію послѣдняго.

Пастырское служеніе состоитъ, какъ сказано, въ служеніи возрожденію душъ, совершаемому Божественною благодатію. Для совершенія этого служенія пастырь получаетъ даръ, внутренно его перерождающій. Всякій наблюдатель жизни согласится съ тѣмъ, что даръ этотъ обнаруживается въ извѣстной духовной настроенности пастыря, отъ которой и зависитъ успѣхъ его дѣятельности. Отсюда ясно, что предметомъ науки Пастырскаго Богословія должно быть точнѣйшее опредѣленіе этой настроенности и описаніе законовъ ея усвоенія, охраненія, развитія и воздѣйствія на жизнь прихода.

Пастырское настроеніе по современнымъ курсамъ науки.

Въ чемъ же состоитъ особенность расположенія и настроенія духа пастыря?—Просматривая содержаніе пасторологической литературы всѣхъ исповѣданій, мы видимъ въ ней много попытокъ указать эти особенныя, внутреннія, субъективныя свойства пастыря, обусловливающія ему надлежащее исполненіе пастырскихъ обязанностей. Но всѣ эти перечисленія „добродѣтелей, которыя долженъ имѣть пастырь“, и „пороковъ, которыхъ онъ долженъ избѣгать“, не идутъ дальше обыкновенныхъ требованій, обязательныхъ для всѣхъ христіанъ, такъ что въ общемъ выходитъ, что пастырь долженъ быть тѣмъ, чѣмъ долженъ быть и всякій порядочный христіанинъ. Такой недостатокъ пасторологической литературы отмѣтилъ профессоръ Пѣвницкій, который поэтому даже отказался отъ опредѣленія пастырскаго настроенія и прямо призналъ, что пастырь по своимъ добродѣтелямъ является такимъ же, какъ и всѣ другіе христіане. Названный ученый оттѣняетъ лишь особую любовь къ церкви и церковности, да воздержаніе и благоразуміе, какъ отличительную черту пастырскаго призванія. Сущность служенія пастыря онъ опредѣляетъ, какъ дѣятельность преимущественно внѣш-

нюю, именно какъ возрожденіе душъ пасомыхъ чрезъ совершеніе таинствъ. Однако самое это опредѣленіе возбуждаетъ у читателя вопросъ, только что поставленный нами, какъ главный въ нашей наукѣ. Вѣдь неправда-ли, что и прочія, столь многочисленныя и разнообразныя въ православной церкви, священнодѣйствія священникъ долженъ, конечно, сопровождать соотвѣтственнымъ имъ настроеніемъ,— плакать съ плачущимъ, каяться съ кающимся, однимъ словомъ, поступать согласно словамъ ап. Павла: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю; кто соблазняется, и азъ не разжизаюся?* (2 Кор. XI, 29). Онъ долженъ, такимъ образомъ, сраспинаться всѣмъ своимъ ближнимъ, что совершенно невозможно безъ особеннаго дара, безъ нарочитаго *внутренняго обновленія*. Если же пастырь не имѣетъ этого свойства духовнаго отождествленія съ тѣмъ, за кого онъ молится, то все его служеніе не есть ли постоянная ложь: ложь на исповѣди, при крестинахъ, при погребеніи, при вѣнчаніи браковъ? Вѣдь во всѣхъ этихъ событіяхъ жизни пасомыхъ онъ свидѣтельствуетъ предъ Богомъ свое отеческое участіе къ разнообразнымъ нравственнымъ состояніямъ вѣрующихъ и, слѣдовательно, настолько сострадаетъ имъ, что для нелицемѣрнаго обладанія такимъ свойствомъ нужно быть или святымъ отъ природы, или имѣть эти свойства въ качествѣ особеннаго благодатнаго дара отъ Бога.

Даръ священства раскрывается въ сердцѣ пастыря, какъ сраспинаніе своему стаду.

Отсюда раскрываются отличительныя черты дара священства: пастырю дается благодатная сострадательная любовь къ паствѣ, обусловливающая собой способность переживать въ себѣ скорбь борьбы и радость о нравственномъ совершенствованіи своихъ пасомыхъ, способность чревоболѣть о нихъ, какъ ап. Павелъ или Іоаннъ. Такое свойство пастырскаго духа и выражаетъ самую сущность пастырскаго служенія, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ предметомъ изученія въ наукѣ Пастырскаго Богословія.

Но кто подтвердитъ намъ прямо и опредѣленно правильность такого пониманія? Положимъ, этотъ тезисъ довольно ясно вытекаетъ изъ выше приводившихся свящ.

изреченій; однако значеніе его такъ велико, что желательно подтвержденіе буквальное. Благодаря Господу, мы его имѣемъ въ бесѣдѣ Св. Іоанна Златоуста на посл. къ Кол. 11.— „Духовную любовь не раждаетъ что-либо земное: она исходитъ свыше съ неба и дается въ таинствѣ священства, но усвоеніе и поддержаніе благодатнаго дара зависитъ и отъ стремленія человѣческаго духа“. Изреченіе поистинѣ драгоцѣнное, какъ для нашей науки, такъ и догматическаго опредѣленія 5-го таинства. Если оно остается незамѣченнымъ въ инославномъ схоластическомъ и раціоналистическомъ богословіи, то именно вслѣдствіе разрозненнаго понятія о самомъ нравственномъ законѣ христіанскомъ, понимаемомъ тамъ въ видѣ суммы отдѣльныхъ нравственныхъ предписаній. Иначе опредѣляли законъ христіанской добродѣтели отцы церкви. У нихъ вся жизнь христіанина является, какъ постепенное духовное возрастаніе въ одномъ цѣльномъ и вполнѣ опредѣленномъ настроеніи, вмѣщающемъ всю сущность евангельскаго закона. Со стороны положительнаго своего содержанія это настроеніе есть постепенно проясняющееся предвкушеніе царства небеснаго—общенія съ Богомъ и ближними въ любви, или, по апостолу, „правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ“. Со стороны отрицательной, содержаніе духа христіанскаго подвижничества есть скорбь о своей грѣховности и духовная борьба съ постепенною побѣдой. Христіанинъ переживаетъ такое настроеніе за свою собственную душу: пастырь — за себя и за паству; послѣдній носитъ въ душѣ своей все то, чѣмъ нравственно живутъ его пасомые, сраспинается имъ, сливаетъ ихъ духовныя нужды съ своими, скорбитъ и радуется съ ними, какъ отецъ съ дѣтьми своими. У него какъ бы исчезаетъ его личное „я“, а всегда и во всемъ замѣняется „мы“. Въ этомъ задача его дѣятельности, въ этомъ онъ уподобляется апостолу, сказавшему: *Дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, пока не изобразится въ васъ Христосъ* (Гал. IV, 19). Такое настроеніе есть отличительная черта облагодатствованнаго пастыря, обусловливающая вліяніе его на пасомыхъ.

Статья II.

Общія условія пастырскаго вліянія—психологическія и богословскія.

Мы опредѣлили существенныя черты пастырскаго настроенія, которое является какъ главная дѣйствующая сила пастырскаго дѣланія. Но прежде слѣдуетъ остановиться на этомъ опредѣленіи, чтобы дать болѣе полный отчетъ относительно главнаго пункта пастырскаго дѣланія—пастырскаго настроенія. Какимъ же образомъ это послѣднее является дѣйствующей силой?

Основанія для рѣшенія этого вопроса троякаго рода: 1) почерпаемыя изъ наблюденія надъ жизнью, или эмпирическія; 2) философскія, вытекающія изъ ученія о свободѣ, и 3) богословскія, при помощи которыхъ первыя и вторыя освѣщаются словами Библіи и отцевъ.

Итакъ, прежде всего самая жизнь убѣждаетъ насъ въ томъ, что не іезуитская ухищренная примѣняемость къ людямъ разнаго положенія и характера, но именно внутреннее пастырское настроеніе священника является главнымъ условіемъ для нравственнаго созиданія ближняго. Дѣйствительно, если мы обратимъ вниманіе на то, какъ даже въ обыденной жизни можетъ переламываться порочная воля человѣка подъ вліяніемъ другой воли, то увидимъ, что здѣсь дѣйствующею силою является не столько разсудочная убѣдительность философа, не столько даже примѣръ праведника, сколько исходящая изъ сердца сострадательная любовь друга. Правда, любовь усиливаетъ и сознательное разсудочное вліяніе: человѣкъ, проникнутый любовью, болѣе, чѣмъ какой-либо другой, можетъ почуять законы нравственной жизни и всегда бываетъ въ большей или меньшей степени психологомъ и даже философомъ. Другая сторона, разъясняющая чисто естественное, общепонятное вліяніе любящаго человѣка, вполнѣ ясна: человѣкъ сострадательный всего скорѣе можетъ понять и личную жизнь даннаго страдальца, качество его духовнаго недуга или его индивидуальную природу; тѣмъ болѣе

понятнымъ становится значеніе этой силы, когда она соединяется съ образованіемъ, знаніемъ закона Божія и жизни. Но во всякомъ случаѣ главное условіе этого воздѣйствія заключается не въ учености, не въ психологической тонкости нравственнаго дѣятеля, а въ чемъ-то другомъ, что не нуждается ни въ какихъ посредствахъ, ни внѣшнихъ проявленіяхъ, или же что остается при всѣхъ этихъ проявленіяхъ неопредѣлившимся во внѣ, а непосредственно вливается въ душу наставляемаго. Въ свое время мы представимъ обстоятельное описаніе этого благодатнаго дара въ душѣ священника, а теперь разсмотримъ условія и свойства его вліянія на души пасомыхъ или обращаемыхъ.

Пастырское вліяніе основывается на таинственномъ общеніи душъ.

Человѣкъ, на котораго обращается это вліяніе, чувствуетъ, какъ самый духъ проповѣдника входитъ въ его душу, какъ будто бы нѣкто другой проникаетъ въ его сердце. Онъ или принимаетъ это вліяніе всецѣло, подчиняется ему, или же отвергаетъ его, вступаетъ съ нимъ въ борьбу, какъ нѣкогда Израиль боролся съ Богомъ. Поэтому-то и ап. Павелъ, объясняя свои отношенія къ христіанамъ со стороны именно этого личнаго отождествленія, говоритъ: „*мы не напрягаемъ себя, какъ не достигшіе до васъ, потому что достигли и до васъ*“ (2 Кор. X, 14), и въ другомъ мѣстѣ: „*ищу не вашего, а васъ*“ (2 Кор. XII, 14). Тотъ же смыслъ имѣютъ и слова Спасителя: „*се, стою у двери и стучу: кто услышитъ голосъ Мой и отворитъ дверь, войду къ нему и буду вечерять съ нимъ, и онъ со Мной*“ (Апокал. III, 20), и опять св. Павла: „*вамъ не тѣсно въ насъ; но въ сердцахъ вашихъ тѣсно. Въ равное возмездіе распространитесь и вы*“ (2 Кор. VI, 12, 13). Подобенъ смыслъ и не однажды повторяемаго ветхозавѣтнаго изреченія: „*отниму у васъ сердце каменное и вложу сердце плотяное*“, или другое: „*вложу законъ Мой во внутренность ихъ и на сердцахъ ихъ напишу его*“ (Іер. XXXI, 33). Пастырская проповѣдь представляется въ Священномъ Писаніи, какъ сила, дѣйствующая независимо отъ самаго содержанія поученія, но въ зависимости отъ внутренняго настроенія говорящаго. Такъ ап.

Павелъ пишетъ: *„проповѣдь моя не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы“*... (1 Кор. II, 4), или въ другомъ мѣстѣ: *„уразумѣю не слово разгордѣвшихся, но силу“* (1 Кор. IV, 19). Вліяніе души пастыря на пасомыхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ степени его преданности своему призванію, отъ его ревности къ возгрѣванію благодатнаго дара. Поэтому-то и Іоаннъ Креститель изъ того явленія, что всѣ идутъ ко Іисусу, усматривалъ, что *„не можетъ человѣкъ ничего принимать на себя, если не будетъ дано ему съ неба“* (Ев. Іоан. III, 27).

Эта мысль о непосредственномъ вліяніи внутренняго настроенія одного на жизнь другого силою Божіею, возгрѣвающей въ проповѣдникѣ пастырскую сострадательную любовь, въ нашъ вѣкъ раціонализма трудно принимается людьми образованными, по мнѣнію которыхъ вліятельнымъ началомъ въ жизни представляется только разумъ человѣческій.

Дѣйствительно, мы видѣли, что нѣкоторые мыслители, посвящающіе себя изысканію истины, готовы подчиниться лишь тому, что согласуется съ указаніями разума, т. е. можетъ быть изложено въ точныхъ понятіяхъ. Но все-таки подобныхъ людей очень мало, а господствующее значеніе разума есть на самомъ дѣлѣ вымыселъ, представляющій желаемое, какъ дѣйствительно существующее. Въ дѣйствительности же разумъ чаще является служебной силой въ жизни, нежели господствующей, такъ что даже въ тѣхъ, чисто научныхъ вопросахъ, гдѣ только затрогивается область субъективная, напр., въ вопросахъ философскихъ, нравственныхъ, политическихъ, воля всегда стоитъ впереди разума, и мыслитель является послѣдователемъ своихъ предупрежденій или симпатій. Даже въ области исторической при изученіи явленій, такъ или иначе волнующихъ наше сердце, истина является покрытою массою заблужденій, примѣромъ чего могутъ служить личности, напр., Никона и Петра Великаго, въ характеристикѣ которыхъ ученые далеко расходятся между собою, несмотря на одинаковость и обиліе источниковъ. Въ виду этого справедливою является

мысль новѣйшей психологіи о томъ, что не только въ субъективной дѣятельности человѣка, но и въ познаніяхъ его впереди разума стоитъ воля; тѣмъ болѣе тотъ, кто желаетъ переубѣдить человѣка въ его нравственныхъ самоопредѣленіяхъ, долженъ научиться воздѣйствовать непосредственно на его волю. Силою, вліяющею на волю, и является въ пастырѣ духъ пастырской любви, духъ пастырской ревности, выражающійся въ проповѣди слова Божія и его дѣятельности.

Въ чемъ заключается непреодолимость пастырскаго воздѣйствія.

Но эта сила пастырской ревности не есть сила всеподчиняющая: правда, она необходимо производитъ свое дѣйствіе, но дѣйствіе различное. Такъ, еще о младенцѣ Іисусѣ Симеономъ Богопріимцемъ было сказано: *„се лежитъ сей на паденіе и на возстаніе многихъ во Израили“*... (Лук. II, 34) и самъ Спаситель относительно невѣрующихъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что *„слово Его будетъ судить ихъ въ послѣдній день“* (Іоан. XII, 48). И въ другихъ мѣстахъ Евангелія (Іоан. III, 20; IX, 39; XV, 22) раскрывается подобная же мысль; ее же приводили и св. апостолы Петръ (I Петр. II, 6—9) и Павелъ, сказавшій относительно проповѣдниковъ Евангелія: *„мы Христово благоуханіе Богу въ спасаемыхъ и въ погибающихъ. Для однихъ запахъ смертоносный въ смерть, а для другихъ запахъ живительный на жизнь“* (2 Кор. II, 15, 16).

Итакъ, если пастырская дѣятельность будетъ обладать полнотою всѣхъ качествъ истиннаго пастыря, то отсюда еще далеко не слѣдуетъ того, что всѣ, на которыхъ она простирается, сдѣлаются святыми: одни изъ нихъ подчиняются этому вліянію, другіе же, противящіеся ему, въ концѣ концовъ приходятъ къ полному ожесточенію, а таковыхъ церковь отлучаетъ отъ себя. Когда внутреннее настроеніе грѣшника раскроется, то онъ совершенно нагло исповѣдуетъ нежеланіе знать и принимать истину и тѣмъ отлучаетъ себя отъ церкви. Необходимость пастырскаго вліянія заключается въ томъ, слѣдовательно, что всякій, на кого оно простирается, выходитъ изъ безразличнаго, равнодушнаго отношенія къ Евангелію, но или кается, или ненавидитъ: *„да*

откроются отъ многихъ сердецъ помышленія“ (Лук. II, 35). Но какимъ же образомъ воздѣйствіе пастыря на волю пасомаго можно совмѣстить съ ученіемъ о свободѣ воли, если оно простирается непосредственно на волю?

Пастырское воздѣйствіе и свобода воли.

Какимъ образомъ свободная воля можетъ выносить вліяніе другой воли? Въ святоотеческихъ твореніяхъ и въ современной спиритуалистической философской литературѣ можно найти такія положенія о свободѣ воли, на основаніи которыхъ довольно легко дать отвѣтъ на нашъ вопросъ. Замѣчательно здѣсь совпаденіе философіи съ патрологіей; правда, первая не достигла возможности выражаться понятіями послѣдней, но содержаніе ихъ въ данномъ случаѣ одинаково. Святоотеческая письменность, употребляющая выраженія философіи Платона, различаетъ въ нравственномъ существѣ человѣка двѣ стороны: 1) свободу въ преимущественномъ смыслѣ—формальную и 2) самое содержаніе нравственной жизни—нравственную природу человѣка. Первая называется „владычественнымъ ума“; называется она и „духомъ“ въ отличіе отъ души. Ученіе о нравственной жизни отцевъ IV и V вѣка, — особенно аскетовъ, продолжающееся во времена византійскія и заканчивающееся современнымъ намъ еп. Θеофаномъ, сводится къ тому требованію, чтобы это „владычественное ума“ господствовало надъ всѣмъ содержаніемъ его природы, уподобляя себѣ послѣднее, чтобы, какъ выражается Θеофанъ, благія рѣшенія воли, принятыя духомъ, ниспадали въ его природу. Вотъ эта-то природа, обнаруживающаяся въ обыкновенномъ человѣкѣ на каждомъ шагу въ видѣ свойственныхъ его личному характеру влеченій, и является предметомъ непосредственнаго воздѣйствія пастырскаго настроенія. Въ психологической литературѣ разсужденіе не ведется исключительно о нравственной жизни: здѣсь свобода разсматривается въ ея отношеніи къ душевной жизни вообще. Она представляется, какъ способность выбора между присущими человѣческой душѣ основными ея *стремленіями,* каковы, напр.: самосохраненіе, самолюбіе, состраданіе, стремленіе къ нравственной чистотѣ и проч. Всѣ же внѣшнія вліянія, испытываемыя человѣкомъ, получаютъ надъ нимъ свою силу или стано-

вятся мотивами лишь въ связи съ этими стремленіями. Поэтому и жизнь человѣка есть борьба однихъ изъ присущихъ ему стремленій съ другими, а вовсе не внѣшнихъ воздѣйствій. На голоднаго волнующее вліяніе производитъ не видъ пищи, а согласіе воли его съ инстинктомъ самосохраненія, такъ что когда этого согласія нѣтъ, напр., у добровольнаго постника, тогда нѣтъ и волненія, несмотря на соотвѣтственную обстановку [1]).

Намъ остается теперь примѣнить подобный взглядъ на свободу у отцевъ и у философовъ къ объясненію вліянія пастырской воли или настроенія на волю обращаемаго. Если принять, что человѣкъ при вліяніи на него другой воли остается господиномъ своего настроенія, своей природы; если такимъ образомъ допустить, что вліяніе является не порабощеніемъ свободы, но устремляется на самую индивидуальную природу: то должно прійти къ предположенію, что это духовное вліяніе таинственнымъ образомъ привноситъ въ нее рядъ новыхъ стремленій или пробуждаетъ находившіеся въ состояніи усыпленія, неразвитые задатки: всѣ они начинаютъ теперь проситься къ жизни и манить къ себѣ свободную волю человѣка. Естественный, обыкновенный человѣкъ въ направленіи своей свободы почти никогда не руководствуется какимъ-либо постояннымъ побужденіемъ, а дѣлаетъ то, что вызываетъ въ немъ чувство удовольствія: удовольствіе же мы испытываемъ именно тогда, когда слѣдуемъ наиболѣе сильному изъ основныхъ стремленій природы. Такъ, напр., человѣкъ мягкій, сострадательный будетъ сочувствовать другому ради чисто естественныхъ (эвдемонистическихъ) стремленій. Поэтому, усиленіе извѣстнаго стремленія природы чрезъ пастырское воздѣйствіе на

---

1) Съ подобнымъ представленіемъ согласуются почти всѣ современные психологи, расходясь только въ томъ, имѣетъ ли человѣкъ свободную власть въ направленіи и разрѣшеніи этой борьбы, или преобладаніе въ нихъ однихъ стремленій надъ другими обусловливается задатками его индивидуальной природы, изъ которыхъ съ необходимостью развивается въ продолженіе его жизни извѣстный опредѣленный и никогда и ничѣмъ неизмѣняемый характеръ (Шопенгауеръ).

естественнаго человѣка склоняетъ и самую свободную волю его къ рѣшимости начать нравственную жизнь. Дѣйствительно, и окружающій насъ опытъ подтверждаетъ, что подъ вліяніемъ словъ или дѣлъ служителя Христова человѣкъ прежде, чѣмъ сознательно приметъ это вліяніе, уже начинаетъ переживать рядъ новыхъ духовныхъ ощущеній (аффектовъ), совершенно доселѣ ему неизвѣстныхъ, въ сердцѣ открываетъ новыя, доселѣ невѣдомыя, чувства, — истина, нравственный подвигъ становятся ему сладостными, умъ плѣняется: *„не горѣло ли въ насъ сердце наше, когда Онъ говорилъ намъ?“* — такъ вспоминаютъ потомъ люди непосредственныя свои ощущенія, возникшія еще раньше сознательнаго согласія воли. Но вотъ наставляемый сознаетъ происходящія въ немъ перемѣны; теперь та самая свобода, которая прежде была лишь равнодѣйствующей между боровшимися въ немъ разнородными стремленіями, неуравновѣшенными никакою разумною силой, при новомъ вселеніи во внутреннее содержаніе личности цѣлаго богатства новыхъ чувствованій и стремленій, совершенно непримиримыхъ съ прежнимъ служеніемъ страстямъ и увлеченіемъ, та самая свобода, говоримъ, которая гналась лишь за покоемъ и пріятностью, принуждена отнестись къ своей духовной жизни съ полною опредѣленностію. Потому-то въ человѣкѣ и происходитъ указанное словомъ Божіимъ откровеніе помышленій, предваряемое борьбой, которая заканчивается или внутреннею рѣшимостію перемѣнить жизнь, дать мѣсто новымъ, зародившимся въ его сердцѣ, чувствамъ и сознательнымъ намѣреніямъ, или же отвергнуть путь исправленія и возненавидѣть добро. Въ прежнемъ нерѣшительномъ настроеніи онъ не можетъ болѣе остаться: жизнь его уже не будетъ игралищемъ борющихся стремленій; теперь, при опредѣлившемся отношеніи къ закону Христову, онъ будетъ дѣятельно направлять свою внутреннюю природу къ добру или злу. Въ этомъ смыслъ священнаго изреченія: *„слово Божіе живо и дѣйственно, и острѣе всякаго меча обоюду остраго: оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и судитъ помышленія и намѣренія сердечныя* (Евр. IV, 12); притча о блудномъ сынѣ слу-

житъ наглядным изображеніемъ того, что человѣкъ долженъ пережить сложный рѣшительный нравственный переворотъ прежде, чѣмъ онъ будетъ въ состояніи сказать въ своей душѣ (самому себѣ), подобно блудному сыну: *„встану, пойду ко отцу моему“* (Лук. XV, 18). Когда такой переворотъ уже совершится, задача пастыря по отношенію къ тому человѣку исполнена на половину, онъ его уже родилъ (1 Кор. IV, 15; Филим., 10) и теперь долженъ относиться къ нему, какъ пѣстунъ. Само собой разумѣется, что одна внутренняя рѣшимость человѣка не можетъ быть увлекающимъ полетомъ къ небу;—человѣкъ долженъ бороться, искоренять и разорять дурное, созидать и насаждать доброе (Іер. I, 10). Священникъ, своими уроками благодатной жизни помогающій человѣку на пути нравственнаго совершенствованія, тѣмъ довершаетъ вторую половину своего пастырскаго долга.

Какъ возможно объяснить общеніе душъ.

Итакъ, ученіе о свободѣ воли допускаетъ мысль собственно *объ усвоеніи* вліянія духа пастырскаго на духовную природу человѣка, но какъ представить себѣ съ научно-философской точки зрѣнія самое проникновеніе внутреннихъ движеній одного въ другого? По какимъ законамъ душевной жизни часть одного существа переходитъ въ душу другого и сливается съ нею? Какимъ образомъ осуществляются слова о такой прививкѣ дикой маслины къ доброй? Для разъясненія этого явленія нужно отвергнуть представленія о каждой личности, какъ законченномъ, самозамкнутомъ цѣломъ (микрокосмѣ), и поискать, нѣтъ ли у всѣхъ людей одного общаго корня, въ которомъ бы сохранялось единство нашей природы и по отношенію къ которому каждая отдѣльная душа является развѣтвленіемъ, хотя бы обладающимъ и самостоятельностью, и свободой? Человѣческое „я“ въ полной своей обособленности, въ полной противоположности „не я“, какъ оно представляется въ курсахъ психологіи, есть въ значительной степени самообманъ. Обманъ этотъ поддерживается нашимъ самочувствіемъ, развившимся на почвѣ грѣховнаго себялюбія, свойственнаго падшему человѣчеству. Къ счастію, однако, и въ теперешнемъ состояніи человѣчества эта обособленность

жизни личности встрѣчаетъ отрадныя исключенія. Такъ, въ жизни органической каждая индивидуальность, когда она находится еще во чревѣ матери, составляетъ одно съ послѣднею, и даже въ періодъ младенчества, когда ребенокъ питается молокомъ матери, то жизнь его находится въ тѣсномъ единствѣ и зависимости отъ жизни матери. Единство это простирается въ доброй семьѣ и на жизнь душевную; преданная всѣмъ существомъ своимъ матерней или супружеской любви, самоотверженная женщина освобождается почти совсѣмъ отъ обычнаго людямъ постояннаго противопоставленія *я* и *не я*. Всѣ попеченія, стремленія и мысли такой матери и супруги направлены не къ *я*, какъ у большинства людей, но къ „мы“; своей отдѣльной личной жизни она почти не чувствуетъ, не имѣетъ.

Общеніе душъ въ благодатномъ царствѣ Христовомъ.

Высшимъ проявленіемъ такого расширенія своей индивидуальности является *добрый пастырь*. Ап. Павелъ теряетъ свою личную жизнь,—для него жизнь—Христосъ, какъ онъ сказалъ (Филип. I, 21—26). Это единство пастыря со Христомъ и съ паствою не есть нѣчто умопредставляемое только, но единство дѣйствительное, существенное. *„Да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино“* (Іоан. XVII, 21); и въ другомъ мѣстѣ—*„да будутъ совершени во едино“* (23). Это не единодушіе, не единомысліе, но единство по существу, ибо подобіе ему—единство Отца съ Сыномъ. Правда, послѣ паденія рода человѣческаго единство естества нашего совершенно потемнилось въ нашемъ сознаніи, хотя и не исчезло на самомъ дѣлѣ, а только ослабѣло у людей, о чемъ съ полною опредѣленностію учили отцы церкви (особенно Григорій Нисскій въ письмѣ къ Авлалію „о томъ, что не три бога“), но Христосъ возстановилъ его (Еф. II, 15). Единство искупляемаго Христомъ человѣчества, или церковь, есть поэтому одно тѣло, возглавляемое Христомъ (Еф. IV, 16): кто соединяется со Христомъ и дѣлается едино съ Нимъ, такъ что уже не онъ живетъ, но живетъ въ немъ Христосъ (Гал. II, 20), тотъ Имъ же или чрезъ Него можетъ входить и въ природу ближнихъ, переливая въ нихъ

благодатное содержаніе Христова духа, чрезъ что возвращаетъ ихъ къ постепенному существенному единству новаго Адама, по слову Господа: *„какъ Ты послалъ Меня въ міръ, такъ и Я послалъ ихъ въ міръ: и за нихъ Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною. Не о нихъ же только молю, но и о вѣрующихъ въ Меня по слову ихъ, да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино,— да увѣруетъ міръ, что Ты послалъ Меня. И славу, которую Ты далъ Мнѣ, Я далъ имъ: да будутъ едино, какъ Мы едино“* (Іоан. XVII, 18—22).

Теперь, думается, стала понятною сила внутренняго пастырскаго настроенія, настроенія сострадательной любви. *„Пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ“* (1 Іоан. IV, 16); посему пастырь, хотя бы въ уединеніи своемъ молящійся, но воспламеняющійся ревностію о спасеніи ближнихъ, или увѣщевающій послѣднихъ словомъ, бываетъ едино съ Богомъ, и мысль его, и чувство, скорбящее о ближнихъ, не есть уже безсильный порывъ, не идущій далѣе его собственнаго существа, но, облеченное благодатнымъ общеніемъ съ Богомъ, оно внѣдряется въ природу обращаемыхъ и, подобно евангельской закваскѣ, производитъ броженіе, борьбу, о которой говорено выше.

Философскимъ объясненіемъ того непосредственнаго воздѣйствія пастырскаго настроенія, пастырской молитвы и слова, по коимъ справедливо узнаютъ добраго пастыря и отличаютъ его отъ наемниковъ, такимъ философскимъ основаніемъ пастырскаго воздѣйствія является ученіе о единствѣ человѣческаго естества, по причинѣ котораго одна личность можетъ вливать непосредственно въ другую часть своего содержанія. Такое явленіе невозможно въ жизни мірской, ибо единство природы нашей поколеблено паденіемъ и возстановляется только въ искупленномъ человѣчествѣ, въ благодатной жизни церкви, въ новомъ Адамѣ—Христѣ. Соединяющійся съ Нимъ добрый пастырь пріобщается съ Нимъ къ душамъ ближнихъ своихъ, возвращая ихъ къ возсозидаемому Христомъ единству. Это благодатное единство служитъ не только объясненіемъ возможности пастырскаго служенія, но и одушевляющимъ

началомъ для дѣятельности тѣхъ, которыхъ Господь поставилъ пастырями и учителями, „*доколѣ всѣ придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова, дабы истинною любовію все возращали въ Того, Который есть глава Христосъ, изъ Котораго все тѣло, составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ мѣру свою каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви*" (Ефес. IV, 13—16). Всякая дѣятельность, кромѣ убѣжденія въ своей возможности, должна быть сопровождаема и яснымъ представленіемъ *конечной цѣли*, осмысливающей эту дѣятельность. Такая цѣль и есть содѣйствіе постепенному уничтоженію раздѣленности людей, возсозданію ихъ единства по образу Пресвятой Троицы, согласно словамъ прощальной молитвы Господней. Единство это поэтому чуждо пантеизма, ибо не требуетъ уничтоженія личностей, но водворяется при сохраненіи послѣднихъ, какъ и единство Божіе сохраняется при троичности лицъ. Задача пастырей и заключается въ томъ, чтобы служить постепенному богоуподобленію людей или, какъ говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, дѣлать людей богами. Замѣчательно, что отрѣшеніе нравоученія отъ этого священнаго догмата является причиной того, что и самое содержаніе морали теряетъ свою возвышенность и начинаетъ колебаться между двумя крайностями. Такъ, католики, впервые порвавшіе связь между догматами и моралью и привязавшіе послѣднюю къ философскому индивидуализму, свели ея требованія къ сухому перечисленію внѣшнихъ обязанностей. Пантеизмъ, выродившійся изъ протестантскаго раціонализма и желавшій освободиться отъ номизма схоластиковъ, думалъ найти для нравственности объективныя основы въ идеѣ общаго единства всѣхъ съ міромъ цѣлымъ. Отрѣшившись отъ вѣры въ св. Преданіе, протестантскіе раціоналисты не могли найти иного единства, какъ пантеистическое тожество всѣхъ въ единомъ Божествѣ, совершенно поглощающее индивидуальную жизнь. Они говорятъ: „ты долженъ любить другого потому, что онъ и ты — одно и то же; онъ, какъ и ты, есть не иное

что, какъ минутное обособленіе божественнаго цѣлаго, въ которомъ вамъ обоимъ суждено исчезнуть".

Получается вмѣсто морали утонченный эгоизмъ, не выдерживающій критики ни съ логической, ни съ нравственной точки зрѣнія. Напротивъ, нравственный трудъ служителя православной церкви, имѣющій конечною цѣлью единство всѣхъ во Христѣ, на подобіе единства Пресвятой Троицы, есть великая истина и источникъ постояннаго одушевленія вѣрующихъ и особенно пастырей церкви.

Статья III.

Пастырское призваніе.

Какъ часто мы слышимъ отъ семинаристовъ и академистовъ слѣдующія рѣчи: „я не собираюсь итти въ священники, потому что у меня нѣтъ *пастырскаго призванія*". Повидимому, говорящіе такъ могутъ оправдывать себя съ полнымъ удобствомъ ссылкой на св. отцевъ, а также и на современныхъ учителей пастырства, православныхъ и инославныхъ. Дѣйствительно, изъ всѣхъ предметовъ Пастырскаго богословія едва-ли не наиболѣе подробныя и убѣдительныя разъясненія св. отцы посвящали ученію о пастырскомъ призваніи и притомъ преимущественно съ этой отрицательной стороны. Не они ли писали о томъ: „Кто не долженъ приступать къ пастырскому служенію, а тѣмъ болѣе принимать на себя начальственное въ ономъ управленіе?" Такъ обозначена 11 глава „Правила Пастырскаго" св. Григорія Двоеслова. О томъ же писали и св. Іоаннъ Златоустъ въ книгахъ „О священствѣ", и св. Амвросій Медіоланскій въ книгѣ „О должностяхъ", и св. Григорій Богословъ въ своихъ „Словахъ и стихотвореніяхъ", и др. св. отцы. Любятъ говорить о пастырскомъ призваніи и современные богословы, и свѣтскіе люди, при чемъ самое понятіе призванія опредѣляется различно; впрочемъ, почти всѣ они сходятся въ томъ, чтобы наиболѣе достовѣрнымъ признакомъ послѣдняго счи-

тать *желаніе* богословски-образованнаго искателя священства носить это званіе и любовь къ послѣднему. Естественно, что и такого рода сужденія могутъ служить достаточнымъ основаніемъ въ глазахъ воспитанника духовной школы не только къ оправданію своего уклоненія отъ священства, но и къ нежеланію слушать какіе-либо доводы въ пользу иного направленія его воли, хотя бы въ виду тѣхъ напряженныхъ нуждъ въ добрыхъ пастыряхъ, которыя нынѣ съ такою силою сказываются въ русскомъ народѣ и обществѣ. „Оставьте меня въ покоѣ“, скажетъ онъ: „вѣдь я прямо погрѣшу, если, не имѣя призванія, т. е. сердечнаго желанія быть священникомъ, все-таки рѣшусь искать священства, хотя бы ради духовнаго состраданія къ родному краю и народу. Лучше ли сдѣлали мои старшіе братья, поступившіе въ священники безъ призванія и теперь справедливо оправдывающіе этимъ единичнымъ грѣхомъ свое нерадѣніе къ дѣлу и возникающій отсюда вредъ для прихожанъ и вообще для Церкви?“ Дѣйствительно, подобнаго рода самооправданіе можно слышать нерѣдко. „Вѣдь я пошелъ въ священники по нуждѣ, безъ призванія, а потому не считаю себя виноватымъ въ своемъ равнодушіи къ молитвѣ и ученію“. Отсюда ясно, что въ принятомъ пониманіи отеческихъ словъ кроется какое-то недоразумѣніе, — иначе пришлось бы считать св. отцевъ виновниками двухъ печальныхъ явленій церковной жизни — уклоненія отъ пастырскаго званія и небрежнаго отношенія къ принятому сану.

Подобныя недоразумѣнія, впрочемъ, имѣли мѣсто и во времена самихъ отцевъ, сопровождаясь тоже печальными послѣдствіями, хотя и противоположнаго характера: тогда искатели священства обольщались словами Библіи, примѣняя ихъ къ себѣ безъ вниманія къ перемѣнившимся условіямъ. Не стараясь о стяжаніи пастырскаго духа, они оправдывали свое стремленіе къ священной власти словами апостола: *аще кто епископства хощетъ, добра дѣла желаетъ* (1 Тим. 3, 1). Таковымъ св. Григорій Двоесловъ отвѣчаетъ: „апостолъ говорилъ такъ въ то еще время, когда каждый представитель Церкви своей первый дѣлался жертвою мучителей. Значитъ, тогда похвально было желать епископства и потому

уже, что съ нимъ соединялась и явная опасность подвергнуться тягчайшимъ страданіямъ“ (гл. 8-я). „Но такъ какъ теперь при содѣйствіи Божіемъ“, говоритъ онъ въ 1-й главѣ, „всякая уже власть нынѣшняго вѣка преклоняется подъ иго вѣры, то вотъ и находятся люди, которые въ самой Церкви святой, подъ видомъ управленія ею, домогаются суетной славы и почестей“. Домоганіе это и связанныя съ нимъ предостереженія св. отцевъ имѣли мѣсто со времени торжества христіанства и до введенія въ Россіи Петрова преобразованія, а въ прочихъ православныхъ странахъ — до освобожденія отъ турецкаго ига и введенія европейской образованности и конституціи. Напротивъ, въ настоящее время тѣ, которымъ принадлежитъ выборъ между служеніемъ пастырскимъ или гражданскою службою, кажется, находятся въ условіяхъ, болѣе близкихъ ко времени Тимоѳея, нежели Григорія, и потому не слова послѣдняго, но Павловы должны они примѣнять къ себѣ: кто желаетъ священства, добраго дѣла желаетъ, а кто не желаетъ священства, отъ добраго отказывается.

Но какъ понимать призваніе къ пастырству, каковы его признаки?

Признаки призванія къ пастырскому служенію указываютъ двоякаго рода: 1) объективные, лежащіе въ условіяхъ внѣшней дѣйствительности, 2) субъективные, имѣющіе основаніе во внутренней жизни призываемаго къ священству. Главный и существенный изъ внѣшнихъ признаковъ—избраніе Церковью. О немъ и спорить нечего — этотъ признакъ показанъ вѣрно. Подъ вторыми признаками разумѣется внутреннее влеченіе юноши къ священническому званію. Думаемъ, что эти внутренніе признаки явились въ нашемъ богословіи отъинуду. Такъ прежде всего, что касается до того ощущаемаго въ сердцѣ человѣка голоса Божія, о которомъ любятъ говорить католическіе богословы, то намъ кажется, что въ большинствѣ случаевъ, если не всегда, этотъ голосъ есть ничто иное, какъ плодъ самообольщенія. Богословы утверждаютъ, будто каждый кандидатъ священства долженъ слышать его, но мы думаемъ, что этотъ голосъ можетъ ощущать только тотъ кандидатъ, который предуказанъ Церковью. Само-

оцѣнка, самочувствіе готовящагося къ священству должны имѣть ничтожное значеніе. Нельзя считать способнымъ къ священству молодого человѣка только потому, что у него есть желаніе быть непремѣнно священникомъ. Многіе съ малолѣтства чувствуютъ въ себѣ „призваніе“ и жаждутъ священства, но часто оказываются самообольщенными мечтателями, прельщающимися внѣшней красотою, величіемъ и важностію христіанскаго богослуженія. Но если даже нѣкоторые рѣшаются принять на себя пастырскія обязанности съ болѣе серьезною, повидимому, цѣлью — вліять на души своихъ будущихъ пасомыхъ, то и это не есть еще ручательство достойнаго пастырскаго служенія. Человѣческое самолюбіе можетъ выражаться въ разнообразныхъ видахъ: грубыхъ и тонкихъ; людямъ съ тонкимъ развитіемъ могутъ доставлять удовольствіе тѣ нравственныя преимущества, которыя связаны съ именемъ пастыря. Ихъ можетъ прельщать, напр., право давать совѣты, поучать, исповѣдывать и проч. Подобнаго рода явленія можно наблюдать среди юношей, и конечно они всего менѣе ручаются за духовную пользу ихъ пастырской дѣятельности, хотя бы желаніе принять священный санъ было въ нихъ непоколебимо. Напротивъ, если это желаніе имѣетъ характеръ безкорыстный и притомъ, какъ это часто бываетъ, безотчетный, то оно рѣдко бываетъ постояннымъ и устойчивымъ; человѣкъ, прислушивающійся къ собственному настроенію, колеблется, считаетъ себя то достойнымъ, то недостойнымъ высокаго служенія, какъ это видно изъ извѣстныхъ „Писемъ“ Стурдзы. — Въ послѣднее время мы встрѣчаемъ иного рода типы съ сознательными стремленіями къ священству, считающіе себя поэтому безусловно „призванными“... быть проповѣдниками просвѣщенія среди своихъ пасомыхъ. Примѣръ подобнаго рода пастырей представленъ въ повѣсти Потапенко: „На дѣйствительной службѣ“. Подобный же типъ выставленъ и въ „Миражахъ“ Забытаго. О немъ разумѣется и говорить не стоитъ, а можно только возмущаться.

Не много надежнѣе и тотъ типъ кандидата священства, который мечтаетъ о пользахъ церковно-административнаго характера, ставя на второе мѣсто намѣреніе духовнаго вра-

чеванія душъ ближнихъ и своей собственной. Правда, мечтанія о преобразованіяхъ увлекательны, но едва ли могутъ быть ручательствомъ за то, что ихъ носитель останется добрымъ пастыремъ, а не разовьется въ празднаго человѣка, вносящаго только путаницу въ духовную жизнь. Св. Григорій Двоесловъ сказалъ о такихъ людяхъ, что особенно ненадежны тѣ, которые жаждутъ іерейскихъ повышеній для того, чтобы „приносить пользу“; ихъ, говоритъ онъ, нужно спросить: приносили ли они пользу въ своемъ прежнемъ скромномъ положеніи?

Вообще, кто основываетъ свою рѣшимость принимать или не принимать священный санъ, опираясь на оцѣнку различныхъ качествъ своей души, тотъ поступаетъ неправильно, и намѣреніе приносить пользу въ указанномъ выше смыслѣ не имѣетъ существеннаго значенія. Да и самый пріемъ и привычка современныхъ людей до тонкости изучать самихъ себя, щупать безпрестанно пульсъ каждому своему ощущенію, говоритъ о слабохарактерности, нерѣшительности дѣйствій, неспособности господствовать надъ своими настроеніями. „Не чувствую призванія“, „недостоинъ“—въ словахъ этихъ заключается противорѣчіе. Если бы ты сказалъ: „чувствую призваніе“, „достоинъ“, то ты—неспособный и недостойный гордецъ. Сужденіе о твоемъ достоинствѣ и недостоинствѣ принадлежитъ Церкви. Твое дѣло созидать въ себѣ настроеніе, соотвѣтствующее твоему будущему служенію, къ коему ты призванъ Церковію. Если ты маловѣрный, лжецъ и т. п., то исправься, поработай надъ собой, очисти себя, и съ этого начнется твоя христіанская дѣятельность, которая не только въ началѣ, но въ своемъ продолженіи и даже на высотѣ христіанскаго подвига непрестанной требуетъ борьбы и покаянія.

Такимъ образомъ вопросъ о принятіи пастырскаго служенія, предлагаемаго Церковію, духовными воспитанниками если можетъ быть отклоненъ, то только въ смыслѣ временномъ, до большаго укрѣпленія себя въ борьбѣ съ самимъ собою. Да и все разсужденіе о *пастырскомъ призваніи* должно быть смѣщено съ той почвы, на которой оно стояло, и замѣнено разсужденіемъ о *пастырскомъ приготовленіи*.

Пастырское Богословіе, какъ наука о саморазвитіи и самосовершенствованіи пастыря, и должно поставить одною изъ важнѣйшихъ своихъ задачъ научить своихъ учениковъ такому приготовленію; оно должно представить пастырское дѣланіе во всей его высотѣ и красотѣ, чтобы всякій, усердно изучающій эту науку, не могъ не проникнуться сочувствіемъ и любовію къ пастырству и не могъ не пожелать самъ быть добрымъ пастыремъ.

Богословіе наше должно разъяснять, что жизнь земная представляетъ море страданій, горя и слезъ. Время ли, мѣсто ли заниматься бездѣятельнымъ созерцаніемъ наличныхъ своихъ силъ и способностей и уклоняться отъ служенія ближнему подъ предлогомъ собственнаго несовершенства? Когда горитъ домъ, то присутствующіе, имѣющіе средства тушить пожаръ, не остаются праздными зрителями, не оправдываютъ праздность своимъ безсиліемъ, неумѣніемъ и проч., а по мѣрѣ силъ бросаются на помощь: такъ точно и молодые люди, призванные Церковію подготовлять себя къ пастырскому служенію, не должны оставаться равнодушными къ духовнымъ нуждамъ ближнихъ. Единственное возраженіе, которое представляютъ противъ сознающихъ себя недостойными кандидатовъ священства, состоитъ въ требованіи самою Церковію того, чтобы посвящаемый былъ достоинъ, какъ это видно изъ произнесенія надъ посвящаемымъ слова: „ἄξιος“. Но нужно помнить, что это возглашеніе произноситъ отнюдь не самъ посвящаемый, а Церковь. Удостоеніе это, конечно, не безусловное, а сравнительное, такъ какъ тотъ же самый посвящаемый именуется въ молитвѣ причащенія недостойнымъ.

Отрицая мысль о *личномъ* призваніи Богомъ каждаго кандидата священства *въ смыслѣ какого-то таинственнаго „голоса Божія“* въ его сердцѣ, мы готовы все-таки признать, что существуютъ лица, надѣленные Творцомъ исключительными свойствами, особенно цѣнными въ пастырскомъ служеніи. Бываютъ люди, которые могутъ равнодушно проходить мимо красотъ природы, но не мимо горя и порока человѣческаго. О нихъ говоритъ съ большимъ одушевленіемъ св. Іоаннъ Златоустъ въ словахъ о священствѣ.

Менѣе извѣстно слѣдующее изреченіе преп. Симеона Новаго Богослова о такихъ избранникахъ: „Кто имѣетъ таковую любовь къ Богу, что отъ одного слышанія имени Христова тотчасъ возгорается любовію и источаетъ слезы, а кромѣ сего плачетъ о ближнихъ своихъ и чужія согрѣшенія вмѣняетъ, какъ свои, и себя отъ души считаетъ грѣшнѣе всѣхъ... и, зная немощь человѣческаго естества, уповаетъ на благодать и на укрѣпленіе отъ нея и, будучи побуждаемъ горячестью оной, отъ усердія рѣшается на сіе дѣло (т. е. на принятіе священства), отвергая всякій человѣческій помыслъ и съ готовностью положить самую душу свою ради единой заповѣди Божіей и любви къ ближнимъ (XII слово изд. 1869 г.).

Это, такъ сказать, вожди народа по своему душевному строю, конечно, не въ смыслѣ государственномъ, а въ смыслѣ водворенія любви и правды въ сердцахъ людей и въ своихъ собственныхъ душахъ. Если бы кто, даже свѣтскій юноша, ощутилъ въ себѣ такое настроеніе, то онъ долженъ бы посвятить себя духовному образованію и изученію пастырскаго служенія. Но люди съ такимъ природнымъ дарованіемъ чрезвычайно рѣдки, притомъ же и они не предохранены отъ самообольщенія, если не будутъ работать надъ собою, такъ что и для нихъ ученіе о *приготовленіи* себя къ священному званію сохраняетъ свое полное значеніе.

Статья IV.

Приготовленіе къ пастырскому служенію.

Ученіе о пастырскомъ призваніи въ настоящихъ условіяхъ должно замѣнить ученіемъ о пастырскомъ приготовленіи. Послѣднее можно начинать съ различныхъ степеней, соотвѣтственно естественной подготовленности кандидатовъ священства. Если взять, въ качествѣ примѣра, великаго пастыря церкви, бл. Августина, въ первый періодъ его жизни, то

ученіе о пастырскомъ приготовленіи нужно бы начать съ увѣщанія къ нравственному исправленію, съ увѣщанія оставить прежнюю грѣховную жизнь и начать жизнь новую. Это повело бы насъ, конечно, слишкомъ далеко, но во всякомъ случаѣ должно признать, что начальная ступень въ изложеніи даннаго предмета—вещь условная. Она можетъ быть выше и ниже. Естественнѣе всего повести рѣчь о такомъ кандидатѣ священства, который, получивъ богословское образованіе, самъ желаетъ быть священникомъ—и священникомъ хорошимъ.

Важность предмета. Важность ученія о пастырскомъ приготовленіи для такого кандидата, конечно, понятна; вѣдь мы знаемъ, что священство въ большинствѣ случаевъ принимается въ молодые годы и что вполнѣ безупречныхъ и безпорочныхъ людей нѣтъ. Даже если согласимся съ тѣмъ возраженіемъ, будто истинно добрымъ пастыремъ можетъ быть лишь тотъ юноша, который обогащенъ мистическимъ даромъ *призванія*, какъ бы нѣкій пророкъ, и потому для него не нужны человѣческія усилія для усовершенствованія, то все же предъ нами остается громадное большинство обыкновенныхъ смертныхъ, призываемыхъ церковію къ священству и желающихъ не быть наемниками, но не одаренныхъ этимъ неопредѣленнымъ вдохновеніемъ. Ужели-же и имъ вступать въ священное званіе безъ предварительной работы надъ собой и, при предполагаемой возражателями невозможности быть совершенными въ пастырствѣ, оставаться вовсе неприготовленными? Конечно, нѣтъ. И обыкновенный смертный можетъ нѣчто прибавить къ своимъ естественнымъ силамъ и воспользоваться послѣдними въ избранномъ направленіи.

Значеніе русскаго характера для пастырскаго званія. Духовная природа русскаго человѣка имѣетъ, кромѣ общечеловѣческихъ, еще и нѣкоторыя частныя черты, весьма благопріятствующія приготовленію къ служенію пастырскому. Каковъ центральный типъ русскаго образованнаго юноши по указанію опыта и по изображенію литературы? Это — молодой человѣкъ, ищущій нравственнаго обновленія, съ чуткою совѣстью, тяготящійся средою и своею испорченностью, стремящійся выйти изъ

нея [1]). Правда, въ концѣ-концовъ они оказываются большею частью неудачниками, но причиной этого является именно ихъ безпочвенность. Молодые люди, хотя руководились благородными стремленіями, но увлеклись непрактичной фантазіей и не имѣли для осуществленія ея достаточныхъ нравственныхъ силъ. Потому они и кончали такъ печально. Но если бы эти стремленія къ лучшей жизни подчинить правильному руководству, то можно бы развить изъ нихъ высокія христіанскія качества, особенно важныя для пастыря церкви. Главная черта пастырскаго духа — это состраданіе грѣховной немощи людей, скорбь о грѣшныхъ людяхъ и пламенѣющее желаніе о приближеніи ихъ и себя къ Богу. Подобное свойство пастырскаго духа можетъ выработаться въ человѣкѣ изъ совокупности вышеуказанныхъ чертъ русскаго характера, изъ его недовольства собою и міровой скорби, если ихъ поставить въ тѣсную связь съ церковію.

Задача Пастырскаго Богословія, какъ науки,—преподать теорію этого пастырскаго аскетизма, т. е. средства направленія внутренней жизни къ созиданію въ себѣ пастырскихъ чувствъ къ людямъ. Подвизаться въ такомъ дѣланіи долженъ пастырь въ продолженіе всей жизни своей, какъ монахъ—въ развитіи качествъ монашескихъ.

Средства для приготовленія къ пастырству 1) теоретическія: а) чтеніе.

Въ чемъ же должно состоять это руководство? Руководство къ выработкѣ пастырскаго духа—двухъ родовъ: 1) теоретическое изученіе законовъ духовной жизни чрезъ чтеніе и наблюденіе и 2) дѣятельная работа надъ самимъ собою. Первѣйшимъ средствомъ къ пастырскому самообразованію прежде всего служитъ чтеніе Слова Божія, при чемъ особенное вниманіе нужно сосредоточить на уразумѣніи борьбы добра со зломъ, излагаемой во всѣхъ книгахъ Св. Писанія. Пастырь церкви всю жизнь свою долженъ употребить на борьбу со зломъ, и потому ему всего нужнѣе знать законы этой борьбы и средства для успѣшности ея. Все это онъ можетъ почерпнуть изъ Слова Божія. Особеннаго его вниманія съ этой точки

---

[1]) Таковы—Онѣгинъ, Печоринъ, Чацкій, Райскій у Гончарова, Рудинъ у Тургенева и др.

зрѣнія заслуживаетъ Евангеліе Іоанна Богослова. Отличительный характеръ этого Евангелія, какъ и всѣхъ писаній Іоанновыхъ, заключается въ томъ, что въ рѣчахъ Христовыхъ, имъ содержимыхъ, вездѣ излагается борьба христіанства съ духомъ міра сего. О внутреннемъ же настроеніи пастыря въ отношеніи къ ближнему особенно сильно говорится во второмъ посланіи ап. Павла къ Коринѳянамъ и въ толкованіяхъ на него Св. Іоанна Златоуста. — Кромѣ чтенія Слова Божія средствомъ приготовленія къ пастырству служитъ чтеніе святоотеческихъ твореній—и между ними особенно твореній Св. Григорія Богослова и Іоанна Златоуста. Въ твореніяхъ ихъ точно также раскрываются законы борьбы добра со зломъ въ жизни церковно-общественной.

Что касается до изученія той же борьбы въ обстановкѣ современныхъ намъ нравовъ, то пособіемъ для этого можетъ служить чтеніе изящной литературы, особенно русской. Въ ней очень много говорится о нравственной борьбѣ человѣка, о его паденіяхъ, о развитіи порочныхъ склонностей, наконецъ, о покаяніи и возрожденіи; послѣдняго рода картины написаны въ достояніе вѣкамъ Достоевскимъ.

б) изученіе жизни. Но одной книжной начитанности недостаточно, какъ средства для подготовленія къ пастырству. Правда, человѣкъ, усердно читающій Библію, самъ собою дѣлается философомъ и такъ или иначе обсуждаетъ всѣ явленія жизни съ точки зрѣнія Божественнаго Промысла. Но пастырю церкви необходимо изучать жизнь непосредственно, изучать явленія ея со стороны ихъ внутренняго содержанія лицомъ къ лицу, наблюдать жизнь, гдѣ она перестаетъ тщательно скрывать свое содержаніе подъ личиной вѣжливости или практическихъ заботъ. Для сего особенно важно посѣщать больныхъ, присутствовать при умирающихъ (Письма о священствѣ Стурдзы). Въ этихъ случаяхъ одинъ день часто бываетъ для пастыря полезнѣе цѣлыхъ десятилѣтій книжнаго чтенія. Полезно, хотя и очень тяжело, наблюдать душевно-больныхъ. Вообще же, скажемъ словами Екклезіаста, для пастыря полезнѣе „ходить въ домъ плача, нежели въ домъ веселія“.

Раскрытіе внутренняго содержанія жизни, т. е. обнаруженіе религіозныхъ чувствъ, наполняющихъ русскаго человѣка, и его нравственной борьбы можно наблюдать среди богомольцевъ нашихъ религіозныхъ центровъ. Въ этомъ отношеніи кандидату священства полезно жить въ монастырѣ, наблюдать за его жизнію, за паломниками и т. п.

Кромѣ чтенія и наблюденія, однимъ изъ лучшихъ средствъ подготовленія къ пастырству служатъ бесѣды съ добрыми пастырями и старцами, опытными въ духовной жизни. Но всѣ эти наблюденія будутъ полезны для кандидата священства только тогда, когда онъ будетъ сосредоточивать все свое вниманіе на внутреннемъ настроеніи людей. Безъ того же—отъ наблюденій внѣшне-бытового характера пользы будетъ мало. Извѣстно, что лица (хоть напр. купцы), изъѣздившія чуть не всю вселенную, видѣвшія не мало различныхъ людей, такъ или иначе вступавшія съ ними въ сношенія, обладаютъ иногда немалымъ психологическимъ опытомъ. Но такъ какъ наблюденія ихъ бываютъ большею частію односторонни,—утилитарны, то и сердцевѣдами они оказываются лишь въ нѣкоторыхъ явленіяхъ общежитія, напр., въ угадываніи человѣка скупого, щедраго и т. п.

в) проповѣдь слова Божія. Къ какого рода упражненіямъ—теоретическипознавательному или внутреннему—должно отнести упражненіе въ проповѣдываніи? Къ тому и другому. Оно можетъ быть названо средствомъ внутренняго подготовленія, потому что проповѣдываніе есть борьба человѣка съ самимъ собою, со своимъ самолюбіемъ, застѣнчивостью и т. п. Съ другой стороны, проповѣдь тѣсно связана съ теоретическимъ себѣ самому уясненіемъ и уразумѣніемъ истинъ вѣры. Такъ какъ я считалъ себя несвѣдущимъ, говоритъ приблизительно бл. Августинъ, то я удержалъ бы слово. Но такъ какъ Слово Божіе, когда бываетъ внутри, то бываетъ сравнительно малодѣйственно, а будучи передаваемо другимъ, растетъ и для преподающаго, какъ пять хлѣбовъ, когда ихъ начали раздавать народу, то и я рѣшаюсь дѣлиться съ тобою крохами своего раздумія. — Въ жизни современной, когда малочисленность пастырей требуетъ отъ каждаго великихъ даровъ учительства съ перваго же дня ихъ священно-служе-

нія, это упражненіе въ проповѣдничествѣ является болѣе необходимымъ, чѣмъ когда-либо.

2) дѣятельныя средства; ихъ односторонность въ нашей подвижнической практикѣ.

Переходимъ къ средствамъ чисто внутренняго, дѣятельнаго приготовленія къ пастырству. Такихъ средствъ два вида: а) выработка чисто индивидуальныхъ чертъ христіанскихъ добродѣтелей, какъ-то: нравственной чистоты, благочестія и т. п.; и б) выработка тѣхъ чертъ духа, которыя сказываются въ отношеніяхъ пастыря къ ближнимъ, основанныхъ на любви и состраданіи къ нимъ. Должно различать эти двѣ области духовнаго саморазвитія. Бываютъ глубоко религіозные и благочестивые аскеты, но мало одаренные пастырскимъ духомъ. Они смотрятъ на пастырское служеніе не какъ на духовное сочетаніе пастыря съ паствой, а какъ на подвигъ послушанія, въ смыслѣ только исполненія извѣстныхъ обязанностей и правилъ, безъ усвоенія духа пастырскаго, а потому, при всей цѣнности своихъ нравственныхъ качествъ, они являются для пасомыхъ тяжелыми, чиновниками. Правъ былъ Златоустъ, говорившій, что многіе пустынножители, достигшіе высшихъ созерцаній, могутъ оказаться совершенно жалкими и непригодными, когда поставляются на свѣщникѣ пастырскомъ. Нынѣ, т. е. въ жизни русской, подобныя явленія возможны еще гораздо скорѣе, потому что наше духовное подвижничество, хотя бы и мірянами проходимое, имѣетъ складъ чисто монашескій, монастырскій, а монастырскій складъ современный несравненно уже и ниже древняго. Поэтому и всякій ревнитель благочестія, желающій возвысить свой духъ къ пріятію полноты пастырскихъ даровъ, не достигнетъ своей цѣли, если ограничится тѣмъ, чтобы отдать себя руководству современныхъ книгъ по подвижничеству. При всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ—онѣ едва ли дадутъ ему все желаемое, а лишь одну его половину, т. е. укажутъ путь къ чистотѣ, къ богомыслію, но не къ тому, чтобы душа его стала отзывчива на всѣ духовныя нужды ближняго, чтобы уподоблялась, по духу ревности, Иліи и Павлу, — какова и должна быть душа истиннаго пастыря; для этого въ современномъ подвижничествѣ руководящихъ правилъ не преподается. Правда, ихъ можно бы

найти не только въ Библіи и у св. Отцевъ, учившихъ о христіанскомъ благочестіи вообще, но даже и у учителей монашества, напр., у св. Василія Великаго, разсуждавшаго о монашествѣ, какъ о жизни созерцательной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ объ общественномъ служеніи. Однако, къ сожалѣнію, правила св. Василія очень мало прививаются къ русскому современному византійскому монашеству: ихъ даже вовсе не позволяютъ читать новоначальнымъ, хотя св. Василій и почитается учредителемъ и законодателемъ нашего восточнаго монашескаго общежитія. Изъ русскихъ монаховъ-пастырей наиболѣе отзывчивые люди были, до періода 60-хъ годовъ, по преимуществу Кіевскіе монахи, болѣе сѣверныхъ подходившіе подъ воззрѣнія святителя Василія Великаго. Въ бѣломъ духовенствѣ духъ пастырства воспитывается болѣе въ семейной ихъ жизни, или чрезъ непосредственное общеніе съ прихожанами и добрыми людьми, нежели путемъ нарочитаго духовнаго чтенія.

Между тѣмъ, сознательное воспитаніе духа пастырскаго и прежде всего любви и отзывчивости къ людямъ — дѣло весьма важное и въ теоретической своей обработкѣ настолько новое, насколько лично-аскетическое воспитаніе есть дѣло старое и извѣстное для читателей духовныхъ книгъ. Посему перваго мы можемъ коснуться лишь въ видѣ самыхъ общихъ указаній.

а) Молитва. Прежде всего главнымъ средствомъ для стяжанія какого-бы то ни было духовнаго дара является молитва. Для пастыря православнаго молитва есть не только средство къ полученію духовныхъ даровъ, но и цѣль его стремленій: самая молитва для него есть одинъ изъ цѣннѣйшихъ даровъ. Православный пастырь путемъ долговременнаго подвига долженъ создать въ себѣ молитвенную стихію, — способность возноситься къ небу, въ загробный міръ, и быть тамъ какъ бы своимъ человѣкомъ, и это уже потому, что въ противномъ случаѣ онъ не окажется способнымъ съ вниманіемъ и усердіемъ исполнять всѣ многосложныя священнослуженія, и будетъ обманщикомъ, ремесленникомъ, а не богомольцемъ.

б) Борьба съ самозамкнутостью.

Теперь нужно сказать о средствахъ, благодаря которымъ созидается способность соединенія съ ближними, любовь и состраданіе къ нимъ. Эта способность можетъ созидаться также только на попраніи самолюбія и самозамкнутости въ сношеніяхъ съ людьми. Хотя бываютъ люди любвеобильные и открытые по природѣ, но рѣдко, и это люди большею частію изъ святыхъ семей. Обычнымъ же смертнымъ должно много работать надъ собою для развитія этихъ качествъ. Чтобы развить въ себѣ искреннее участіе къ ближнимъ, нужно прежде всего воспитать въ себѣ убѣжденіе въ необходимости и возможности этого дара. Препоной къ нему служитъ ложный стыдъ и черствость; не легко, при нынѣшнемъ развитіи самолюбія и замкнутости, раскрывать всегда таящіеся въ неиспорченной юной душѣ зачатки сочувствія къ ближнимъ, и тѣмъ развивать и укрѣплять ихъ, но все же подобную борьбу съ ложнымъ стыдомъ начать необходимо. Первые шаги такой работы надъ собою могутъ заключаться хотя бы въ томъ, чтобы по крайней мѣрѣ пользоваться подходящими случаями жизни, хотя, правда, и здѣсь нельзя обойтись безъ борьбы и усилій надъ собою. Случается, напр., что ближніе сами напрашиваются въ тяжелыя минуты на нашу откровенность и участіе; случается, что самая жизнь тяжелыми картинами страданій или приближающейся къ кому-либо изъ близкихъ къ намъ смерти поневолѣ охватываетъ насъ порывомъ участія къ ближнимъ. Должно по крайней мѣрѣ въ этихъ случаяхъ не подавлять ложнымъ стыдомъ сердечнаго участія къ ближнему, но раскрывать его въ словахъ и дѣлахъ. Затѣмъ уже менѣе труда будетъ постепенно расширять кругъ дѣлъ и словъ любви и вмѣстѣ съ тѣмъ умножать въ себѣ душевную *мягкость и открытость сердца*. Совершенствованіе въ подобномъ направленіи вскорѣ пойдетъ дальше и дальше, почти безъ всякихъ уже усилій со стороны человѣка, ибо душа, вкушающая сладость безкорыстной любви, сама будетъ искать случаевъ ея приложенія.

Кромѣ того, и окружающіе побуждаютъ сострадательнаго человѣка укрѣпляться въ избранномъ направленіи. Всѣ высоко цѣнятъ эти чувства любви и состраданія въ нашъ вѣкъ

скудости искреннихъ и задушевныхъ людей. Нарочитая необходимость для пастыря искренности обусловливается еще тѣмъ, что безъ нея онъ неспособенъ будетъ быть проповѣдникомъ, такъ какъ только искренность и сострадание къ ближнимъ сближаетъ пастыря съ его пасомыми настолько, что онъ начинаетъ хорошо понимать ихъ душевную жизнь и настроенность. Отсюда у него является способность угадать настроеніе слушателей, дать отвѣтъ на ихъ душевные запросы, а въ этомъ главнымъ образомъ и заключается отличительное достоинство проповѣди въ отличіе отъ учебнаго преподаванія закона Божія.

Печальнымъ послѣдствіемъ отсутствія у многихъ пастырей духа задушевности и искренности является разобщенность между нашимъ духовнымъ и свѣтскимъ міромъ въ области мысли. Когда происходитъ обмѣнъ мыслей между представителями того и другаго міра, то причиной сухости, отвлеченнаго номизма и схоластическаго содержанія различныхъ откликовъ духовной литературы на то или иное ученіе свѣтскихъ писателей бываетъ именно эта замкнутость, такъ сказать, застѣнчивость ума писателей духовныхъ, а вовсе не дѣйствительное отсутствіе у нихъ искреннихъ убѣжденій, какъ это думаютъ ихъ литературные противники.

Итакъ, чтобы быть истиннымъ пастыремъ и нравственнымъ руководителемъ, нужно предварительно раскрыть въ себѣ путемъ указанныхъ упражненій способность совершенно открыто и искренно входить въ общеніе съ ближними, отстранять отъ себя самовольную застѣнчивость и замкнутость.

в) Исповѣданіе религіозныхъ убѣжденій. Второе свойство пастыря—постоянное и неуклонное исповѣданіе истинъ христіанской вѣры. Недостаточно только имѣть извѣстныя убѣжденія, нужно быть *человѣкомъ идеи*. О постоянномъ созиданіи въ себѣ такого качества надлежитъ сказать особенно подробно, потому что оно отсутствуетъ въ нашихъ духовныхъ питомцахъ, не смотря на многія ихъ нравственныя достоинства.

Какъ человѣкъ, пастырь церкви не будетъ свободенъ отъ грѣховъ и ошибокъ, и хотя міряне очень строго судятъ его за это, но они всетаки понимаютъ, что іерей еще не ангелъ. За то они совершенно неумолимы по отношенію къ

тому священнику, ошибки и грѣхи котораго представляются имъ не какъ слабость или паденіе воли, но какъ колебаніе его убѣжденій, какъ отступленіе сознательное. И, конечно, не только судъ человѣческій, на сей разъ совершенно справедливый, но и судъ собственной совѣсти, и судъ Божій требуетъ отъ священника, чтобы онъ былъ прежде всего человѣкомъ идеи, чтобы ни на минуту не покидалъ того знамени христіанской истины и добродѣтели, которое защищать онъ призванъ. Несомнѣнно и то, что между молодыми людьми, готовящимися къ принятію священнаго сана, можно встрѣтить такія цѣльныя души, которыя во всякомъ мѣстѣ и во всякомъ обществѣ говорятъ и ведутъ себя такъ, какъ свойственно проповѣднику Евангелія, не отступая отъ своего исповѣданія ни передъ кѣмъ. Но большинство изъ нихъ подчиняется свойственной нашему вѣку условной точки зрѣнія на все, подчиняющей умъ и волю человѣка данной обстановкѣ, обществу или моменту и оставляющей на его долю лишь разнообразные порывы и увлеченія, а не твердые непоколебимые устои.

Нравственная неустойчивость общества.

Никто не будетъ отрицать, что далеко не всѣ стороны жизни и мысли нашего общества и даже нашей духовной школы проникнуты религіознымъ началомъ, какъ это было въ первые вѣка христіанства. Въ настоящее время началами, господствующими въ жизни всего общества, а также и любого кружка, бываютъ самыя разнообразныя явленія. Человѣкъ, добровольно поддающійся общему теченію, — а такихъ большинство — мѣняется по возрастамъ жизни, по временамъ календарнаго года, наконецъ, по часамъ дня. Въ воскресенье утромъ онъ — молящійся христіанинъ, въ послѣобѣденное время — свѣтскій сплетникъ, вечеромъ въ театрѣ — непринужденный поклонникъ искусства, а послѣ театра — нерѣдко грубый циникъ и кощунникъ. Въ нѣкоторыхъ натурахъ, болѣе цѣльныхъ, это — лишь паденіе, въ прочихъ — прямое отступничество. Отступничество это болѣе тонкое, нежели прямо выраженное пренебреженіе къ предметамъ вѣры, но равно лишающее душу той внутренней устойчивости, которая необходима въ пастырѣ церкви и которая, какъ увидимъ, не

дается безъ предварительнаго закаленія духа въ единствѣ исповѣданія.

Въ древнихъ святоотеческихъ руководствахъ пастырямъ вы, можетъ быть, не найдете подобныхъ указаній и предостереженій, но то время не знало современной колеблемости умовъ. Правда, изъ проповѣдей Златоуста намъ извѣстны увлеченія столичныхъ жителей зрѣлищами въ ущербъ молитвословіямъ, но, повторяемъ, то было паденіе слабыхъ сердецъ, а не отступничество. Тѣмъ не менѣе не только пастырь, но и каждый христіанинъ того времени не рѣшался сознательно отступаться отъ исповѣданія истинъ христіанской вѣры, или какъ-нибудь отказаться отъ признанія обязательности христіанскихъ заповѣдей, не рѣшался считать догматы за нѣчто только терпимое и вовсе не переносить упоминаній о нѣкоторыхъ добродѣтеляхъ, напр., о смиреніи. Тогда шла рѣчь о правильномъ разумѣніи истинъ и о *выполненіи* заповѣдей самымъ дѣломъ, а теперь хотя бы — о неуклонномъ, энергичномъ, благоговѣйномъ и восторженномъ ихъ *признаніи*. Цѣлыя общества, особенно при соединеніи обоихъ половъ въ не служебныхъ, а свѣтскихъ или товарищескихъ собраніяхъ, не будучи отрицателями и скептиками по профессіи, прямо или подразумѣвательно соглашаются въ отрицаніи или пренебреженіи то самой христіанской вѣры, то отдѣльныхъ ея истинъ.

Вытекающая отсюда обязанность будущихъ пастырей.

Въ виду такихъ печальныхъ колебаній—одною изъ задачъ юноши, готовящагося къ священству, должно быть усвоеніе себѣ противоположной *исповѣднической* настроенности. Мы, пожалуй, не требуемъ, чтобы кандидатъ священства выступалъ всегда обличителемъ и заводилъ споры въ такихъ случаяхъ, когда, напр., заводятъ рѣчь о нетожествѣ ученія Св. Писанія съ церковнымъ (при явномъ, хотя и умалчиваемомъ, выводѣ о ложности послѣдняго), когда безсговорочно восхищаются геніальностью философа-атеиста, говорятъ о гуманности и превосходствѣ христоненавистнической культуры современной французской республики, о томъ, что, не вѣруя въ Бога, можно имѣть всѣ христіанскія добродѣтели и т. п. безсмыслицы, съ сознательнымъ, хотя и молчаливымъ, соглаше-

ніемъ о ненужности и ложности христіанства. Все, что мы требуемъ отъ кандидата священства, это то, чтобы онъ не соглашался, не сливался, не объединялся съ такими рѣчами, съ господствующимъ въ данную минуту настроеніемъ общества. Хорошо, конечно, онъ сдѣлаетъ, если будетъ посильно вразумлять заблуждающихся, если выразитъ свое несогласіе; но онъ будетъ неизвинителенъ въ томъ случаѣ, если, какъ это часто бываетъ, онъ прямо станетъ подъ выброшенный флагъ пренебреженія къ вѣрѣ или полуневѣрія, если, забывъ цѣль своей жизни, хотя на одинъ часъ перейдетъ въ лагерь, враждебный Евангелію. Мы здѣсь не говоримъ о самомъ грѣхѣ отступничества, о томъ, что нѣкогда Христосъ постыдится его предъ Ангелами, не говоримъ о соблазнѣ другихъ и о жерновѣ осельскомъ на его выѣ: мы только напоминаемъ ему, что, не закаляя своей души въ постоянно—цѣлостной преданности религіи, онъ не содѣлаетъ себя той нерушимой стѣной, той скалой, разбивающей морскія волны, какою долженъ быть пастырь въ наше маловѣрное время, дабы міянинъ, ищущій опоры, тонущій въ сомнѣніяхъ, хотя въ комъ либо видѣлъ вѣру, а полный отрицатель —хотя въ комъ-либо пристыженіе себѣ.

Проповѣдникъ-пастырь, согласно отеческимъ толкованіямъ, долженъ всецѣло относить къ себѣ слова, сказанныя къ пророку: *„Ты препоясшь чресла твои, и встань, и скажи имъ все, что Я повелю тебѣ; не малодушествуй предъ ними, чтобы Я не поразилъ тебя въ глазахъ ихъ. И вотъ, Я поставилъ тебя нынѣ укрѣпленнымъ городомъ, и желѣзнымъ столбомъ, и мѣдною стѣной на всей этой землѣ противъ царей Іуды, противъ князей его, противъ священниковъ его и противъ народа земли сей. Они будутъ ратовать противъ тебя, но не превозмогутъ тебя, ибо Я съ тобою, говоритъ Господь, чтобы избавлять тебя* (Іер. 1, 17—19). Прибѣгать къ Богу иногда — это очень легко; трудно — никогда не прибѣгать къ Нему, но едва-ли многимъ легче—всегда исповѣдывать Его неуклонно, во всемъ, среди волнующагося маловѣрія и пренебреженія. Только созданная упражненіями отстойчивость въ искусительныхъ обществахъ маловѣровъ можетъ

удержать пастыря на высотѣ своего положенія, чего не даетъ одна теоретическая убѣжденность. Одна убѣжденность слабѣе, чѣмъ заразительное отсутствіе ея въ окружающей толпѣ. Вспомнимъ прекрасное изображеніе этой безсознательной заразительности окружающей ложью у Іереміи: „*Вы увидите въ Вавилонѣ боговъ серебряныхъ, золотыхъ и деревянныхъ, носимыхъ на плечахъ, внушающихъ страхъ язычникамъ. Берегитесь же, чтобъ и вамъ не сдѣлаться подобными иноплеменникамъ, и чтобы страхъ предъ ними не овладѣлъ и вами. Видя толпу спереди и сзади ихъ покланяющеюся предъ ними, скажите въ умѣ: Тебѣ должно поклоняться, Владыко*"! (Посл. Іер. 4—5).

Противоположная симъ обязанностямъ дѣйствительность и вытекающія отсюда послѣдствія.

Вотъ это-то постоянство въ исполненіи первой заповѣди десятословія и долженъ въ себѣ создать кандидатъ священства. Но, увы, часто при искренней религіозности онъ не только не остается вѣренъ хотя бы принципіальному предпочтенію предъ всѣмъ вѣры и благочестія, но съ особенной тщательностію печется поаккуратнѣе пригнать себѣ тотъ духовный мундиръ, тотъ нравственный обликъ, который господствуетъ въ данномъ обществѣ; онъ охотно будетъ поддакивать рѣчамъ о превосходствѣ науки, въ смыслѣ пописыванія разныхъ компилятивныхъ монографій—предъ апостольскимъ служеніемъ, но и съ униженною благодарностью будетъ радоваться, если за послѣднимъ признаютъ право на существованіе въ числѣ послѣднихъ жребіевъ въ жизни, если его уравняютъ хотя бы съ службой въ консисторіи или хозяйственномъ управленіи, гдѣ служатъ люди „образованные". Недавно еще въ одномъ столичномъ духовномъ журналѣ какой-то горькій апологетъ священства умолялъ читателей приравнять это служеніе къ прочимъ интеллигентнымъ профессіямъ!! Есть книжка священника Громачевскаго о задачахъ сельскаго духовенства, написанная подъ тою же точкой зрѣнія. Здѣсь, впрочемъ, кромѣ интеллигентности разсудочной идетъ рѣчь о культурности свѣтской, усваивать которую наши богословы средней и высшей школы тоже охотно соглашаются—до самаго открытаго ея предпочтенія своимъ не религіознымъ только, но подчасъ и ученымъ задачамъ,—лишь только попадутъ въ

соотвѣтственную среду. Недавно отпечатанъ разсказъ въ какомъ то иллюстрированномъ журналѣ о студентѣ академіи, попавшемъ на урокъ къ пошлой и развратной барынѣ, но съ благоговѣніемъ преклонявшемся предъ ея непринужденной свѣтскостью и презиравшемъ предъ нею себя съ своей наукой.

Мудрено ли послѣ этого, что наши пастыри, поступивъ въ военное вѣдомство, нерѣдко дѣлаются почти офицерами плохого пошиба, служащіе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ уподобляются по манерамъ и взглядамъ типу классныхъ дамъ, а законоучители высшихъ учебныхъ заведеній нерѣдко стараются отыскать въ неоспоримой якобы матеріалистической космологіи Дарвина хоть какой нибудь свободный промежутокъ для включенія туда хотя бы двухъ-трехъ, конечно извращенныхъ при этомъ, истинъ христіанской вѣры. Конечно, не умственное сомнѣніе, но нерѣшимость противостать съ истиной въ устахъ обществу и вѣку, т. е. міру,—вотъ причина этихъ грустныхъ измѣнъ пастыря своему призванію, своему долгу.

Отступленія общественной жизни отъ исповѣданія нравственныхъ истинъ христіанства.

Серьезность разсматриваемой задачи священника представится для насъ еще яснѣе, когда мы вспомнимъ, что жизнь—общественная, народная, товарищеская—не такъ часто возстаетъ противъ истинъ вѣры, сколько подвергаетъ сознательному изгнанію ту или другую *нравственную* обязанность, прямо даже осмѣиваетъ ее. А между тѣмъ выдержать преданность истинѣ теоретической легче, нежели держаться неуклоннаго исповѣданія какой либо добродѣтели. Не тѣмъ ли сильно магометанство, и жидовство, и папизмъ, что своими обрядовыми постановленіями дѣлаетъ послѣдователей своихъ непремѣнными исповѣдниками, и такимъ образомъ закаляетъ ихъ въ преданности своей религіи. Книжники и фарисеи никогда не рѣшались усомниться въ бытіи Божіемъ или въ исполненіи пророчествъ, но Господь называлъ ихъ сынами діавола и чуждыми Отца (Іоан. V, 37), потому что они хотѣли творить похоти исконнаго человѣкоубійцы. Потому они о возненавидѣли Христа, и не приняли Его, что не искали славы, которая отъ Бога (Іоан. V. 44), хотя и не измѣняли вѣрности Его имени. Они ненавидѣли Христово смиреніе,

смѣялись надъ Нимъ, потому что были корыстолюбивы (Лук. XVI. 14), стали Его врагами, потому что ненавидѣли Его добродѣтель. Напротивъ, псалмопѣвецъ съ особенною силою прославляетъ того мужа, который ненавидитъ путь нечестивыхъ (Пс. I), почитаетъ себя противникомъ кровожадныхъ (Пс. 138, 19), ужасается при видѣ оставляющихъ законъ Божій (Пс. 118, 53) и не забываетъ закона, когда сѣти нечестивыхъ окружаютъ его (ст. 61).

Послѣдствія такихъ отступленій для пастыря.

Блаженъ, конечно, тотъ пастырь, который не только умомъ и волею своею поклоняется Христову закону, но и дѣломъ его исполняетъ: но великъ соблазнъ и проклятъ путь того, кто отступается отъ самаго исповѣданія заповѣдей, кто глумится надъ богомольностью, надъ обычаями церкви, кто похваляется пренебреженіемъ къ церковнымъ правиламъ, выражаетъ полушутя сочувствіе циничной жестокости или пьянымъ подвигамъ беззаконниковъ и т. п.. Такое отступничество соблазнительнѣе маловѣрія, которое не для многихъ даже понятно, а между тѣмъ постоянный запросъ самой жизни къ той или другой нравственной оцѣнкѣ различныхъ явленій является постояннымъ испытаніемъ и искушеніемъ пастыря въ вѣрности исповѣданія заповѣдей. Въ семейной, исполненной столкновеній и ссоръ, жизни, въ постоянныхъ встрѣчахъ съ множествомъ разнообразнѣйшаго люда, только тотъ пастырь не измѣнитъ себѣ въ этомъ отношеніи, кто заранѣе старался созидать въ себѣ гармоническую цѣлостность настроенія, благодаря которой его душа, какъ вѣрный компасъ, всегда могла бы, если не пойти, то хотя указать всѣмъ на правильный путь въ томъ или другомъ вопросѣ или явленіи нравственной жизни. Эту то цѣлостность подготовлять долженъ кандидатъ священства, помня, что невѣрность въ исповѣданіи христіанскихъ добродѣтелей и заповѣдей отомщается человѣку его природой строже, чѣмъ сомнѣніе въ истинахъ созерцательныхъ. Осмѣянное цѣломудріе, попранный сознательно и передъ другими молитвенный восторгъ или оправданное въ принципѣ самолюбіе кладутъ на душѣ отступника дегтяныя пятна и дѣлаютъ ее гораздо болѣе дряблой въ слѣдованіи пути Христову, нежели самые грѣхи, допущенные по слабости и

покрываемые покаяніемъ. Славянофилы наши справедливо почитаютъ себя въ правѣ назвать русскій народъ богоносцемъ потому только, что народъ сей никогда не назоветъ зло добромъ и не поклонится какой-либо нравственной грязи. Но, по этой же логикѣ, подобнаго названія никакъ нельзя приложить къ интеллигентному обществу, потому что оно, вѣяясь вѣтрами ученія въ вѣрованіяхъ догматическихъ, въ своихъ нравственныхъ уклоненіяхъ старается прежде всего о томъ, чтобы ихъ не только оправдать, но и представить чѣмъ-то похвальнымъ. Крестьянинъ, согрѣшая, говоритъ: „мы ослабѣли“, а весь строй жизни свѣтской есть провозглашеніе законности и одобрительности всякому пожеланію нашей злой природы. Апостолъ говоритъ: „*они знаютъ праведный судъ Божій, что дѣлающіе такія дѣла достойны смерти, однако не только ихъ дѣлаютъ, но и дѣлающихъ одобряютъ*“ (Рим. I. 32). Христіанинъ, согрѣшивъ и каясь, укоряетъ себя и единственное утѣшеніе находитъ въ мысли о томъ, что не сознательное ослушаніе воли Божіей, а лишь слабость собственной воли ввергла его въ грѣхъ. Между тѣмъ современный бытъ проникнутъ и въ рѣчахъ своихъ и въ самыхъ манерахъ нескрываемымъ желаніемъ показать свою полную независимость не только отъ дисциплинарныхъ, но и отъ чисто нравственныхъ требованій святой вѣры. Зло нашего времени состоитъ въ томъ, что люди, при развитіи самолюбія, не только грѣшатъ, но говорятъ и ведутъ себя такъ, чтобы показывать всякому, что грѣха своего я не стыжусь, но его похваляю, горжусь имъ. Подчиняется ли подобному же раздвоенію жизнь духовенства? Слава Богу, нѣтъ, по крайней мѣрѣ—не часто. Прекрасное изображеніе почти свѣтскаго времяпрепровожденія, но неизмѣняющаго духу Христову, можно видѣть въ разсказѣ Потапенко — „Именины“. Священники съ семьями пируютъ, шутятъ, нѣкоторые даже допускаютъ излишества, но ни вѣра, ни добродѣтель не сдвигаются никѣмъ со своихъ престоловъ ни разу. Напротивъ, какъ горько бываетъ видѣть пастырей или кандидатовъ на это служеніе, стыдящихся перекреститься предъ храмомъ, старающихся смягчить свое отличіе отъ пиджачниковъ манжетами и воротничками, прямо

или косвенно извиняющихся за свое священство въ безрелигіозномъ кругѣ и т. д. Въ пастырскихъ руководствахъ говорятъ о необходимости создать себѣ церковную выправку: неоспоримо, что это важно и связано съ внутреннимъ содержаніемъ пастыря, но неумѣніе или незнаніе, даже самое неграціозное и смѣшное, во сто разъ менѣе соблазнительно, чѣмъ сознательное пренебреженіе своею задачей, или стыдъ предъ христіанскими обязанностями, особенно предъ смиреніемъ пастыря, столь ненавистномъ современному культурному человѣку, создавшему себѣ бога изъ чувства собственнаго достоинства. Трудно избавиться отъ такихъ грѣховъ тому пастырю, который въ студенческіе годы съ глупою безпечностію становился подъ любое нравственное, или точнѣе — безнравственное знамя. Въ такихъ грѣхахъ бываютъ виновны кандидаты священства въ тщетной надеждѣ на то, что, когда они станутъ священниками, то будутъ говорить и поступать иначе, забывая, что взглядъ на священство, какъ на внѣшне принятую профессію, лишаетъ пріемлющаго того благодатнаго обновленія, которое дается духу пастыря въ дарахъ священства. Горькими, но, можетъ быть, поздними слезами и воплями отплатитъ онъ за свои уклоненія, когда впослѣдствіи, при всемъ желаніи неуклонно прославлять добродѣтель, душа его пребудетъ суха и черства, яко земля безводная (Пс. 142, 6). Она изнесетъ лишь діалектическіе доводы въ пользу того, что зло предосудительно, а добродѣтель почтенна, но доводы эти никого не подвинутъ къ добру.

„Кто не со Мной, тотъ противъ Меня, и кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ (Лук. XI, 23), сказалъ Господь. Труденъ путь къ Нему, невозможнымъ, невѣроятнымъ представляется тѣсное съ Нимъ общеніе для того, кто много разъ отъ Него отрекался. Если къ кому, то именно къ такому человѣку относятся слова Апостола: *„невозможно отпадшихъ опять обновлять покаяніемъ, когда они снова распинаютъ въ себѣ Сына Божія и ругаются Ему“* (Евр. VI, 6). Конечно, Богъ проститъ омытый раскаяніемъ грѣхъ, но мысль та, что одно покаяніе еще не возвратитъ человѣку прежней духовной цѣлостности, а воз-

становлять ее придется многими трудами и долгими скорбями, какъ Марія Египетская. Апостолы, отступившіеся отъ Господа, не могли долго повѣрить Его воскресенію, а вѣрныя Мироносицы сразу признали Явившагося.

Послѣдствіе неуклонной вѣрности кандидата священства своему знамени.

Если уклоненіе отъ исповѣданія вѣры приводитъ будущаго пастыря къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ, то, наоборотъ, постоянная вѣрность слову истины сообщаетъ ему неоцѣнимое сокровище духовныхъ благъ. Постоянное слѣдованіе одному знамени прежде всего создаетъ въ человѣкѣ христіанинѣ цѣлостность нравственнаго характера, то гармоническое взаимное соглашеніе всѣхъ сторонъ послѣдняго, по которой вы сразу можете узнать человѣка религіознаго безъ фанатизма, безъ болѣзненной раздражительности или бездѣятельнаго оцѣпенѣнія, квіетизма. Правила христіанской добродѣтели и истинъ вѣры служатъ для него неизмѣннымъ мѣриломъ при оцѣнкѣ и явленій жизни, и произведеній мысли, и самыхъ людей. Но этого мало: постоянная привычка давать себѣ отчетъ въ нравственной качественности всякаго, воздвигаемаго въ общественной жизни, знамени—развиваетъ въ немъ художественный вкусъ для мгновенной иногда оцѣнки людей или явленій трудно-опредѣлимыхъ или лицемѣрныхъ. „Думаю, говоритъ греческій мудрецъ, что не послѣдняя часть мудрости заключается въ томъ, чтобы распознавать, каковъ каждый человѣкъ“. Іисусъ сынъ Сираховъ, совѣтуя каждому по силѣ своей узнавать ближнихъ его (IX, 19), научаетъ судить о нихъ по себѣ самому и разсуждать о всякомъ дѣйствіи (XXXI, 17). Но этой духовной мудрости есть начало—страхъ Божій, противополагаемый всякому другому страху: „бойся Господа и кромѣ Него не бойся никого“. Пока Ап. Петръ не освободился отъ измѣнчиваго страха, то не имѣлъ и дара яснаго познанія вещей, и отговаривалъ Спасителя отъ крестнаго подвига. Неутвержденные въ вѣрѣ Самаряне не понимали личности Симона волхва; но тотъ же Петръ, просвѣщенный Духомъ Святымъ и исповѣдничествомъ, сталъ говорить ему: „*вижу тебя исполненнымъ горькой желчи и въ узахъ неправды*“ (Дѣян. VIII, 23). Точнѣйшее изреченіе о связи между вѣрностью и разумомъ духовнымъ суть

слова Господни: „*прежде всего возложатъ на васъ руки, и будутъ гнать васъ, предавая въ синагоги и темницы, и поведутъ предъ царей и правителей за имя Мое. Будетъ же это вамъ для свидѣтельства. Итакъ, положите себѣ на сердце не обдумывать заранѣе, что̀ отвѣчать, ибо Я дамъ вамъ уста и премудрость, которой не возмогутъ противорѣчить, ни противостать всѣ противящіеся вамъ*“ (Лук. XXI, 12—15). Христіанская совѣсть, поставленная нѣсколько разъ высшею цѣлью нашихъ дѣлъ и словъ, пріобрѣтаетъ ту исключительную ясность и чуткость, которая, при содѣйствіи Божественной благодати, научаетъ: у людей — читать въ сердцахъ, а въ явленіяхъ жизни, встрѣчахъ или предпріятіяхъ — сейчасъ усматривать пользу ихъ или вредъ для спасенія.

Какъ далеко должна простираться вѣрность христіанскому знамени въ дѣлахъ и въ мысляхъ? Отвѣтъ: должно распространять религіозно-нравственную точку зрѣнія на всѣ области жизни и мысли, все свѣрять съ истиной и благомъ. Въ этомъ состоитъ, можетъ быть, главное условіе пріобрѣтенія дарованій пастырскихъ, условіе къ тому, чтобы христіанинъ, посвящая себя сему служенію, не по имени только, но на самомъ дѣлѣ былъ способенъ вѣщать, какъ бы „уста Божія“,—чтобы каждый вопросъ христіанской совѣсти находилъ въ немъ вѣрный и твердый отвѣтъ и совѣтъ. Мы по малодушію уклоняемся отъ такой постоянной вѣрности слову истины, боясь прослыть фанатиками, узкими, нетерпимыми, ненавистными для всѣхъ людьми, но опасенія—напрасныя. Ненавидятъ тѣхъ религіозныхъ людей, которые вносятъ въ свою религіозность какую-либо страсть, недоброжелательство, злобу и т. п., а типъ истиннаго, любящаго и неуклонно-вѣрнаго христіанина есть типъ болѣе любимый людьми, чѣмъ всякій иной. Съ другой стороны, Божественная истина такъ широка и всеобъемлюща, что ради нея ничто доброе въ жизни не можетъ быть отвергнуто или умалено. Вѣрность истинѣ и примѣненіе ея ко всѣмъ жизненнымъ явленіямъ расширитъ въ его умѣ самыя религіозныя понятія и создастъ цѣльное и стройное религіозное міросозерцаніе.

Важность этихъ благихъ послѣдствій отъ неуклоннаго

слѣдованія знамени истины и гибильность послѣдствій отъ измѣны ему побудили насъ подробнѣе остановиться на раскрытіи этихъ житейскихъ истинъ, обыкновенно просматриваемыхъ въ курсахъ Пастырскаго Богословія.

Статья V.

Принятіе священства.

Когда принимать священство.

Предназначившіе себя къ пастырскому служенію молодые люди любятъ спрашивать о томъ, принимать-ли свящ. санъ тотчасъ по окончаніи духовнаго образованія, или-же—побывъ нѣсколько въ званіи свѣтскаго человѣка. Мы не имѣемъ ничего противъ послѣдняго желанія многихъ юношей: пусть юноша, только что выпущенный изъ стѣнъ учебнаго заведенія, приглядится къ дѣйствительности, познакомится съ живыми людьми, вообще съ жизнію; пусть юноша пріобрѣтетъ нѣкоторую жизненную опытность, которая ему пригодится въ его будущемъ служеніи, предохранивъ его отъ многихъ ошибокъ. Но только желаемъ, чтобы это знакомство юноши съ жизнію, въ званіи свѣтскаго человѣка, продолжалось не долго, изъ опасенія, чтобы не охладѣлъ его молодой пылъ къ ревностной пастырской дѣятельности, чтобы не исчезла у него обычная у юношей молодая жажда безкорыстной дѣятельности, чтобы не заглохло его еще неиспорченное чувство правды. Такого рода опасенія внушаются тѣмъ обстоятельствомъ, что годы жизни по выходѣ изъ школы—для большинства бываютъ не годами развитія нравственнаго, но упадка, облѣненія къ молитвѣ, охлажденія къ подвигамъ, потери цѣломудрія, развитія корысти и вообще временемъ очерствѣнія души. Въ виду всего этого для молодого человѣка, не отличающагося особенно силою воли, лучше принять священный санъ безъ жизненной опытности, т. е. по окончаніи курса непосредственно, или чрезъ годъ, нежели съ тѣми свойствами человѣка пожившаго—чиновника, которыя столь часто остаются на священникѣ

неизгладимымъ пятномъ до самой смерти, и дѣлаютъ изъ него, вмѣсто пастыря стада Христова, просто переодѣтаго бюрократа.

Переходимъ къ *описанію тѣхъ чувствъ и дѣяній, которыя должны быть свойственны назначенному на священническое мѣсто кандидату.*

Приготовленіе къ принятію таинства священства должно состоять въ благоговѣйномъ созерцаніи, въ сердечномъ переживаніи величія, важности служенія іерейскаго и той отвѣтственности за паству, которую беретъ на себя будущій пастырь.

Какимъ-же образомъ должно утверждать себя въ подобномъ настроеніи?

Прежде всего не тѣмъ способомъ времяпрепровожденія, какой допускаютъ многіе кандидаты священства, которые стараются воспользоваться послѣдними недѣлями своей свѣтской жизни для увеселеній, уже недоступныхъ священнику, свадебныхъ пиршествъ и т. п. Неудивительно, что душа и тѣло, утомленныя разнаго рода излишествами, оказываются затѣмъ совершенно неспособными къ умиленной молитвѣ. Образъ жизни молодого человѣка, готовящагося къ принятію священнаго сана, долженъ быть сосредоточенный, богомольный, почти монашескій. Къ сожалѣнію, при современныхъ порядкахъ, относительно такого рода упражненій встрѣчаются существенныя недоумѣнія, съ которыми должно посильно считаться. Они лежатъ и во внѣшнихъ условіяхъ принятія священства.

Внѣшнія условія принятія священства.

Первое изъ этихъ условій — женитьба и соединенныя съ нею сомнѣнія по поводу необходимаго быстраго выбора невѣсты — вмѣсто воспѣтыхъ стихотворцами и прозаиками таинственныхъ исканій, встрѣчъ, романовъ. Намъ, впрочемъ, кажется, что человѣкъ идеи вообще, и въ частности служитель идеи религіозной, не можетъ питать того мистическаго обоготворенія своей невѣсты, о которой пишутъ романисты. Да искать этой мистической любви и не нужно по нашему мнѣнію потому, что браки, основанные на ней, въ большинствѣ случаевъ бываютъ несчастны, вслѣдствіе пресыщенія безпочвенными чувствами. Поэтому сообразнѣе съ будущею религіозною дѣятельностію пастыря,

прочнѣе для счастія будетъ бракъ, основанный на прочномъ взаимномъ уваженіи и любви спокойной, сознательной.

Выборъ мѣста. Второе внѣшнее условіе принятія священства—*избраніе мѣста для пастырской дѣятельности.* Теперешняя практика, столь мало напоминающая прежнее избраніе пастыря, не должна однако служить для безкорыстныхъ ревнителей церкви причиной соблазна. При разсужденіи о выборѣ мѣста нужно принять въ соображеніе слѣдующее. Если церковная власть въ лицѣ архіерея, по знанію нуждъ паствы извѣстной мѣстности, заинтересована извѣстной личностью новаго пастыря и найдетъ его полезнымъ особенно на извѣстномъ посту или мѣстѣ, то, конечно, ставленникъ, по долгу послушанія, долженъ принять его, какъ волю Божію, взирая на себя, какъ на орудіе церкви. Если-же духовная администрація выборъ мѣста предлагаетъ на волю ставленника, то желательно, чтобы побужденія послѣдняго въ этомъ случаѣ были безкорыстны. Не прихода богатаго, не такого мѣста, въ которомъ житье безпечальнѣе, долженъ искать ставленникъ, но онъ долженъ дать себѣ отчетъ, какое дѣло влечетъ его къ себѣ наиболѣе, какой родъ служенія пастырскаго находитъ наиболѣе сочувственный откликъ въ его сердцѣ. Мѣста или должности пастырскія различны. Можетъ пастырь итти въ село—служить простому народу, или въ городъ къ образованнымъ людямъ, или въ законоучители и миссіонеры.

Каждое изъ названныхъ назначеній требуетъ приложенія различныхъ даровъ ума и сердца, каждое имѣетъ свои привлекательныя стороны и свои затрудненія. Бываютъ такія отзывчивыя, широкія натуры, которыя могутъ быстро освоиться съ любой средой—и съ пользою служить на самыхъ разнородныхъ должностяхъ; случается также, что молодой кандидатъ священства не умѣетъ дать себѣ отчета, къ чему именно онъ наиболѣе способенъ. Въ этихъ двухъ случаяхъ, да пожалуй и во всѣхъ прочихъ, хорошо поступитъ искатель священства, если предоставитъ свою участь кому-нибудь изъ своихъ духовныхъ руководителей, т. е. духовнику-ли или инспектору, или ректору, или епархіальному архіерею,—смотря по тому, отъ кого изъ нихъ онъ можетъ встрѣтить

наиболѣе внимательное отношеніе къ своему запросу. Значеніе такого послушанія заключается въ томъ, что всякое послушаніе есть распятіе своей воли, подвигъ, а дѣло, начатое съ подвига, всегда можно считать наполовину уже сдѣланнымъ, потому что первый подвигъ, соединенный съ лишеніями или стѣсненіями, развиваетъ въ человѣкѣ готовность и къ дальнѣйшимъ, новымъ подвигамъ.

Путь первоначальнаго послушанія есть путь прямой, но не единственный: не погрѣшитъ, какъ сказано, и тотъ, кто направилъ себя къ какому-либо опредѣленному виду пастырскаго служенія.

Различные виды пастырскаго служенія. Служеніе въ деревнѣ.

Какія же могутъ быть основанія къ предпочтенію каждаго изъ этихъ видовъ?

Свободное предпочтеніе пастырства въ селѣ можетъ основываться на свойственномъ христіанству, особенно восточному, исканіи подвига и отрѣшеніи отъ всякихъ преимуществъ общественнаго положенія, желаніе жить въ бѣдности и трудѣ, чтобы являться неукоризненнымъ утѣшителемъ бѣдняковъ. Подобное настроеніе, конечно, весьма похвально, если оно чуждо помысла гордости и осужденія всѣхъ товарищей, поступающихъ въ города, и кромѣ того— если оно не соединено съ презрительнымъ взглядомъ на крестьянъ, какъ на людей, будто бы наиболѣе далекихъ отъ христіанскаго совершенства. Молодой пастырь, настроенный самостоятельно и горделиво, останется навсегда чуждъ и духа пастырскаго, и самаго народа. Если онъ желаетъ быть близкимъ къ послѣднему, то долженъ проникнуться духомъ благочестія народнаго, взирать на устои жизни народной съ уваженіемъ и сочувствіемъ, а не быть въ глазахъ крестьянъ ученымъ иностранцемъ. При всемъ томъ напрасно нѣкоторые студенты семинарій или академій думаютъ, будто жизнь сельскаго священника сравнительно съ городской совершенно неблагопріятна для того, чтобы держаться на уровнѣ образованнаго человѣка, будто она влечетъ пастыря къ огрубѣнію. Подобная опасность грозитъ на самомъ дѣлѣ гораздо сильнѣе тѣмъ настоятелямъ городскихъ купеческихъ приходовъ, которые, если поддаются теченію жизни, то чрезъ 15—20 лѣтъ по вступленіи въ клиръ настолько поглощаются

сытою жизнью среди семейныхъ торжествъ своихъ прихожанъ, что по содержанію своихъ интересовъ ничѣмъ не отличаются отъ своихъ малоученыхъ псаломщиковъ, хотя и были магистрами богословія.

Напротивъ того, священникъ сельскій, если онъ самъ не подавленъ крайнею нуждою, взирая на окружающую его жизнь сверху внизъ и принимая волей-неволей участіе во всѣхъ явленіяхъ общественной, семейной и личной жизни своего тѣсно сплоченнаго по быту прихода, являясь дѣятельнымъ свидѣтелемъ самыхъ разительныхъ страданій и смертей, переживаетъ постоянные подъемы своего нравственнаго настроенія. Поэтому, если онъ и не богатъ разнообразнымъ чтеніемъ, если даже постоянно ограничивается Библіей, бесѣдами Златоуста, Церковными Вѣдомостями, да Нивой, все-таки можетъ находить для своего ума весьма разнообразную и обильную пищу и быть философомъ, моралистомъ, каковыхъ дѣйствительно гораздо легче найти среди сельскаго духовенства, нежели среди городского. Не мало среди перваго и искреннихъ идеалистовъ, до старости лѣтъ сохраняющихъ самый живой интересъ къ наукѣ и общественной жизни.

Еще болѣе побужденій къ духовному развитію, особенно умственному, встрѣчаетъ пастырь, избравшій для себя мѣстомъ служенія *окраины* отечественной церкви, напр., въ Польшѣ или Остзейскомъ краѣ. Тамъ религіозная борьба побуждаетъ обогащать свой умъ познаніями, да и бытовое положеніе духовенства гораздо благопріятнѣе, чѣмъ внутри Имперіи, какъ со стороны обезпеченія, такъ и со стороны отношенія къ нему общества, въ данномъ случаѣ чиновническаго. Пастырь, желающій быть полезнымъ не для себя только, но и для прихода на окраинѣ, долженъ ознакомиться съ ея положеніемъ, съ исторіей и непремѣнно изучать мѣстные языки. Самою печальною, хотя и наиболѣе часто повторяющеюся, ошибкой его будетъ то, если онъ поставитъ свою задачу въ уподобленіи чиновничьему люду и въ стараніи ввести только внѣшность церковно-государственнаго строя внутреннихъ губерній, чрезъ обезличеніе данной мѣстности со стороны религіозно-бытовой и со стороны нарѣчія. Поступая такъ, онъ явится въ глазахъ прихожанъ не пасты-

ремъ, но волкомъ, не щадящимъ стада. Житіе св. Стефана Пермскаго убѣждаетъ насъ въ томъ, что духовное сліяніе русскаго пастыря съ инородческою паствою есть не только единственное средство къ ея благодатному просвѣщенію,—этою главнѣйшею задачею служителя Божія,—но и ея бытовому сближенію съ русскимъ народомъ, чего тщетно сталъ бы онъ добиваться путемъ стѣснительныхъ мѣръ.

Служеніе въ городѣ. *Третій родъ служенія пастырскаго бываетъ въ приходѣ городскомъ,* напр. въ своемъ родномъ городѣ или въ городѣ столичномъ. Полезно и почтенно и такое служеніе, если избирается не ради корысти, не путемъ предосудительныхъ происковъ и борьбы съ достойнѣйшими кандидатами. Нужно помнить и то, что никакой пророкъ пріятенъ есть въ отечествіи своемъ, и жизнь молодого священника среди многочисленной родни, если и бываетъ пріятна, то рѣдко полезна; развѣ—если человѣкъ обладаетъ сильнымъ характеромъ, умѣетъ не подчиняться обстановкѣ, но себѣ подчинять послѣднюю. Во всякомъ случаѣ такой кандидатъ долженъ готовить себя къ тому, чтобы быть пастыремъ всесословнымъ, а не домохозяевъ только и богатыхъ квартирантовъ, какъ это часто бываетъ. Чтобы объединить въ одно дѣйствительное общество свой приходъ, онъ долженъ прежде всего полюбить чердаки и подвалы, явиться туда съ благодѣющею рукою, и тѣмъ подать примѣръ всесословнаго приходскаго братства благотворенія, безъ котораго городской приходъ останется чисто отвлеченнымъ понятіемъ.

Не долженъ онъ, однако, отвратить взоръ свой и отъ маловѣрной и нравственно-немощной интеллигенціи, но быть, по возможности, хозяиномъ и въ области предметовъ, занимающихъ людей образованныхъ, чтобы и эти считали его своимъ, а не какимъ то почтеннымъ архаизмомъ, съ которымъ приходится вѣдаться въ Рождество и Пасху, припасши для этого закуску и нѣсколько, вовсе неинтересныхъ никому, вопросовъ о богослуженіи или праздникахъ. Приготовивъ себя къ такому всеобъединяющему призванію, священникъ сразу станетъ въ глазахъ прихода выше всѣхъ—и будетъ способенъ къ самому серьезному нравственному вліянію.

Законоучительство.

Четвертый родъ служенія іерейскаго есть *званіе законоучителя*. Ошибается тотъ кандидатъ богословія, который считаетъ это званіе, какъ наименѣе безправное, наиболѣе свободнымъ среди прочихъ служеній священника. На самомъ дѣлѣ, зависимость законоучителя отъ **мѣстнаго** начальства гораздо крѣпче, чѣмъ приходскаго священника. Съ **особенною** силою почувствуетъ эту разницу законоучитель, желающій **внести** что-либо новое, живое въ свое дѣло. Если же онъ избралъ такую **службу** лишь для того, чтобы его никто не могъ трогать, чтобы быть, такъ **сказать**, наименѣе священникомъ, наименѣе отдѣляться по жизни и дѣятельности отъ чиновниковъ, то, конечно, кромѣ зла онъ ничего не внесетъ въ жизнь школы, такъ какъ вліяніе законоучителя — и преподавательское, и чисто религіозное — обусловливается всецѣло тѣмъ, если измученные формалистическимъ отношеніемъ свѣтскихъ преподавателей ученики хоть въ священникѣ встрѣчаютъ отца, цѣнящаго не внѣшность, а вносящаго въ жизнь законы правды внутренней, взывающаго не къ внѣшней исправности только, а прежде всего къ совѣсти. Однимъ словомъ, законоучитель долженъ быть прежде всего священникъ и отецъ, а затѣмъ уже преподаватель. Тогда только изученіе его предмета будетъ совершаться усердно и старательно, безъ ненависти и кощунства.

Званіе законоучителя должно быть избираемо любителями воспитанія, педагогами по призванію, но притомъ людьми съ миссіонерскимъ огнемъ, готовыми съ ревностію противостать множеству противохристіанскихъ вліяній на учащуюся среду, и также различнымъ увлеченіемъ послѣдней, напр. свѣтскостью, чувственностью, удальствомъ, раціонализмомъ и т. п. Это удается только такому священнику, которому не чуждо знакомство и пониманіе модныхъ вѣяній, научныхъ и особенно литературныхъ матерій, кто обладаетъ способностью увлекать молодыя души въ сторону подвига религіознаго взамѣнъ разрушительныхъ стремленій. Законоучитель долженъ еще умѣть презирать и осмѣивать развратъ и франтовство и въ то-же время сохранять всегда мирное, чуждое фанатизма настроеніе и преуспѣвать въ добродѣтели терпѣнія.

Приготовленіе къ хиротоніи. Такъ разнообразны и многочисленны умственныя и нравственныя расположенія, необходимыя для пасенія разнороднаго стада Христова. Дарованія эти лишь въ зачаткѣ могутъ вырабатываться путемъ духовныхъ упражненій будущаго священника, а въ полнотѣ своей даются благодатью священства, если ее принимаютъ достойно. Было сказано, что для достойнаго ея принятія должно готовиться къ ней, несмотря на вышеуказанныя неблагопріятныя условія—свадебныхъ празднествъ и напряженнаго исканія мѣста. За всѣмъ тѣмъ, на совѣсти каждаго лежитъ возможное отдаленіе хиротоніи отъ свадьбы и предвареніе первой—1) предварительнымъ говѣніемъ, 2) чтеніемъ слова Божія и аскетическихъ писаній, 3) удаленіемъ отъ мірскихъ дѣлъ и бесѣдами съ духовными старцами. Нѣсколько дней, проведенныхъ въ подобной обстановкѣ, оставляютъ глубокій слѣдъ на всю жизнь человѣка. Особенно къ ставленнической исповѣди должно отнестись благоговѣйно и искренно. Эти первые шаги духовной жизни не повторяются, и если ихъ творить неправильно, то исправиться въ дальнѣйшихъ шагахъ будетъ несравненно труднѣе, и останется поводъ къ позднему раскаянію, можетъ-быть на всю жизнь. Худо дѣлаютъ и тѣ руководители ставленниковъ, которые побуждаютъ ихъ къ благоговѣйному поведенію и вычитыванію правилъ „дабы не соблазнить ближнихъ“. Послѣднее опасеніе важное, но далеко не существенное. Таковымъ, важнѣйшимъ побужденіемъ должно быть попеченіе о собственной душѣ, о собственной нравственной настроенности. Если непривычный молиться ставленникъ не иначе, какъ съ большимъ самопонужденіемъ, можетъ выстаивать часъ или два на молитвѣ, то подобная неподготовленность и испытывается во время молитвы; сухость настроенія и скука не должны быть побужденіемъ къ критикѣ самыхъ установленій церкви и ихъ оцѣнкѣ, а къ сознанію того, что ты стоишь ниже предполагаемой въ христіанинѣ духовности, что тебѣ надо до нея развиваться, ибо молитвенное правило и церковный обычай держанія себя выработаны практикой духовной жизни, великими столпами вѣры и любви, которыхъ перерости, конечно, не могъ-бы легкомысленный студентъ, богатый только внѣшними познаніями, но

не дарами духа. При такомъ образѣ мыслей и при стараніи слѣдовать ему даръ умиленія не замедлитъ явиться у ставленника. Душевная сухость и утомленіе молитвой будетъ въ немъ пробуждать печаль о своемъ очерствѣніи и смиренное, покаянное настроеніе, послѣднее-же есть достаточное условіе духовнаго восторга и услажденія молитвой, которое вдругъ смѣняетъ собою прежнюю печаль о своемъ очерствѣніи. О стяжаніи и сохраненіи такой молитвенной настроенности во время хиротоніи—ставленники должны пещись съ тѣмъ большимъ усердіемъ, что послѣдніе дни предъ посвященіемъ способны сильно разстроить душу при теперешнихъ порядкахъ, которые, какъ-будто нарочно, установились такъ, чтобы окружать умъ и сердце посвящаемаго самыми соблазнительными столкновеніями, неумѣстною совершенно суетой и безпокойствомъ,—разумѣемъ выполненіе бумажной формы дѣла, сопряженное подчасъ съ многократнымъ бѣганьемъ изъ консисторіи къ иподіакону и духовнику, полученіемъ выговоровъ отъ нихъ за опаздываніе, смущеніе отъ незнанія священныхъ обрядовъ хиротоніи и т. п. Если ставленникъ допуститъ раздраженіе въ своемъ сердцѣ, то повредитъ только своей душѣ и повредитъ надолго. Во избѣжаніе такихъ смущеній и вообще для того, чтобы достойно приступить къ таинству священства и получить его спасительный даръ, а не осужденіе, ставленникъ долженъ подготовить себя къ нему надлежащимъ говѣньемъ, чтеніемъ слова Божія и Отцовъ и исправнымъ исполненіемъ молитвеннаго правила. Поступая такъ, онъ проникнется сознаніемъ важности предстоящаго ему служенія, своей собственной грѣховности и слабости, и той страшной и великой отвѣтственности, которая отъ него потребуется. Тогда онъ будетъ проникнутъ всецѣло этимъ сознаніемъ—и на окружающую его обстановку, на грубое обращеніе съ нимъ клириковъ во время постриженія онъ не будетъ оскорбляться. Если и замѣтитъ онъ недостойное обращеніе въ алтарѣ клириковъ, то предоставитъ ихъ суду Божію и собственной совѣсти, будучи самъ подавленъ сознаніемъ собственнаго недостоинства и грѣховности. Церковное, скажемъ—монашеское, поведеніе ставленника предъ хиротоніей есть внѣшнее условіе къ достойному воспринятію благодатнаго дара. Другое условіе

есть внутренняя рѣшимость всего себя отдать Богу, посвятить Ему самоотверженно всю свою жизнь съ полною готовностью принять смерть за слово истины. Такой рѣшимости требовалъ Господь отъ апостоловъ, просившихъ первенства въ церкви: *„можете-ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещеніемъ, которымъ я крещусь“?..*

Если приступающій къ посвященію благоговѣйно приготовитъ себя къ нему, то благодатный даръ таинства измѣнитъ его, и онъ выйдетъ послѣ епископскаго руковозложенія дѣйствительно другимъ человѣкомъ; если не выполнитъ, то благодать Божія будетъ ему въ осужденіе.

Признаки недостойнаго принятія священства. Можно указать признаки, по которымъ легко узнать принявшаго священство недостойно. Такой священникъ сразу-же совершенно свободно возвращается къ прежней своей жизни и привычкамъ, хотя-бы и недостойнымъ его новаго сана, и старается всѣмъ показать, что онъ остался такимъ-же человѣкомъ и что можетъ дѣлать то же самое, что дѣлалъ и раньше; или-же онъ показываетъ видъ всѣмъ и каждому, что онъ тяготится рясою, жалуется на то, что ему нельзя теперь дѣлать то или другое, что дозволительно мірянамъ; въ служеніи онъ тупъ и неодушевленъ; когда нужно преподать благословеніе или совѣтъ, то стѣсняется, совершаетъ это неохотно, съ понужденіемъ; или-же, напротивъ, онъ все достоинство своего новаго званія поставляетъ въ томъ, чтобы всюду напоминать, что онъ теперь власть, лицо съ начальственными полномочіями; покрикиваетъ на своихъ клириковъ, хотя-бы и почтенныхъ старцевъ, не терпитъ отъ нихъ никакихъ указаній богослужебныхъ ошибокъ своихъ, бываетъ грубъ и неуступчивъ. Таковы проявленія недостойнаго принятія дара.

Благодать священства. Достойное принятіе сана измѣняетъ человѣка, если не въ той степени, какъ апостоловъ снисхожденіе языковъ огненныхъ, или Савла видѣніе Христа, то все-же измѣненіе это существенно и чудно. Вступивъ въ духовный бракъ съ церковью, пастырь пріобрѣтаетъ свойства духовнаго отца—свойство любви и мудрости, дерзновенной рѣшимости и одухотворенной молитвы и силы слова. Таковы и подобны имъ внѣшнія проявленія благодатнаго

дара, но его первоначальныя дѣйствія бываютъ внутреннія и преимущественно слѣдующія: 1) въ области его сознанія и 2) въ области чувства.

Благодатное прикосновеніе производитъ въ человѣкѣ то, чего онъ никакъ не можетъ достигнуть путемъ теоретическихъ разсужденій. Съ глазъ человѣка спадаетъ какъ-бы нѣкая, мѣшавшая ему прежде ясно видѣть, завѣса и онъ совершенно ясно опредѣляетъ всю окружающую жизнь въ одномъ созерцаніи — борьбѣ добра со зломъ, которой исходы бываютъ въ рукахъ Божіихъ. Отсюда путь къ той величавой невозмутимости и незнающему унынія постоянству, которыми сіяютъ предъ нами образы великихъ пастырей отъ Моисея и до святителя Тихона. Неудачи дѣятелей внѣшнихъ повергаютъ ихъ въ отчаяніе и понуждаютъ удаляться отъ общественной борьбы; напротивъ, жизнь пастыря, какъ-бы ни измѣнялись ея положенія, остается неумолкающимъ свидѣтельствомъ истины и любви христіанской.

Въ области чувства благодать производитъ двоякаго рода дѣйствіе — положительное и отрицательное. Положительное состоитъ въ водвореніи въ человѣкѣ новыхъ благодатныхъ чувствъ, отрицательное — въ побѣдоносной борьбѣ съ себялюбіемъ, съ содержаніемъ ветхаго человѣка.

Любовь пастыря къ пасомымъ. Облагодатствованный въ таинствѣ священства человѣкъ является вполнѣ равнодушнымъ къ себѣ и уже не себя любитъ, но свою паству, какъ Божіе дарованіе, какъ благословенную семью свою, и притомъ прежде, чѣмъ увидитъ ее. Своею любовью онъ обнимаетъ не только достойныхъ, но и тѣхъ, которые, какъ недужные, требуютъ врача, не только отдѣльныхъ лицъ, но всѣхъ вообще; на всѣхъ смотритъ, какъ на дѣтей, порученныхъ Отцомъ Небеснымъ водительству его на пути ко спасенію. Такой благодатный даръ самоотреченія и любви къ ближнему говоритъ о хорошемъ настроеніи священника и даетъ надежду на успѣхъ его пастырской дѣятельности. Раскройте книгу Дѣяній апостольскихъ—и вы увидите, что оба эти настроенія въ ихъ положительныхъ и отрицательныхъ раскрытіяхъ охватывали собою умы и сердца свв. апостоловъ при ихъ восторженно благодатныхъ озареніяхъ; такова рѣчь св. апостола

Петра въ пятидесятницу, и вторая—по исцѣленіи хромого; таково содержаніе молитвы двѣнадцати; такова и старческая исповѣдь ап. Павла къ Филиппійцамъ (1, 16—28), и къ Тимоѳею (II, 4, 6—9).

Если-же мы примемъ во вниманіе, что рѣчь у насъ о самоотреченіи не пустомъ и безсодержательномъ, но во имя Христово на землѣ, ясно нами представляемое, то понятно, что, насколько само наше религіозное чувство изъ рабскаго переходитъ въ самочувствіе друзей Христовыхъ, согласно съ Его обѣтованіемъ тѣмъ, кому Онъ открылъ Свою волю (Іоан. 15, 15), настолько и та часть Его духовнаго царства, которая вручена Духомъ Божіимъ нашему отеческому попеченію, становится уже тѣмъ самымъ столь-же дорогимъ нашему сердцу достояніемъ, какъ матери—ея новорожденное дитя, прежде чѣмъ она успѣла его увидѣть, и только потому, что это ея дитя. Такъ же точно и пастырь: прежде чѣмъ узнать свою паству, уже горячо ее любитъ, любитъ, не разбирая добрыхъ отъ злыхъ, и даже послѣднихъ больше, ибо *„не здоровые, но больные требуютъ врача“*, какъ сказалъ Христосъ Спаситель. Исполнялъ-же Его слово праведникъ Серафимъ Саровскій, съ тѣмъ большею нѣжностью принимавшій приходившаго къ нему, чѣмъ болѣе тяжкимъ грѣшникомъ тотъ оказывался. Вопреки свойству естественныхъ филантроповъ, откровенно признающихся, что, питая любовь къ отвлеченному человѣчеству, они именно ближнихъ-то, окружающихъ, не только любить, но и переносить-то часто не могутъ, — вопреки этому естественному взаимному отвращенію людей, не умершихъ грѣху себялюбія, самоотверженный пастырь весь исполняется любовью къ своимъ духовнымъ дѣтямъ и общеніе съ ними предпочитаетъ всякому иному утѣшенію, по слову Пастыреначальника, Который однажды: *„обозрѣвъ сидящихъ вокругъ Себя, говоритъ: вотъ матерь Моя и братья Мои. Ибо кто будетъ исполнять волю Божію, тотъ Мнѣ братъ, и сестра и матерь* (Марк. 3, 34—35).

Чтобы привести еще подобіе, могущее объяснить зарожденіе этой благодатной любви изъ рѣшимости умереть для плоти и жить для Христа и Церкви, укажемъ на дѣвицу,

довѣрчиво преданную родителямъ и расположенную любить, но живущую въ уединеніи, какъ это было въ древне-русской жизни. Отецъ обѣщаетъ ей привести жениха и обѣщаетъ ей съ нимъ супружеское счастье: нужно-ли говорить, что душа ея сразу же прилѣпится къ жениху—и даже раньше, чѣмъ она его увидитъ? Подобное бываетъ со служителемъ Слова. Онъ любитъ свою будущую паству не за ея добродѣтели, не одѣваетъ ея въ своемъ воображеніи ореоломъ святости, но знаетъ, что она есть порученный для его благодатнаго воздѣлыванія Божій виноградникъ; онъ вѣритъ, что здѣсь будетъ дѣйствовать благодать; онъ уже заранѣе предвидитъ могучія движенія послѣдней, онъ видитъ во врученной ему мѣстной церкви ея истиннаго жениха—Христа, видитъ Христову домостроительную десницу, открывающуюся ему во всѣхъ явленіяхъ, во всѣхъ слышащихся на исповѣди признаніяхъ. Можетъ-ли онъ не любить свою паству до самозабвенія, до совершеннаго отказа находить себѣ счастье въ чемъ либо другомъ?

Говоря о зарожденіи въ насъ пастырской жизни, Божественное Откровеніе и здѣсь обращается къ сравненію съ чувствомъ материнскимъ, состоящимъ изъ тѣхъ же двухъ элементовъ: самоотреченія, или страданія, и любви, какъ и пастырство, при чемъ оба эти элемента взаимно обусловливаютъ другъ друга, такъ что, при появленіи одного, возрождается къ жизни и другой. Материнская любовь, предваряемая муками рожденія, въ нихъ, конечно, получаетъ свой источникъ. Эти муки побуждаютъ женщину, жившую быть можетъ весело и безпечно, вдругъ потерять всякій вкусъ къ личной своей жизни и жить единственно своими дѣтьми. Подобное именно явленіе приводится св. Писаніемъ для объясненія духовнаго пастырскаго возрожденія учениковъ Слова. *„Жена егда рождаетъ скорбь имать—говоритъ Господь: яко пріиде годъ ея; егда же родитъ отроча, къ тому не помнитъ скорби за радость, яко родися человѣкъ въ мірѣ* (Іоан. 16, 21).

Любовь пасомыхъ къ пастырю.

Господь облегчаетъ тяжелый крестъ пастырства не только тѣмъ, что пробуждаетъ пастырскую любовь съ такою силою на первыхъ шагахъ служенія

Церкви, но и паствѣ или слушателямъ влагаетъ сначала и любовь, и довѣріе, и даже восторженное благоговѣніе къ Его служителю. Великіе проповѣдники были такіе святители, какъ Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ или Димитрій Ростовскій, но едвали не сильнѣйшимъ духовнымъ восторгомъ проникнуты ихъ слова при вступленіи на паству. По содержанію этихъ словъ видно, что и народъ ихъ встрѣтилъ съ восторгомъ, что онъ сразу усвоилъ ихъ любвеобильное пастырское попеченіе. Да не тотъ же ли мгновенный восторгъ народа встрѣтилъ первыя слова проповѣди самого Пастыреначальника и Его Апостоловъ, въ обоихъ случаяхъ смѣнившійся впослѣдствіи или ненавистью, или холоднымъ равнодушіемъ большинства? Не о первыхъ-ли по преимуществу порахъ проповѣдническаго служенія Господа говорится, что народъ слушалъ Его съ услажденіемъ (Марк. 12, 37), что народъ отовсюду сбѣгался слушать слово Божіе (Лук. 5, 15)? Не тогда-ли рыбари бросали сѣти свои и домы родителей своихъ, чтобы итти вслѣдъ новому Учителю, тѣ самые рыбари, которые затѣмъ съ тою-же легкостью разбѣжались отъ Него въ день испытанія? — Но вотъ ихъ освятила благодать, чтобы продолжать дѣло своего Божественнаго Наставника и испытать на себѣ Его участь, согласно Его пророчеству: что-же? ихъ первая проповѣдь побуждаетъ креститься сперва 3000, а потомъ 5000 народа; а духовная радость о славѣ Божіей дѣлаетъ ихъ совершенно нечувствительными къ первымъ гоненіямъ фарисеевъ, ибо, конечно, не эти послѣдніе, не внѣшніе для Церкви враги, а жизнь самой паствы готовила имъ самую горькую чашу страданій, какъ и Моисею не упорство Фараона и его угрозы, а дальнѣйшее уже неразуміе Израиля въ пустынѣ, доводившее его почти до отчаянія. Апостолъ Павелъ точно также упоминаетъ о первоначальномъ духовномъ озареніи учениковъ, даруемомъ имъ на первыхъ порахъ общенія со служителемъ Слова, въ посланіи къ Галатамъ: *„хотя я въ немощи плоти благовѣствовалъ вамъ въ первый разъ, но вы... приняли меня,какъ Ангела Божія, какъ Христа Іисуса. Какъ вы были блаженны! Свидѣтельствую о васъ, что, если бы возможно было,*

вы исторгли бы очи свои и отдали мнѣ“ (4, 13—15). Вотъ какъ далеко простирается подобіе участи пастырской съ жизнью семейною, гдѣ такъ называемая первая любовь, или первый мѣсяцъ, представляютъ собою явленіе, весьма родственное, почему къ ней и приравниваетъ пророкъ духовную ревность выведенныхъ изъ Египта іудеевъ, какъ мы слышали раньше (Іер. 2).—И Господь понынѣ не лишаетъ Своихъ служителей такого дара взаимной духовной любви на первыхъ порахъ ихъ служенія, и опытные въ духовной жизни старцы это знаютъ. Къ одному изъ нихъ явился однажды молодой пастырь черезъ годъ послѣ своего посвященія, при переходѣ на новое мѣсто, какъ ему казалось, изгоняемый или выживаемый за правду. Старецъ, простой монахъ-самоучка изъ крестьянъ, ослѣпшій черезъ нѣсколько лѣтъ по вступленіи въ обитель совсѣмъ молодымъ человѣкомъ и подвизавшійся въ монашествѣ около тридцати лѣтъ, бесѣдовалъ о спасительной силѣ скорбей и несчастій, перенеся которыя человѣкъ пріобрѣтаетъ ничѣмъ невозмутимый внутренній міръ и радость. „Я такъ теперь всегда доволенъ и радостенъ, какъ никогда не бывалъ, будучи міряниномъ—говорилъ онъ. Слѣпота моя меня не только не огорчаетъ, но, напротивъ — я всегда съ искреннимъ усердіемъ прошу Господа, чтобы Онъ навсегда меня оставилъ слѣпымъ, дабы я, не развлекаясь суетою разнообразныхъ зримыхъ вещей, могъ духовнымъ зрѣніемъ углубляться въ созерцаніе Его судебъ. А вѣдь сначала, какъ я скорбѣлъ о потерѣ зрѣнія, какъ плакался Богу на свое горе: видно, Господь лучше насъ понимаетъ, откуда мы стяжаемъ истинную радость“.—

Значеніе духовной радости для пастыря.

„А мнѣ, батюшка, такая духовная радость дана безъ подвиговъ, отвѣчалъ собесѣдникъ, въ самомъ посвященіи, и это меня весьма смущаетъ, п. ч. я иногда въ этомъ вижу обольщеніе (прелесть), ибо знаю по Отцамъ, что добрыя дѣла *трудомъ содѣваются и скорбьми стяжеваются*. У меня какъ будто и есть скорби отвнѣ, да я ихъ не чувствую, и все веселъ: вѣроятно это искушеніе врага“. „Нѣтъ, мой милый, отвѣчалъ старецъ, скорби тебѣ предстоятъ еще—и великія скорби, а этой радости не смущайся: просто Господь хочетъ тебя привязать

къ Себѣ, чтобы ты потомъ не отступалъ отъ Него, не впадалъ въ унынiе". — Мысль старца о такой цѣли Божественнаго промышленiя понятна: ею-же, конечно, руководился Духъ Божiй, когда, по свидѣтельству Дѣяній Апостольскихъ, ниспосылалъ даръ пророчества и даръ языковъ новокрещеннымъ, еще ни въ чемъ неподвизавшимся, а только расположившимъ сердца свои къ принятiю евангельскихъ глаголовъ. Длинная, тяжелая борьба предстоитъ служителю Слова: что противопоставитъ онъ міру, съ которымъ нужно бороться, если не воспринятое свидѣтельство Духа—Обличителя міра (Iоан. 16, 8)? Какими духовными ощущенiями будетъ онъ подавлять предсказанныя пастырямъ обуреванiя врага (Лк. 22, 31) и печали за слово (Iоан. 16, 20), еслибы онъ не воспрiялъ ощущенiй благодатныхъ, еслибы Господь не далъ ему предвкусить радости общенiя съ Нимъ, торжествующей надъ всякимъ лишенiемъ и мученiемъ отъ міра? Безъ подвиговъ и трудовъ, за одну рѣшимость жить для Бога, Господь въ благодати священства даетъ человѣку вкусить того величайшаго дара взаимной любви духовной, въ коемъ будетъ заключаться наше вѣчное блаженство въ будущей жизни. Вкусивъ сего дара, пастырь имѣетъ возможность взирать на всѣ явленiя жизни „новыми очами", т. е. всѣ ихъ сцѣпленiя объяснять не по обычнымъ вещественнымъ соединенiямъ случайныхъ причинъ и слѣдствій, но съ точки зрѣнiя вѣчной борьбы злаго и добраго начала, міра и Христа, и побѣды Христовой надъ міромъ. Можетъ-быть самое ощущенiе любви, а особенно взаимная любовь паствы, удаляется отъ него на время, дабы онъ возвратилъ ихъ уже подвигомъ упорной работы надъ своею духовной жизнью, но сознательная убѣжденность въ несокрушимую дѣйственность благодати, благодатной любви, останется при немъ.

Статья VI.

Искушенiя и испытанiя пастыря.

Всякій человѣкъ, становясь на поприщѣ новой дѣятельности, если только онъ привыкъ давать себѣ отчетъ въ сво-

ихъ чувствахъ и настроеніяхъ, старается мысленно обозрѣть весь предлежащій ему путь и намѣтить себѣ наилучшую стезю по этому пути. То же дѣлаетъ, конечно, и новоначальный пастырь. Небезразлично, на чемъ теперь остановится его мысль и чувство. Правда, юношескіе планы какъ будто-бы для того только и существовали, чтобы разлетаться, какъ дымъ, при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью, но, если мы повнимательнѣе присмотримся къ дальнѣйшей жизни различныхъ дѣятелей, то увидимъ, что ихъ положенія, мечтанія и стремленія, если они только были искренни и глубоки, хотя и не осуществляются въ полнотѣ, оставляютъ болѣе или менѣе глубокій слѣдъ и на душѣ, и на дѣятельности своихъ носителей. Пусть немного добраго и безкорыстнаго исполнитъ человѣкъ въ своей жизни, но и это немногое не было-бы сдѣлано, еслибъ не святыя мечты юности.

По отношенію къ пастырю эти стремленія въ самомъ зарожденіи своемъ отражаются различными *искушеніями*.— Какъ Великому Пастыреначальнику, предъ выступленіемъ Его на проповѣдь, діаволъ предлагалъ въ пустынѣ разныя грѣховныя средства для выполненія Его просвѣтительнаго дѣла: такъ и здѣсь — діаволъ будетъ разстраивать высокіе планы и смущать мысль пастыря разными обольщеніями и искушеніями.

Преподаваніе отвлеченныхъ катихизическихъ истинъ.

Во-первыхъ, искушается тотъ священникъ, который, выходя изъ горделивой мысли о своемъ образованіи, единственною задачею своей дѣятельности считаетъ возводить народъ до себя чрезъ *преподаваніе отвлеченныхъ катихизическихъ истинъ* и вмѣсто того, чтобы измѣнять человѣческія сердца изъ злыхъ въ добрыя, цѣлью своею поставляетъ одно заучиванье догматовъ. Добиться онъ этого не добьется въ сельскомъ приходѣ, а будетъ только возмущаться невѣжествомъ и непонятливостью своихъ прихожанъ, можетъ возненавидѣть ихъ и будетъ презирать, какъ язычниковъ, думая, будто все христіанство состоитъ въ знаніи богословскихъ формулъ.

Человѣкоугодничество.

Во-вторыхъ, заблуждается священникъ тогда, когда онъ поставляетъ своею задачею со всѣми

„поладить“. А заблужденіе это замѣчается у насъ особенно часто. Поступаетъ священникъ на приходъ и первымъ дѣломъ наводитъ справки, съ кѣмъ ему нужно тутъ поладить... Конечно, онъ не долженъ ссориться, но и человѣкоугодничество можетъ-быть и дѣйствительно бываетъ основнымъ началомъ жизни мірской, гражданской, но никакъ не церковной.

Достоинство церкви истинной и истинно церковнаго дѣятеля въ томъ и состоитъ, чтобы говорить подобно Ап. Павлу: „аще человѣкомъ угождалъ быхъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ“. Библейская исторія постоянно даетъ намъ противопоставленіе тонкой лести и человѣкоугодничества властителей земныхъ съ неустрашимой правдой служителей Божіихъ и народа Божія. Навуходоносоръ, Артаксеркъсъ, Олофернъ, Филопаторъ (3 Мак.), Феликсъ и Фестъ, лживый пророкъ Седекія и священникъ Пасхоръ съ одной стороны, а съ другой—Даніилъ, Мардохей, Іеремія, Амосъ и Іудиѳь и весь народъ еврейскій, наконецъ—Апостолы и самъ Спаситель, сказавшій: *„какъ вы можете вѣровать, когда другъ отъ друга принимаете славу, а славы, которая отъ единаго Бога, не ищете“?*—вотъ достойные обличители пастыря, желающаго созидать дѣло церковное на человѣкоугодіи.

Знаменательно, что писатели свѣтскіе, когда желаютъ представить положительный типъ пастыря, представляютъ его не иначе, какъ борцомъ съ міромъ, съ мірскими предубѣжденіями, съ мірскою ложью, насиліемъ и жестокостью. Таковы эти типы у писателей самыхъ различныхъ міровоззрѣній. Возьмете ли сочиненія Лѣскова: „Владычный Судъ“, „Соборяне“, „На краю Свѣта“, или типъ идеальнаго „сельскаго священника“ у Мещерскаго, или появленіе духовниковъ у умирающихъ грѣшниковъ и грѣшницъ въ романахъ Вс. Крестовскаго и Всев. Соловьева, — вездѣ пастырь является или въ борьбѣ съ міромъ, или какъ живая противоположность міру. Напротивъ, самымъ тяжкимъ обвиненіемъ духовенства служитъ въ устахъ свѣтскихъ писателей уподобленіе ихъ мірскимъ дѣятелямъ, и порядковъ церковной жизни—порядкамъ чиновничьимъ. Здѣсь опять сойдутся пи-

сатели самыхъ разнообразныхъ школъ: возьмете-ли вы „Девятый Валъ“ Данилевскаго, или романы Тургенева и поэмы Некрасова, или статьи Самарина, Аксакова, Влад. Соловьева, Елагина — вездѣ уподобленіе жизни и поступковъ священника (или цѣлой іерархіи) образу дѣйствія міра свѣтскаго является самою тяжкою виною духовенства.

Стремленіе производить впечатлѣніе своею личностью.

Третье искушеніе пастыря составляетъ стремленіе производить на своихъ пасомыхъ впечатлѣніе своею личностью. Еще не водворившись въ своемъ приходѣ, молодой священникъ готовъ бываетъ предаваться горделивымъ мечтамъ о своемъ будущемъ вліяніи на народъ, о томъ впечатлѣніи, которое будутъ производить его голосъ, его жесты, его рѣчи. Настроеніе въ высшей степени предосудительное и вредное. Оно, конечно, быстро переходитъ въ дѣйствительность и доходитъ до крайнихъ проявленій. Такъ, иногда, подъ его вліяніемъ, даже все богослуженіе направляется къ тому, чтобы произвести эффектъ. Этому служитъ сентиментальный голосъ, ненужныя воздѣянія рукъ, лишніе поклоны и т. п. Сюда-же, т. е. къ воздѣйствію на людей не истиною Слова Божія и искреннею молитвою, а обольщеніемъ собственной личности, нужно отнести и пастырскую практику папистовъ, совершенно подавляющихъ умъ и совѣсть своей паствы, и пріучающихъ ее къ слѣпому повиновенію вмѣсто нравственнаго совершенствованія. Такіе пріемы тѣмъ обольстительнѣе, что на первыхъ порахъ они сопровождаются кажущимся успѣхомъ, а противоположное веденіе пастырскаго дѣла — скорбями, о чемъ не мало говоритъ Св. Писаніе. Такъ, Господь Іисусъ Христосъ говорилъ, что Онъ пришелъ во имя Отца — и Его не приняли, а кто придетъ во имя свое, того примутъ.

Апостолъ Павелъ съ горечью говоритъ о томъ, какъ онъ чуждъ искусственныхъ способовъ возбуждать къ себѣ уваженіе чрезъ самопревозношеніе, и какъ этотъ способъ удавался другимъ. „*Согрѣшилъ ли я тѣмъ, что унижалъ себя, чтобы возвысить васъ?.. Вы терпите, когда кто васъ порабощаетъ, когда кто превозносится, когда кто бьетъ васъ въ лицо. Къ стыду говорю, что на это у*

насъ недоставало силъ; а если кто смѣетъ хвалиться чѣмъ-либо, то (скажу по неразумію) смѣю и я (2 Кор. 11, 7. 20. 31). Св. Григорій Богословъ въ прощальной рѣчи къ своей паствѣ проситъ прощенія у своихъ пасомыхъ, что онъ не величался предъ ними, не старался соревновать съ вельможами въ роскоши, не высился на колесницахъ, заставляя разбѣгаться народъ, какъ предъ страшнымъ звѣремъ. Поэтому, паства осталась къ нему холодна, предпочитая людей эффекта. „Они ищутъ не іереевъ, но риторовъ, не строителей душъ, но хранителей имуществъ“ (Слово 42). Однако, успѣхъ притворщиковъ и человѣкоугодниковъ не долговѣченъ.

Власть и вліяніе, основанныя не на началахъ правды и любви, а на обманѣ, возбуждаютъ впослѣдствіи вмѣсто довѣрія ненависть. Такъ, въ государственной и церковной администраціи и въ жизни прихода водворяется ненависть между служащими въ однихъ учрежденіяхъ, при постоянныхъ разговорахъ о единеніи и взаимной дружбѣ; причина тому горделивое желаніе своею личностью привлекать сердца. Самое психическое развитіе человѣка, создающаго свое вліяніе путемъ человѣкоугодничества, извращается, потому что другой оцѣнивается имъ не по дѣйствительнымъ достоинствамъ, а со стороны его преданности самому оцѣнивающему. Человѣкъ становится тяжелъ: требователенъ, тщеславенъ и всегда безпокоенъ; напротивъ, идущій путемъ правды и любвеобильнаго самоотверженія всегда поступаетъ сознательно.

Подавленіе чужой совѣсти авторитетомъ.

Пастырство допускаетъ воздѣйствія только на совѣсть, но и здѣсь является соблазнъ *дѣйствовать* косвенно, а не прямо, *не истиною* словъ и воодушевляющимъ примѣромъ, а *чрезъ* духовное *порабощеніе совѣсти авторитету,* отъ чего предостерегалъ апостолъ Павелъ пастырей, умоляя пасти *„Божіе стадо, какое у васъ, надзирая за нимъ непринужденно, но охотно... и не господствуя надъ наслѣдіемъ Божіимъ, но подавая примѣръ стаду“* (1 Петр. 5, 2—3). Господство разумѣется здѣсь, конечно, чисто духовное, ибо о другомъ тогда и рѣчи не могло быть. Но какъ трудно бываетъ

отказаться отъ такого рода господства, *т. е. отъ подавленія совѣсти ближняго своимъ авторитетомъ,* вмѣсто воспитанія ея? Какъ сильна должна быть вѣра въ слово Божіе, чтобы при видѣ легкихъ успѣховъ, коими пользуется всякій пастырь, вступившій на такой путь, сохранить однако увѣренность въ ихъ тщетности—призрачности и не прійти въ отчаяніе при видѣ собственныхъ неудачъ. Часто бываетъ, что любовь, самоотверженіе и всепрощеніе именно тѣмъ менѣе цѣнятся людьми, чѣмъ они выше и чище, чѣмъ меньше въ нихъ примѣси лести, или себялюбія, или обмана. На эту участь и жалуется Св. Павелъ: *„чрезвычайно любя васъ,* пишетъ онъ своимъ ученикамъ, *я менѣе любимъ вами... Ибо чего мнѣ у васъ не достаетъ предъ прочими церквами, развѣ только того, что самъ я не былъ вамъ въ тягость? Простите мнѣ такую вину* (2 Кор. 12, 15. 13). Истинному пастырю придется постоянно видѣть не только предпочтеніе другихъ себѣ, но и прямо измѣну и притомъ именно со стороны тѣхъ, кого онъ горячѣе и самотверженнѣе любитъ. Поведетъ онъ борьбу, конечно духовную, съ врагами Церкви, и увидитъ, что никѣмъ инымъ будетъ онъ преданъ, какъ разувѣрившимися при видѣ его смиренія друзьями, ибо и Іуда предалъ Спасителя, наскучивъ Его смиреніемъ. Это первое искушеніе — собственно отъ учениковъ. Второе искушеніе *отъ сотрудниковъ.*

Новый способъ дѣятельности пастырской скоро возбудитъ зависть и ненависть въ недобрыхъ сопастыряхъ и притомъ иногда тѣмъ сильнѣйшую, чѣмъ смиреннѣе, искреннѣе и проще будетъ человѣкъ работать; онъ тогда будетъ тѣмъ чувствительнѣйшимъ живымъ укоромъ для нихъ, какимъ былъ Спаситель для фарисеевъ (Прем. 2). Извѣстно, что труднѣе всего сохранить дружбу сопастырямъ: даже Павелъ и Варнава впали въ искушеніе распри. Но всего сильнѣе это недружелюбіе обрушится на пастыря, прямо идущаго къ предначертанной Божественнымъ ученіемъ цѣли: припомните жизнь св. Григорія Богослова, І. Златоуста, Максима Исповѣдника, Максима Грека, св. Митрополита Филиппа, Патріарха Никона, Митрополита Арсенія Мацѣе-

вича! Отъ кого терпѣли они сильнѣе всего? Не отъ своихъ-ли сопастырей? Но *эта вражда опасна* тѣмъ именно, что она осыпаетъ клеветами самыя средства истинной пастырской дѣятельности, обнаруживая въ нихъ не существующее лицемѣріе, лесть или потворство (Іо. 7, 12) съ такою настойчивостью, что самъ служитель Божій начинаетъ сомнѣваться въ правильности своихъ дѣйствій, и часто замыкается въ полную бездѣятельность и уединеніе, опасаясь, что обвинители его дѣйствительно правы, обличая въ тщеславіи. Это искушеніе какъ разъ противоположно предыдущему, и оно весьма, весьма часто встрѣчается въ современной жизни (постигло оно и о. Туберозова въ „Соборянахъ“). Такимъ пастырямъ надо напомнить, что открытое служеніе есть ихъ обязанность: *„горе мнѣ, если я не благовѣствую* (1 Кор. 9, 16), и что *бороться съ искушеніями тщеславія путемъ отреченія отъ обязанностей они не имѣютъ права*, но должны достигать этого инымъ путемъ, а именно *„убивать духомъ плотскія дѣла“* по Апостолу (Рим. 8, 13), т. е., преуспѣвая въ *дѣятельной* любви, умерщвлять ветхаго человѣка. Пути спасенія два: одинъ—отрицательный—убиваетъ внѣшними способами ветхаго человѣка и страсть, и тѣмъ даетъ жизнь новому человѣку, а другой—питаетъ любовію новаго человѣка и тѣмъ умерщвляетъ ветхаго: *„поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделѣній плоти“* (Гал. 5, 16), говоритъ Апостолъ. „Пять только было хлѣбовъ у апостоловъ, говоритъ блаженный Августинъ, но когда ихъ стали раздавать во имя любви голоднымъ, то остатковъ собрали двѣнадцать корзинъ; поэтому буду и я дѣлиться малымъ запасомъ своей духовной опытности, чтобы тѣмъ умножить любовью и самый ея запасъ“ (см. его *„Христіанская Наука“*).

Ясныя подтвержденія правильности такихъ пастырскихъ воззрѣній скоро будутъ предъявлены жизнью прихода, которая не только доказываетъ ихъ неложность, но и сама по себѣ даетъ пастырю бодрость и силу, потому что для истиннаго пастыря понятны слова апостола любви: *„для меня нѣтъ большей радости, какъ слышать, что дѣти мои ходятъ въ истинѣ“* (III Іоан. I, 4).

Внутренняя гордость.

Но сохраняя твердую непоколебимую вѣру въ правильность своихъ взглядовъ, *пастырь долженъ* со всею силою остерегаться противопоставлять *въ своемъ сердцѣ себя лично своимъ противникамъ*, какъ олицетворенную святость живому пороку: напротивъ, онъ долженъ сохранять увѣренность, что хотя неудачу встрѣчаетъ онъ именно съ тѣхъ сторонъ, куда онъ вложилъ наилучшія чувства своего сердца, но самая возможность этой неудачи обусловливается для него тѣмъ, что и у него на душѣ не все было чисто: пусть онъ былъ правъ предъ неблагодарной паствой, но *Господь бы устроилъ такъ*, чтобы она *иначе* къ нему отнеслась, *еслибъ душа его была* тогда *совершенно непричастна всякому грѣху*, а потому, при всѣхъ столкновеніяхъ и неудачахъ, *надо искать грѣха въ себѣ самомъ*, какъ Іисусъ Навинъ—при неудачѣ завоеванія Гая (Нав. 8) искалъ грѣха на народѣ Божіемъ, или Ахіоръ, въ зависимости отъ этого-же условія, обѣщалъ Олоферну исходъ его осады іудейскаго города Ветилуи (Іудиѳ. 5, 20 — 21). Высшее развитіе этой мысли встрѣчается въ псалмахъ, гдѣ молящійся праведникъ, угнетаемый врагами за ревность по Богѣ, сознаетъ однако, что онъ страдаетъ потому, что не освободился отъ грѣха, и проситъ Бога не только заступиться за Свою-же попираемую славу, но и очистить его, молящагося, отъ беззаконій, которыхъ у него больше, чѣмъ волосъ на головѣ (Пс. 39, 13; ср. 40, 5; 21; 101; 108). Одинъ священникъ на исповѣди жаловался духовнику, что онъ, страдая за правду отъ сослужителей и властей, проникается неудержимымъ негодованіемъ,—и просилъ совѣта, какъ бороться съ этимъ чувствомъ. „Да самая простая вещь! воскликнулъ духовникъ: и неужели ты, выучившись въ Академіи, этого не знаешь“?—Нѣтъ.—„Да считай себя виноватымъ—и все тутъ! Вѣдь не бываешь и ты безъ вины вовсе: вспомни объ этомъ, и какъ рукой все сниметъ. Святителя Тихона ударили по щекѣ за слово правды, а онъ самъ палъ на колѣни предъ обидчикомъ и просилъ у него прощенія за то, что допустилъ его до такого грѣха“.

Стремленіе ко внѣшней дѣятельности.

Еще иного рода искушеніе бываетъ тогда, когда молодой пастырь начертываетъ себѣ внѣшнюю,

строго опредѣленную программу дѣйствій и мечтаетъ объ осуществленіи ея. Такая программа, можетъ-быть полезная для политическаго дѣятеля, не должна имѣть мѣста въ дѣятельности пастырской. Различныя внѣшнія предпріятія—общества трезвости, попечительства, постройка храмовъ и школъ—предпріятія добрыя, но они не должны быть главнѣйшими, всепоглощающими предметами его заботъ, какъ это часто случается, когда подобныя предпріятія заставляютъ пастыря забывать главный предметъ своего служенія,—а главный предметъ—это богослуженіе и пасеніе душъ,—дѣлаютъ его лихорадочнымъ дѣльцомъ, но въ то же время лишаютъ его благоговѣнія и внимательнаго состраданія и любви къ ближнимъ. Пастырю не возбраняется имѣть свѣтлыя упованія и такъ или иначе подготовлять условія къ начатію большого предпріятія, но они не должны всецѣло захватывать его и отвлекать отъ вседневнаго духовнаго дѣланія, ибо при правильномъ, спокойномъ веденіи послѣдняго сами собою начнутъ выясняться наиболѣе насущныя нужды даннаго прихода, можетъ-быть взамѣнъ тѣхъ, о которыхъ любилъ мечтать священникъ до ознакомленія своего съ паствою. Такъ, напримѣръ, если служба его и проповѣдь привлекаетъ массы народа въ храмъ, то мысль о расширеніи послѣдняго будетъ принята съ общимъ сочувствіемъ и осуществится безъ напряженія и суеты.

Испытанія, пастигающія пастыря, часто бываютъ очень тяжелы.

Удары падаютъ всегда на ту сторону, на которую именно человѣкъ не ожидалъ или которую—одну—онъ считалъ чувствительною, рѣшившись терпѣть раны на всѣхъ остальныхъ. Онъ или тщательно оберегалъ эту Ахилессову пяту, или вовсе не зналъ о ея существованіи у себя—и вотъ по ней-то и раздается ударъ жизненнаго бича, именно по тому мѣсту, на которомъ выноситъ болей служитель Церкви не приготовился.

Примѣры испытаній. Священная Исторія раскрываетъ намъ множество примѣровъ того, какъ избранники Божіи были бичуемы Его воспитывающимъ жезломъ именно по единственному чувствительному мѣсту, и притомъ по боль-

шей части послѣ минутъ вдохновеннаго восторга. Это - то ихъ и повергаетъ въ то смиренное сознаніе своего недостоинства и безотвѣтности предъ Богомъ, которое вводитъ человѣка въ благодатную жизнь. Таково повелѣніе во всемъ покорному и непривязчивому даже къ своей родинѣ Аврааму—изгнать одного сына старости своей и затѣмъ принести въ жертву другого, любимаго; таковъ обманъ въ бракѣ долготерпѣливаго и многотруднаго Іакова, раннее лишеніе любимой жены и, наконецъ, горестная потеря лучшаго сына. Таковы же и явленія неблагороднаго коварства въ жизни Іосифа и Моисея со стороны не враговъ, но именно тѣхъ, кому они съ самоотверженіемъ служили. Вспоминать-ли еще жизнь Давида, Иліи пророка, Іереміи, ап. Павла и прочихъ избранниковъ, самоотверженно приготовившихся нести скорби за слово Божіе, но встрѣчавшихъ горести не отъ враговъ, а отъ тѣхъ немногихъ, кого они считали своими, и именно въ то самое время, когда они съ опасностью жизни творили имъ добро: ни одинъ пророкъ не умираетъ внѣ Іерусалима (Лк. 33, 13) — средоточія царства Божія.

Здѣсь мы находимъ раскрытіе, въ примѣрахъ, исторіи того-же дѣла Божественнаго испытанія и воспитанія, которое перенесъ на себѣ Іовъ. Врагъ искалъ именно того, что было бы особенно тяжело ему перенести. и не сразу находилъ это, но ухищрялся въ искусствѣ преодолѣть терпѣніе праведника. Іовъ не былъ корыстолюбивъ и гордъ, не былъ пристрастенъ къ свѣтскимъ наслажденіямъ или къ женщинамъ (Іовъ 30, 25—26; 31, 7—34): только дорогаго въ жизни онъ и имѣлъ — семью, да свѣтлую вѣру въ побѣду правды надъ силой, онъ не боялся бы и смерти, при сохраненіи этихъ двухъ богодарованныхъ сокровищъ: но ихъ-то именно вырываетъ у него врагъ, *„ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня, и чего я боялся, то и пришло ко мнѣ. Нѣтъ мнѣ мира, нѣтъ покоя, нѣтъ отрады“* (3, 25—26, ср. 13, 20 – 23).— Тяжесть ударовъ заключается именно въ томъ, что они колеблютъ внутреннія основанія вѣры въ силу Божественнаго закона; въ этомъ смыслѣ жалобныхъ псалмовъ, какъ 38-й, 40 й,

72-й,— 20-й главы прор. Іереміи и извѣстной жалобы Богу пророка Иліи послѣ коварнаго замысла неблагодарнаго и упорнаго царя, искавшаго убійствомъ воздать спасителю народа отъ голодной смерти: „*довольно уже, Господи, возьми душу мою, ибо я не лучше отцовъ моихъ,... ибо сыны Израилевы оставили завѣтъ Твой, разрушили Твои жертвенники и пророковъ Твоихъ избили мечемъ*“ (3 Ц. 19, 4. 10). Уязвляемые въ самыя нѣжныя струны своего сердца, служители Божіи испытывали по мѣрѣ силъ своихъ то, что́ и Господь ихъ, когда, подавляемый непроницаемой тучей міроваго зла и оставленіемъ отъ Бога, Онъ *началъ ужасаться и тосковать, и сказалъ имъ: душа Моя скорбитъ смертельно* (Марк. 14, 33), и затѣмъ въ предсмертныхъ мукахъ возопилъ: „*Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставилъ?*“ (Матѳ. 27, 46).

Благодать Божія какъ-бы оставляетъ и теперь на время послѣдователей Христовыхъ, давая имъ вкусить ту муку, которая тогда остается на долю насадителя правды евангельской. Самый корень жизни его будто бы подсѣкается, онъ вдругъ видитъ безсиліе въ жизни своихъ благодатныхъ полномочій и даровъ, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ которой онъ ихъ усвоилъ, и если ничто другое его не привязывало къ жизни, то онъ совершенно задыхается, умираетъ отъ горя, и притомъ тѣмъ съ тягчайшею мукою, чѣмъ крѣпче и безраздѣльнѣе былъ онъ преданъ дѣлу Божію. Напротивъ, тѣ служители вѣры, которые принимались за свое дѣло не съ отреченіемъ отъ всякой другой цѣли жизни, при первомъ испытаніи скоро падаютъ, увѣряются въ невозможности исполнять церковныя обязанности, и, немного попечалившись, окончательно сливаются со служителями міра, лишь по внѣшнимъ пріемамъ дѣятельности причисляясь къ проповѣдникамъ царства Божія. Трагическіе моменты такихъ испытаній замѣчены даже вышеназванною неприхотливою литературой, описывающей дѣятельность священника. Такъ, герой разсказа Ливанова встрѣчаетъ жестоко легкомысленное предательство со стороны дорогого ему и полюбившаго было его народа, — когда явился расколо-

учитель; подобный ему священникъ въ „Запискахъ“ Мещерскаго несетъ скорби отъ любимѣйшей для него школы. Романическій герой повѣсти: „На дѣйствительной службѣ“, встрѣчаетъ напсильнѣйшаго, хотя и пассивнаго, противника своимъ намѣреніямъ въ лицѣ давно возлюбленной жены, а глубоко церковный типъ „Соборянъ“, типъ іерея-законника, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, является караемымъ за правду отъ церковной же власти, предъ которой онъ такъ искренно благоговѣлъ. Конечно, авторы названныхъ повѣстей не имѣли въ виду показать приложеніе этого вѣчнаго закона жизни, и едва-ли подозрѣвали значеніе послѣдняго, но случилось то же явленіе, которое по другимъ поводамъ указывалось въ русской изящной литературѣ, именно, что художественный геній помимо сознанія автора чрезъ картины реальной жизни самъ собою раскрываетъ непреложные законы бытія.

Главнѣйшіе виды этихъ жизненныхъ ударовъ, изъ которыхъ слагается пастырское развитіе, сообразны съ характеромъ Ахиллесовыхъ пятъ человѣчества: ненависть или непониманіе и неблагодарность паствы, *вражда съ родными по плоти*, непониманіе или намѣренное преслѣдованіе со стороны власти, или клеветы сотоварищей. Отчасти они перечислены въ предсказаніи Господнемъ Апостоламъ: *„будутъ гнать васъ, предавая въ синагоги и въ темницы, и поведутъ предъ царей и правителей за имя Мое... преданы также будете и родителями, и братьями, и родственниками, и друзьями, и нѣкоторыхъ изъ васъ умертвятъ. И будете ненавидимы всѣми за имя Мое“* (Лук. 21, 12. 16. 17). Чаще всего бываютъ печали отъ сотрудниковъ по служенію Слова, и это надо предвидѣть и по силамъ стараться предотвращать. Но въ чемъ заключается значеніе и цѣль испытаній?

Благодѣтельное значеніе испытаній для пастыря.

Смотрѣть-ли на удары жизни и разочарованія,— какъ на зло, или какъ на добро? Слово Божіе и жизнь согласно учатъ, что это добро, а не зло. Дѣло въ томъ, что во всѣ, даже добрыя, наши намѣренія входитъ много себялюбиваго, страстнаго, отъ чего необходимо очистить благодатное призваніе служителя Бо-

жія, какъ изгарь отдѣляется отъ чистаго металла въ переплавленіи, съ чѣмъ и сравнивали пророки Божіе испытаніе.

Дѣйствительно, какъ ни безраздѣльно бываетъ молодой иногда человѣкъ преданъ своей идеѣ, но эта его преданность, хотя и соединенная съ рѣшительною готовностью отдать свою жизнь за Христа, еще далеко не чиста отъ страстныхъ примѣсей; мало того: она, при всей своей искренности, можетъ безсознательно выходить изъ другихъ, часто естественныхъ, побужденій, которыя при встрѣчѣ съ иной обстановкой сложились бы въ призваніе совершенно иного характера, напр., въ героизмъ воинскій. Всякое дѣло, которому служатъ люди, едвали половину ихъ дѣятельности получаетъ именно для себя, а другую половину его, или даже 99 сотыхъ, человѣкъ производитъ при несознательномъ служеніи своимъ собственнымъ вкусамъ, страстямъ или прихотямъ. Вотъ почему говорили отцы: если иной монахъ слишкомъ сильно стремится къ небу, то надо держать его за ноги или даже стащить на землю. Такъ-ли любилъ Моисей свой народъ, когда убивалъ Египтянина, сравнительно съ тѣмъ, какъ слѣдовало любить, какъ его научило любить продолжительное изгнанничество? Да посмотрите и на теперешніе типы молодыхъ ревнителей вѣры: развѣ они чужды страстнаго начала въ своемъ религіозномъ подвигѣ? развѣ отстаиваніе пастырскаго авторитета не льститъ въ нихъ бѣсу гордыни? развѣ стояніе за правду предъ старшими не приближается къ чисто студенческому стремленію все дѣлать по своему? развѣ даваніе пастырскихъ совѣтовъ и произнесеніе проповѣдей не надмеваетъ сердца говорящихъ тщеславіемъ? развѣ не приходится замѣчать, что въ священнослуженіи юные пастыри чувствуютъ себя не столько слугами таинствъ, сколько духовными начальниками народа, видятъ предъ собою не Господа Бога, къ Которому взываютъ, но простолюдиновъ, мірянъ, которыхъ благословляютъ? Итакъ, еслибъ оставить этихъ пастырей безъ вразумляющаго жезла Божія, то, конечно, тернія естественнаго, ветхаго человѣка заглушатъ въ нихъ сѣмя благодати. а вмѣстѣ съ тѣмъ остановится и духовный ростъ паствы, который возможно поддерживать лишь силами внутрен-

ними, духовными, благодатными, а не искусственными (2 Кор. 4, 2).

Вотъ почему то же слово Божіе учитъ, что тернія пастырскаго служенія не только не умаляютъ его пользы, не только необходимы для совершенствованія пастырскаго дѣла, но они представляютъ собою самый ростъ послѣдняго, въ нихъ-то именно и выражается дѣйствіе благодати, какъ посредствомъ воспитанія самого пастыря, такъ и въ непосредственномъ его значеніи для паствы. Подтвердимъ этотъ общій взглядъ на дѣйствующую силу служенія пастырскаго изъ Библіи, а затѣмъ, при помощи ея же, разсмотримъ его частныя проявленія въ жизни, подтвердивъ его примѣрами исторіи и современности. Остановимся на двухъ только свящ. книгахъ—прор. Іереміи и Посланіи къ Коринѳянамъ. Іеремія былъ по преимуществу пастырь народа, отождествившій свое благо съ религіознымъ настроеніемъ паствы и переживавшій его, какъ свое собственное, почему Израиль и считалъ Спасителя за воскресшаго Іеремію, опираясь быть можетъ на извѣстное видѣніе Іуды Маккавея (2 Мак. 15, 14—16). Ему суждено было встрѣчать постоянное жестокосердіе народа къ проповѣди закона Божія, онъ готовъ былъ усумниться въ вѣрности Божіей, и вотъ слова его вопля къ Богу: „Ты знаешь, что ради Тебя несу я поруганіе. Обрѣтены слова Твои, и я съѣлъ ихъ, и было слово Твое мнѣ въ радость и въ веселіе сердца моего, ибо имя Твое наречено на мнѣ, Господи, Боже Саваоѳъ. Не сидѣлъ я въ собраніи смѣющихся и не веселился; подъ тяготѣющею на мнѣ рукою Твоею я сидѣлъ одиноко, ибо Ты исполнилъ меня негодованія. За что такъ упорна болѣзнь моя, и рана моя такъ неисцѣльна, что отвергаетъ врачеваніе? Неужели Ты будешь для меня какъ бы обманчивымъ источникомъ, невѣрною водою? На сіе такъ сказалъ Господь: если ты обратишься, то Я возставлю тебя, и будешь предстоять предъ лицемъ Моимъ; и если извлечешь драгоцѣнное изъ ничтожнаго, то будешь какъ Мои уста. Они сами будутъ обращаться къ тебѣ, а не ты будешь обращаться къ нимъ. И сдѣлаю тебя для этого народа крѣпкою мѣдною стѣной“ и т. д. (Іер. 15, 15 — 20). Здѣсь все: указаніе и 1) на

первый *энтузіазмъ*, и 2) на смѣняющее его подъ ударами человѣческой злобы *уныніе*, — и на благодѣтельное значеніе этихъ ударовъ, какъ для а) благодатнаго просвѣтлѣнія самого проповѣдника, такъ и для b) обращенія къ истинѣ его непокорныхъ слушателей. *Какъ объяснить эту тайну?* Дѣйствительно, какъ понять, что мучительный *неуспѣхъ* проповѣди, есть въ тоже время *и успѣхъ*, что болѣзненно переживаемыя пастыремъ проявленія жестоковыйности народной въ то же время носятъ въ себѣ сѣмя грядущаго духовнаго обновленія паствы? Что касается до духовнаго возростанія самого пастыря при помощи этихъ средствъ, то мы, пожалуй, легко поймемъ, почему горести и несчастія, принимаемыя съ покорностью, являются сильнѣйшимъ и незамѣнимымъ къ тому средствомъ, по слову апостола, что внутренній человѣкъ обновляется въ насъ лишь настолько, насколько тлѣетъ внѣшній (2 Кор. 4, 16), что искусство въ насъ производится терпѣніемъ (Римл. 5, 3), и участіе въ святости Божіей мы получаемъ лишь чрезъ наказаніе (Евр. 12, 10), и жить вѣчно можемъ не иначе, какъ сораспявшись Христу (Гал. 2, 19—20).

Значеніе испытаній пастыря для самой паствы.

Все это понятно, понятно и то, что прошедшая горнило огорченій спокойная и смиренная покорность Богу основательнѣе, чѣмъ первая восторженность новообращенныхъ; *но какъ объяснить, что скорби и* оплакиваемыя *нестроенія* могутъ быть *полезны для паствы*, для строенія тѣла Христова, *и притомъ непосредственно*, а не въ смыслѣ только дальнѣйшихъ проповѣдническихъ плодовъ той духовной опытности, которую стяжалъ скорбями самъ пастырь Церкви? На это отвѣчаетъ апостолъ Павелъ въ 2-омъ Посл. къ Коринѳянамъ: *„смерть дѣйствуетъ въ насъ, а жизнь въ васъ“* (2 Кор. 4, 12), т. е. духовное умираніе пастыря даетъ жизнь не ему только, но и паствѣ: между нимъ и паствой существуютъ *таинственныя связи, передающія жизнь даже помимо отношеній внѣшнихъ, которыми, слѣдовательно, далеко не исчерпывается область воспитательныхъ воздѣйствій пастыря*, ибо хотя безъ нихъ не обойдется отеческая любовь его, если она не самообольщеніе, но много

ошибается тотъ, кто будетъ *лишь* по внѣшнимъ своимъ отношеніямъ судить о жизни паствы. Напротивъ, какъ въ отношеніи къ намъ возрождающей благодати—высшею силою является Христова страсть, Его истощеніе, чрезъ которое живущіе уже не для себя живутъ, но для умершаго за нихъ и воскресшаго (2 Кор. 5, 15): такъ и соработники Его на нивѣ Божіей (1 Кор. 3, 9) столько вносятъ добра въ жизнь, сколько имѣютъ въ себѣ духовной жизни. Внѣшнее общеніе, конечно, не будетъ покинуто ими, но всякій пастырь, сознательно наблюдавшій свою дѣятельность, можетъ удостовѣрить, что истинные успѣхи духовнаго дѣланія его въ паствѣ съ математическою точностью показываютъ собою не количество и ловкость употребленныхъ имъ пріемовъ, но количество той духовной жизни, съ которою онъ обратился къ дѣлу. Расположеніе внѣшнихъ условій здѣсь рѣшительно не при чемъ: слово Божіе не вяжется (2 Тим. 2, 9), и Богъ самъ даетъ уста и премудрость, чтобы противящіеся не могли отвѣчать (Лук. 21, 15). Слѣпецъ-старецъ, благословляя одного молодого монаха, по окончаніи курса, на общественную дѣятельность, а именно, въ смотрителя духовнаго училища, говоритъ: „поѣзжай, работай, но духовной жизни не оставляй и помни, что никогда ты не сдѣлаешь добра ни больше, ни меньше, чѣмъ сколько будетъ его въ тебѣ самомъ“.

Конецъ пастырской дѣятельности. Говорить-ли *подробно о конечномъ исходѣ борьбы пастырской* въ жизни, борьбы въ его лицѣ благодати съ міромъ? Если самая *сущность его служенія* заключается въ томъ, что *онъ „каждый день умираетъ“* (1 Кор. 15, 31), то, конечно, *эта борьба* своимъ логическимъ *завершеніемъ* имѣетъ *смерть* за слово Божіе. Конечно, эта смерть не есть непремѣнно казнь, но тогда она есть явное умираніе отъ заботъ, трудовъ и печалей, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, еще не въ престарѣломъ возрастѣ. Господь прямо говоритъ, что добрый пастырь душу свою полагаетъ за овецъ (Іоан. 10, 11); здѣсь Онъ оставляетъ приточную рѣчь, ибо пастухъ за овецъ не станетъ умирать,—но разумѣетъ пастырство духовное. Въ томъ же смыслѣ и апостолъ Павелъ говоритъ: *„я содѣлываюсь уже*

жертвою за жертву и служеніе вѣры вашей“ (Фил. 2, 17). Да и на всѣхъ апостолахъ осуществились слова Господни: „*чашу Мою будете пить и крещеніемъ, которымъ Я крещусь, будете креститься*“ (Мѳ. 20, 23). Поручивъ апостолу Петру, въ качествѣ высшаго выраженія любви къ Себѣ, пасеніе духовныхъ овецъ, Господь прибавилъ: „*егда былъ еси юнъ, поясался еси самъ, и ходилъ еси, аможе хотѣлъ еси: егда же состарѣешися, воздѣжеши руцѣ твои, и инъ тя пояшетъ, и ведетъ, аможе не хощеши,... назнаменуя, коею смертію прославитъ Бога*“ (Іоан. 21, 18—19).— *Церковь* въ своихъ пѣснопѣніяхъ тоже *связываетъ пастырство съ мученичествомъ*, когда въ кондакѣ Святителю говоритъ: „Христово, Преподобне, Евангеліе исполнивъ, положилъ еси душу твою о людехъ твоихъ“, или въ тропарѣ Священномученику: „слово истины исправляя, пострадалъ еси даже до крове“.

О томъ же говоритъ и исторія Церкви, въ которой высшіе образцы пастырской ревности, даже въ мирное время, или были убиваемы, или истлѣвали отъ жизненныхъ скорбей; таковы св. Аѳанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Филиппъ Московскій и т. п.

Значеніе смерти истинныхъ пастырей.

Конечно, въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего страннаго для христіанина, напротивъ—великіе пастыри просили себѣ смерти; такъ ап. Павелъ говорилъ: „*для меня жизнь—Христосъ, и смерть пріобрѣтеніе*“ (Фил. 1, 21), а Григорій Богословъ неоднократно просилъ Бога взять у него многотрудную жизнь. Молились они такъ потому, что смерть за паству бываетъ, преимущественно предъ всѣми прочими подвигами, началомъ духовнаго рожденія, ибо зерно, „*если не умретъ, останется одно, а если умретъ, то принесетъ много плода*“ (Іо. 12, 24), а пр. Исаія въ 53-й и 54-й главѣ вмѣстѣ съ 10-й главой 3-й книги Ездры и 21-мъ псалмомъ прямо раскрываютъ законъ животворной смерти праведника за истину, какъ единственное средство духовнаго возрожденія народа. Господь нашъ „*пришелъ водою, и кровію, и Духомъ*“ (Іоан. I. 5, 6), Который могъ явиться только послѣ

Его вольной смерти, чтобы обличать міръ (Іо. 16, 7). Такъ точно теперь подобное же неумирающее при кончинѣ своихъ пастырей продолженіе и разсвѣтъ духовной жизни показываетъ, что и по нынѣ наша вѣра сохраняетъ за собою свидѣтельства неумертвимаго Духа, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ ученій, хотя бы и готовыхъ запечатлѣть себя кровью, но лишенныхъ свидѣтельства Духа, — какъ это разъяснялъ мудрый Гамаліилъ въ качествѣ отличія ученія Божественнаго, истиннаго, отъ человѣческаго, условнаго (Дѣян. 5, 35—40).

О разумномъ и неразумномъ мученичествѣ.

Все это понятно само собою, но гораздо нужнѣе предостеречь служителей истины отъ мученичества или исповѣдничества неразумнаго, страстнаго, произвольнаго, что̀ строго осуждала Первенствующая Церковь, отказавъ въ мученическомъ достоинствѣ христіанину, сорвавшему противохристіанскій эдиктъ императора въ Никомидіи. Христосъ Спаситель бѣжалъ въ Египетъ отъ Ирода и нѣсколько разъ спасался отъ рукъ іудеевъ, пока не пришелъ его часъ, пока ученіе Его не выяснилось окончательно и не пустило корни. Св. Игнатій Богоносецъ только въ глубокой старости призналъ себя созрѣвшею пшеницей Божіей, которую теперь пора измолоть зубами звѣрей, чтобы она стала хлѣбомъ Божіимъ. *Вотъ почему всего менѣе* должно торопиться, посредствомъ обличеній жизни, въ ряды исповѣдниковъ и мучениковъ, *не очистивъ* предварительно своего сердца отъ страстей. Слѣдуетъ насаждать въ жизнь положительныя начала любви и истины, что̀ хотя труднѣе, но полезнѣе, чѣмъ обличенія, умѣстныя при болѣе нормальной церковной жизни, чѣмъ теперешняя, когда нѣтъ наличной почвы, стоя на которой можно бы изобличать всѣ отъ нея уклоняющіяся направленія жизни. Утверждай лучше самую почву; если ты достоинъ мученичества, если настолько выше міра, что онъ не можетъ выносить тебя, какъ огонь воду, то будь спокоенъ, что онъ не лишитъ тебя мученическаго вѣнца и помимо обличительной дѣятельности; а потому ожидай, пока ясный голосъ пастырской совѣсти и руководимыя Промысломъ обстоятельства твоей жизни, а не нетерпѣніе и страсти, приведутъ тебя къ дѣлу прямого обличенія. Будь

добрымъ пастыремъ, и мученичество всегда будетъ при тебѣ, и въ жизни твоей, и въ смерти.

Статья VII.

Значеніе молитвы для пастыря Церкви.

Значеніе молитвы для Церкви Божіей; существеннѣйшее содержаніе молитвы общецерковной.

По ученію Отцевъ только тотъ іерей есть истинный пастырь православной Церкви, добрый борецъ и побѣдитель, который духомъ своимъ живетъ въ мірѣ горнемъ, а здѣсь является какъ-бы гостемъ оттуда. Сила или средство, переносящее человѣка изъ одного міра въ другой, есть молитва.

Между тѣмъ молодые люди, готовящіеся къ священству, бываютъ готовы ко всякаго рода подвигамъ самоотверженія, но къ молитвенному подвигу относятся обыкновенно съ отягощеніемъ. Онъ представляется для нихъ чѣмъ-то устарѣлымъ, скучнымъ, почти безполезнымъ. Ихъ влечетъ подвигъ общественный, борьба и жизнь. Быть можетъ этимъ именно свойствомъ ихъ настроенности обусловливается иногда и предпочтеніе свѣтской службы предъ священствомъ съ его религіозными церемоніями, съ безконечными службами, правилами и поклонами.

На самомъ дѣлѣ подобное противопоставленіе общественнаго и молитвеннаго подвиговъ есть плодъ заблужденія: добрый христіанинъ не сталъ бы разобщать перваго отъ второго. Въ св. Писаніи говорится о молитвѣ именно въ такихъ случаяхъ, когда противопоставляются два борющіеся другъ противъ друга міра. Таковы: молитва пророка Иліи въ его борьбѣ съ жрецами Ваала, чудесная побѣда трехъ отроковъ въ Вавилонѣ, одержанная посредствомъ молитвы въ огненной пещи, молитва Анны, пророка Іоны, Есѳири, Іудиѳи, Елеазара, Ездры; содержаніе молитвы Господней сводится именно къ уничтоженію жизни міра и замѣнѣ ея жизнью Божественной, Его именемъ, Его царствомъ, Его волею.

Наше богослуженіе, то есть ектеніи, возгласы и другія богослужебныя молитвословія содержатъ въ себѣ указаніе, съ одной стороны, на богатство жизни божественной, а съ другой — на ничтожество земной. Преклоняясь въ сознаніи собственнаго ничтожества предъ величіемъ Божіимъ, вѣрующіе, изливъ устами священнослужителя свои прошенія Богу, выражаютъ всецѣлую готовность предать себя и другъ друга Христу Богу, ибо у Него, во Святой Троицѣ, слава, держава и жизнь.

Указанное противопоставленіе раскрывается съ особой силой при подаяніи полноты Божественныхъ даровъ, т. е. въ важнѣйшихъ частяхъ дневного и годичнаго священнослуженія. Тогда воспѣвается величіе существа Божія, Его промышленія и домостроительства, и тутъ же сострадательнымъ взоромъ охватывается жизнь нашей бѣдной земли и призывается милость на всѣхъ нуждающихся въ разнообразной помощи Божіей — живыхъ и мертвыхъ. Таковы молитвы евхаристическія, особенно Василія Великаго, а также важнѣйшія молитвы главныхъ праздниковъ — Богоявленія и Пятидесятницы. Итакъ, молитвы и богослуженіе не есть нѣчто отрѣшенное отъ жизни, но самая жизнь, мысленно возносимая предъ лице Вседержителя.

Но скажутъ: все это было достояніемъ первыхъ вѣковъ христіанства, а дальнѣйшее творчество богослужебныхъ молитвъ говоритъ намъ о чисто личномъ подвигѣ молящихся. Въ такомъ возраженіи справедлива только та мысль, что литургическое творчество имѣетъ свою исторію. Извѣстно, что въ первые вѣка христіанства молящаяся церковь стремилась всѣ стороны жизни личной и общественной проникнуть духомъ благодати; таково содержаніе молитвъ, вошедшихъ въ служебникъ и требникъ. Затѣмъ, послѣ V вѣка, преимущественнымъ содержаніемъ молитвъ сдѣлалось толкованіе словъ св. Библіи и догматизмъ (догматы въ христіанской поэзіи Іоанна Дамаскина); это—вторая, низшая ступень богослужебнаго творчества, хотя все еще исполненная высокихъ созерцаній и духовнаго восторга. Наконецъ, въ дальнѣйшій, византійскій періодъ церковной исторіи, въ религіозномъ сознаніи начинаетъ преобладать болѣе мрачный,

исполненный рабскаго страха характеръ, и содержаніемъ молитвъ становится исповѣданіе ужаса загробныхъ мученій и моленія къ Богу, и особенно къ Богородицѣ, объ избавленіи отъ нихъ. Несправедливо, однако, было бы думать, что подобная характеристика исчерпываетъ собою молитвенный подвигъ эпохи. Нѣтъ, Церковь не оскудѣваетъ въ своемъ духовномъ богатствѣ, и въ этомъ мы убѣждаемся, если посмотримъ, насколько древнѣйшія молитвословія продолжаютъ одушевлять умы и сердца молящихся. Дерзновенная пѣснь воскресенія, евхаристическій памятникъ Василія Великаго, гимнъ: „Свѣте Тихій"... и во времена Византіи и теперь продолжаютъ приводить въ трепетъ христіанское сердце точно такъ же, какъ и въ вѣка вселенскихъ соборовъ. Содержаніе нашего богослуженія только обогащалось въ разныя эпохи, но, слава Богу, ничего не утратило изъ своихъ сокровищъ.

Значеніе молитвы для внутренней жизни.

Мы сказали, что молитва переноситъ пастыря Церкви въ другой, неземной міръ, и, постоянно напоминая ему о загробной жизни, постепенно дѣлаетъ благоговѣйнаго священника жителемъ нездѣшняго міра. Подобное воспареніе въ міръ небесный, совершаемое при помощи богослуженія, а равно и келейной молитвы, имѣетъ значеніе не только для личной, внутренней жизни пастыря, но и для его стойкости въ своемъ *общественномъ служеніи*, какъ насъ убѣдило въ этомъ слово Божіе и разсмотрѣніе самаго содержанія нашего богослуженія. Изученіе жизни добраго пастыря со всею силою подтверждаетъ для насъ подобный выводъ. Оно покажетъ намъ, что молитва есть прежде всего единственное *подкрѣпленіе* пастыря въ самомъ опасномъ для него состояніи того духовнаго *одиночества*, которое ему нерѣдко придется испытывать среди своей маловѣрной и малодушной паствы. Это одиночество тѣмъ мучительнѣе для пастыря, чѣмъ болѣе онъ соотвѣтствуетъ своему предназначенію — носить въ своей душѣ всю паству. Тяжесть этого настроенія высказывали еще ветхозавѣтные пастыри. Такъ, любвеобильнѣйшій Моисей, видя народное ожесточеніе, жаловался Богу, говоря: *„я одинъ не могу нести всего народа сего; потому что*

онъ тяжелъ для меня. Когда Ты такъ поступаешь со мною, то лучше умертви меня, если я нашелъ милость предъ очами Твоими, чтобы мнѣ не видѣть бѣдствія моего“ (Числ. 11, 14—15); таковъ же смыслъ словъ пророка Иліи (3 Цар. 19, 10) и Іереміи (15, 17—20); жалуется на одиночество свое и ап. Павелъ (2 Тим. 4, 16—17); указываетъ на тяжесть его и на средство облегченія послѣдней и Христосъ Спаситель, говорившій ученикамъ въ часъ преданія *„вотъ наступаетъ часъ и насталъ уже, что вы разсѣетесь каждый въ свою сторону и Меня оставите одного, но Я не одинъ, ибо Отецъ со Мною* (Іоан. 16, 32). Для человѣка сухого и замкнутаго отчужденность отъ жизни общества, пожалуй, не будетъ тяжелымъ бременемъ, но для призваннаго пастыря, любящаго народъ свой, эта отчужденность грозила бы отчаяніемъ, если бы онъ не имѣлъ противъ такого недуга духовнаго врачевства или противоядія, каковымъ и является молитва, переносящая пастыря въ торжествующую Церковь, которая восполняетъ его душу, созерцающую колеблющихся сыновъ Церкви воинствующей. Христіанинъ, пребывающій въ молитвѣ, приближается къ состоянію такого же прозрѣнія, какъ прор. Елисей, который при нападеніи сиріянъ на Доѳаимъ говоритъ слугѣ своему: *„не бойся, потому что тѣхъ, которые съ нами, больше, нежели тѣхъ, которые съ ними. И молился Елисей, и говорилъ: Господи, открой ему глаза, чтобъ онъ увидѣлъ. И открылъ Господь глаза слугѣ, и онъ увидѣлъ, и вотъ, вся гора наполнена конями и колесницами огненными кругомъ Елисея*“ (4 Цар. 6, 16—17). Такъ и всякій истинный пастырь христіанъ и даже отшельникъ, возносящійся въ молитвѣ душею въ міръ небесный, постоянно сознаетъ себя окруженнымъ обществомъ святыхъ и бываетъ менѣе одинокъ въ своемъ уединеніи, чѣмъ городской житель, ходящій по стогнамъ столицы среди знаемыхъ. Самая возможность отшельничества именно и объясняется полнотою общенія съ міромъ святымъ и блаженнымъ. Это-то общеніе дѣятелей Церкви и убѣждаетъ ихъ въ истинѣ словъ Христовыхъ: *„блаженни будете, егда возненавидятъ васъ человѣцы и разлучатъ*

въ". Такъ, изъ словъ св. Григорія Богослова видно, что и въ окончательномъ изгнаніи пастырь Церкви, возносясь въ міръ божественный, духовный, — чрезъ непрестанное пребываніе въ молитвѣ, можетъ имѣть полноту жизни и утѣшенія при одиночествѣ. Вотъ эти слова: „Поставьте надъ собою другого, который будетъ угоденъ народу, а мнѣ отдайте пустыню, сельскую жизнь—и Бога. Ему одному угожу даже простотою жизни... Нѣтъ, нѣтъ, не буду говорить пріятнаго слуху, предсѣдательствуя въ священныхъ мѣстахъ или одинъ, или въ совокупномъ собраніи многихъ; не отрину глаголовъ Духа изъ заботливости снискать любовь у народа, не стану тѣшиться рукоплесканіями, ликовать на зрѣлищахъ... Владѣй всѣмъ этимъ, кому угодно, и кто хитръ. А я безтрепетно буду исполняться Христомъ... Вотъ, я—дышащій мертвецъ, вотъ, я—побѣжденный и вмѣстѣ (не чудо ли?) увѣнчанный, взамѣнъ престола и пустой внѣшности стяжавшій себѣ Бога и божественныхъ друзей!.. Стану съ ангелами. Какова ни будетъ моя жизнь, никто не причинитъ ей вреда, но никто не принесетъ и пользы. Сосредоточусь въ Богѣ".

Но постоянное молитвенное настроеніе не будетъ ли служить препятствіемъ къ исполненію общественныхъ обязанностей священника? Какъ дѣятель общественный, не виноватъ ли будетъ пастырь, если, вмѣсто общенія со своими прихожанами, онъ все время будетъ посвящать на молитву и богомысліе? Напротивъ, именно непрестанное богомысліе является необходимымъ и наиболѣе цѣннымъ залогомъ плодотворной дѣятельности пастыря, такъ какъ только оно можетъ поддерживать и возгрѣвать въ сердцѣ священника постоянную благоснисходительную и исполненную упованія любовь къ людямъ, къ роду невѣрному и жестоковыйному, на что признаютъ себя совершенно неспособными народники или демагоги мірского настроенія, такъ какъ всякому общественному дѣятелю вообще, а священнику, пожалуй, преимущественно, приходится постоянно встрѣчать неблагодарность, холодность, а то и пренебреженіе и недружелюбіе со стороны общества. Поэтому для того, чтобы самому избѣжать взаимнаго ожесточенія на людей, ему необходимо обладать въ сердцѣ такимъ источникомъ внутренняго богатства, при помощи кото-

раго онъ могъ бы примиреннымъ окомъ взирать на родъ людской съ каменными сердцами. Такимъ источникомъ для него и служитъ молитва, вводящая его въ общеніе съ міромъ горнимъ: чѣмъ самъ пастырь совершеннѣе въ молитвѣ и духовной жизни, тѣмъ снисходительнѣе и терпѣливѣе бываетъ онъ къ духовнымъ недугамъ паствы. Такъ, напр. „старцы“ тѣмъ больше оказывали вниманія и участія къ приходившимъ къ нимъ, чѣмъ величайшими грѣшниками были послѣдніе. О Серафимѣ Саровскомъ извѣстно, что никто отъ него не встрѣчалъ такого сочувствія, какъ злодѣи и преступники.

Значеніе молитвы для пастыря въ его отношеніяхъ къ паствѣ.

Обладаніе даромъ молитвы кромѣ дара любви, имѣетъ еще другія важныя послѣдствія для пастырской дѣятельности. Не говоря уже о томъ, что пастырь молитвенникъ обладаетъ способностью научить и другихъ молиться, — молитвенное настроеніе пастыря есть важнѣйшее условіе для возвышенія его авторитета среди паствы. Если вникнуть въ отношеніе пасомыхъ къ пастырю, то мы увидимъ, что главное требованіе со стороны первыхъ къ послѣднему — требованіе дара молитвеннаго. Народъ и оцѣниваетъ пастыря съ этой именно точки зрѣнія. Когда въ народѣ говорятъ о священникѣ, то первый отзывъ касается того: хорошо или худо служитъ онъ. Подъ хорошимъ служеніемъ разумѣется здѣсь не музыкальность голоса, не громкость и чистота рѣчи, а то, что въ возгласахъ и ектеніяхъ священника слышится духъ искренней молитвы. Подобныхъ священниковъ любитъ и уважаетъ народъ, ихъ-то по преимуществу считаетъ своими наставниками и руководителями, къ нимъ спѣшитъ за совѣтомъ въ затруднительныхъ случаяхъ своей жизни. И все это довѣріе и любовь единственно за подвигъ молитвенный. Нашъ русскій народъ особенно высоко цѣнитъ пастырей-молитвенниковъ. Онъ готовъ все простить, даже закрыть глаза на всѣ недостатки и пороки пастыря, будь только одно въ немъ качество — молитвенность. При отсутствіи же этого качества и мягкость, элегантность въ обращеніи ставится ни во что: на всѣ увѣщанія священника будутъ смотрѣть, какъ на бездушное разглагольствованіе.

Достоинство русскихъ пастырей въ отношеніи дара молитвы.

Спросимъ теперь, имѣютъ ли отечественные пастыри это высокое качество молитвеннаго духа? Къ счастію, о нашемъ духовенствѣ съ точки зрѣнія приведенной оцѣнки нельзя сказать худо. Свой долгъ, долгъ молитвенника, русское духовенство не оставляетъ въ пренебреженіи и имѣетъ въ своей средѣ многихъ достойныхъ представителей: среди нашихъ пастырей много людей весьма грѣшныхъ, но нѣтъ невѣрующихъ и мало презрителей молитвы. Л. Толстой является преступнымъ клеветникомъ, объявляя духовенство наше лицемѣрами, поддерживающими суевѣріе ради государственныхъ цѣлей: русское духовенство вѣруетъ и съ вѣрою молится Богу. Но такъ какъ совершенства на землѣ нѣтъ, то нельзя не указать на нѣкоторыя, довольно распространенныя среди насъ, уклоненія отъ правильнаго прохожденія этого подвига.

Уклоненія: отчужденность, превознесеніе и мѣстничество.

Первый недостатокъ—это *особность* (индивидуализмъ) въ вѣрѣ и молитвѣ, когда молящійся только о себѣ мыслитъ въ дѣлѣ спасенія, а не о всѣхъ, боится Бога, но къ ближнимъ бываетъ суровъ и чуждъ духа братолюбія въ своей духовной жизни. Если такой священнослужитель молится о своемъ собственномъ спасеніи или о родственникахъ, молитва его бываетъ тепла и одушевленна; за то его благословенія народу, его молитвенныя благожеланія и молитва объ обновленіи міровой жизни, о призваніи благодати на людей—бываютъ какъ бы чужды для его сердца: онъ произноситъ ихъ вяло, бездушно. Часто такіе священники не считаютъ нужнымъ внимать возвышеннымъ прошеніямъ ектеній и предпочитаютъ, стоя у жертвенника, совершать поминовеніе своихъ присныхъ, въ чемъ они полагаютъ главное значеніе литургіи, составивъ на нее столь чуждое православію внѣшнее воззрѣніе, почти какъ на индульгенцію.

Другое, весьма предосудительное явленіе — это взглядъ на богослуженіе, какъ на *средство величаться* предъ народомъ и другъ предъ другомъ. Поэтому нѣкоторые пастыри стараются въ ущербъ духовной красотѣ молитвы избѣгать соборной службы, гдѣ всѣмъ, кромѣ старшихъ, приходится менѣе фигурировать предъ другими. Это взглядъ въ высшей

степени грѣховный, лишающій служащаго благодатныхъ благословеній. Чтобы произвести впечатлѣніе на народъ, священникъ допускаетъ не положенныя ни уставомъ, ни обычаемъ, колѣнопреклоненія и воздѣванія рукъ, придаетъ искусственную чувствительность своему голосу и т. под. Правда, нехорошо поступаютъ и тѣ священнослужители, преимущественно монашествующіе, которые, въ избѣжаніе прелести, подавляютъ въ себѣ чувство умиленія и стараются только о томъ, чтобы внятно вычитать положенныя молитвы. Но если предосудительна одна крайность, то неизвинительна и другая.

Всего же предосудительнѣе нерѣдко замѣчаемое у насъ *мѣстничество* во время соборнаго служенія, обнаруживающее печальное духовное ослѣпленіе священнослужителей, которые иногда до того увлекаются этимъ грѣхомъ, что задолго до какого-либо праздника волнуются и ухищряются достать себѣ высшее мѣсто въ служеніи и, въ случаѣ неудачи, становятся на много лѣтъ врагами своимъ соперникамъ. Сюда же относится и общая нелюбовь нѣкоторыхъ священниковъ къ соборнымъ и архіерейскимъ служеніямъ, которая въ большихъ городахъ у заслуженнаго духовенства становится иногда настолько всеобщею, что совершенно разрушаетъ глубоко церковный и справедливо любимый народомъ обычай украшать престольные праздники приходовъ торжественнымъ служеніемъ іерарха или старшаго въ городѣ іерея съ братіей. Такъ мѣстничество и самолюбіе разобщаетъ пастырей даже въ святѣйшемъ дѣлѣ молитвы и удаляетъ отъ нихъ Христа, обѣтовавшаго быть посреди сходящихся во имя Его. Чтобы возненавидѣть эту глупую страсть, должно вспоминать то назидательное совпаденіе событій, какъ ученики Христовы, споривше между собою о старшинствѣ, о наибольшей близости къ Учителю, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ этого, не вразумившись „вечерею умовеній“, всѣ разбѣжались отъ Него, а первый между ними отрекся отъ Него съ клятвой.

Практическіе совѣты о стяжаніи дара молитвеннаго—смиренный взглядъ на себя.

Что долженъ дѣлать молодой пастырь, чтобы не остаться безъ дара истинно-христіанской молитвы? Прежде всего, въ виду приведенной довольно высокой оцѣнки нашего духовенства со стороны этого качества духовной жизни, начинаю-

щему пастырю не слѣдуетъ смотрѣть на старшихъ собратьевъ и на народъ сверху внизъ, какъ это свойственно самоувѣренной юности, и не считать себя среди народа религіознымъ реформаторомъ; скорѣе ему слѣдуетъ укрѣпиться въ мысли, что въ области молитвы онъ — невѣжда, и что ему, для успѣшнаго прохожденія пастырскаго служенія, нужно почитать себя хуже и малоопытнѣе всѣхъ, — не жизнь возвышать до себя, но себя до уровня религіозной жизни собратьевъ и лучшихъ прихожанъ. На это указываемъ въ виду того, что въ настоящее время у кандидатовъ священства наблюдается полная неосвоенность съ законами духовной жизни, съ ученіемъ о молитвѣ и предписанной христіанину внутренней борьбѣ. Курсы пастырскаго богословія вовсе не разсматриваютъ этихъ предметовъ, а въ богословіи нравственномъ они задѣваются лишь мимоходомъ, такъ что не оставляютъ никакого впечатлѣнія на слушателяхъ. Естественно, поэтому, что отъ студентовъ семинарій и академій можно слышать самыя несообразныя сужденія о молитвѣ, въ родѣ, напр., такихъ словъ: „зачѣмъ молиться, когда нѣтъ соотвѣтствующаго внутренняго настроенія“?

Очевидно, люди не знаютъ даже того, что охраненіе и возгрѣваніе молитвенной настроенности есть плодъ борьбы: безъ борьбы съ собою христіанинъ никогда не стяжаетъ дара молитвы, а если имѣлъ раньше, то утратитъ. Полное непониманіе молитвеннаго подвига молодымъ пастыремъ описано въ повѣсти Потапенко: „На дѣйствительной службѣ“, гдѣ новопоставленный пастырь-идеалистъ, стоя предъ престоломъ, „проникается уваженіемъ къ себѣ, къ своему общественному подвигу“—и съ недоумѣніемъ перечитываетъ совершенно чуждыя его сердцу слова молитвы: „никтоже достоинъ отъ связавшихся плотскими похотьми или страстьми приближатися и пр.“; эта столь глубокая исповѣдь христіанскаго сердца ученому академику казалась непонятной, застарѣлой формулой. Въ подобное заблужденіе герой повѣсти впалъ вслѣдствіе того, что, приготовляя себя къ служенію народу, никогда не понуждалъ себя къ главнѣйшему условію сего служенія—къ стяжанію дара молитвы.

Самопринужденіе.

Самопринужденіе — вотъ второе средство къ усвоенію этого дара. На это могутъ возразить, что, хотя молодые священники и не подготовлены къ молитвѣ, но все-таки къ старости по большей части навыкаютъ къ ней сами собой, безъ замѣтныхъ усилій. Дѣйствительно, кому неизвѣстны примѣры, когда равнодушные въ молодые года іереи потомъ пріобрѣли даръ молитвы путемъ невольной бытовой привычки, научившись у своихъ пасомыхъ. Такое взаимообученіе между пастыремъ и пасомыми въ Русской Церкви указано было еще покойнымъ Моск. Митр. Иннокентіемъ, говорившимъ, что, уча паству, онъ въ свою очередь у нея учился. Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ свойствѣ русской церковной жизни. Взаимообученіе пастыря и пасомыхъ само по себѣ явленіе не предосудительное, а даже отрадное, когда причиной его бываетъ сознательное убѣжденіе, а не имущественная зависимость священника отъ прихода, понуждающаго перваго примѣняться къ нуждамъ и вкусамъ послѣдняго. Между тѣмъ въ обученіи молитвѣ именно такая зависимость и является обыкновенно несознательнымъ первоначальнымъ побужденіемъ къ стяжанію этого св. дара; молодой священникъ въ Великороссіи поневолѣ старается быть богомольнымъ, потому что иначе онъ останется въ скудости, — затѣмъ постепенно входитъ въ духъ молитвы и нерѣдко достигаетъ высокихъ дарованій въ прохожденіи этого подвига. Но можно ли удовлетворяться такимъ положеніемъ вещей и не прилагать подготовительнаго труда къ тому, чтобы быть достойнымъ пастыремъ богомольнаго прихода не въ концѣ дней своихъ, а въ началѣ? Притомъ, у многихъ ли столь воспріимчивая, мягкая душа, чтобы непроизвольно усваивать религіозную стихію народной жизни? Нужно помнить при этомъ, что подобное усвоеніе чаще встрѣчается въ Великороссіи, гдѣ священникъ зависитъ отъ прихода, а въ Малороссіи и особенно въ Западной Россіи, гдѣ обезпеченное духовенство можетъ безнаказанно для своего благосостоянія держаться вдали отъ народа, пастыри часто не научаются молиться, небрегутъ о богослуженіи. Отсюда — всякаго рода отступничества, штунда и другія секты. Итакъ, нужда въ самомъ дѣятельномъ усвоеніи дара молитвы остается

во всей силѣ, и кто не хочетъ сознать чисто нравственнаго долга научиться молиться, тотъ, по крайней мѣрѣ, долженъ согласиться съ мыслію объ общественной нуждѣ имѣть такой даръ и понять, что рано или поздно сама жизнь и особенно разныя несчастія понудятъ его пожалѣть о своей лѣности и приняться поздно за то, съ чего слѣдовало бы начинать. Отсюда-то и возникаетъ въ наукѣ пастырскаго богословія особая рѣчь о молитвѣ.

Противостояніе господствующей страсти.

Какія же средства для зарожденія дара молитвы? Жалуются обыкновенно на сухость и разсѣянность, какъ на главное препятствіе къ молитвѣ. Поэтому вѣрнѣе всего необходима борьба съ тѣми причинами, отъ которыхъ происходятъ эти нежелательныя свойства. Причины эти двоякаго рода. Во-первыхъ, многозаботливое настроеніе, особенно когда оно соединяется съ согласіемъ ума, признающаго тѣ или другія заботы главнѣйшими въ жизни, и взирающаго на молитву, на сосредоточенность въ Богѣ, какъ на дѣло второстепенное сравнительно съ усовершенствованіемъ себя въ наукахъ и искусствахъ или — достиженіемъ цѣлей земного благоустройства. Если въ чьей душѣ есть какой суетливый помыслъ, поглощающій его вниманіе и энергію, то къ молитвѣ такой человѣкъ бываетъ неспособенъ. Второе препятствіе къ молитвенному настроенію—непобѣжденная чувственная или иная преступная страсть. Когда дурное, похотливое желаніе безпрепятственно владѣетъ человѣкомъ, онъ неспособенъ молиться. Духъ Божій отошелъ отъ Саула, когда у послѣдняго сложилось преступное завистливое отношеніе къ Давиду. Для борьбы съ указанными препятствіями къ молитвѣ должно прежде установиться въ томъ убѣжденіи, что возношеніе духа къ Богу, молитва, есть *главное въ жизни*, а все прочее—второстепенное. Доколѣ человѣкъ не придетъ къ сознательному убѣжденію, что храненіе сердца, сосредоточенность въ Богѣ—главное въ жизни, до тѣхъ поръ онъ никогда не будетъ усовершаться въ молитвѣ. Вышеприведенныя и дальнѣйшія указанія могутъ служить для пастыря церкви основаніями для желательнаго отношенія къ молитвенному подвигу. Но и убѣдившихъ всѣмъ сердцемъ въ жизненномъ значеніи

этого подвига, должно помнить, что, пока христіанинъ, обуреваемый чувственною или иною страстью, не возненавидитъ ея и не вступитъ съ нею въ борьбу, дара молитвы онъ не стяжаетъ.

Также точно и противъ разсѣянности, даже чуждой грубыхъ страстей, послѣдователь молитвеннаго подвига долженъ предпринять нарочитую борьбу, отвлекая свою мысль отъ всякихъ внѣшнихъ впечатлѣній и полагая узду на свое воображеніе, и проходить подвигъ молитвенный отъ низшихъ ступеней его до высшихъ.

Учители благочестія различаютъ три вида молитвы: молитву воли, молитву ума и молитву сердца, чувства.

Исполнительность. На первыхъ шагахъ нравственнаго совершенствованія подвижникъ обладаетъ только желаніемъ молиться, что и составляетъ *волевую молитву*. На этой ступени новоначальный, не имѣя въ своемъ сердцѣ молитвеннаго настроенія, ни даже въ умѣ богатства духовныхъ помысловъ и религіозныхъ представленій, старается упражняться въ внѣшне-исправномъ исполненіи молитвеннаго правила. Въ этомъ случаѣ онъ долженъ начинать съ исполненія лежащаго на каждомъ христіанинѣ вообще долга прочитывать положенныя молитвы утромъ, вечеромъ, и неуклонно выстаивать церковное богослуженіе, не взирая на скуку и усталость; здѣсь-то и является потреба въ самопринужденіи, о коемъ мы говорили. На священника церковный уставъ налагаетъ обязанность вычитывать наканунѣ каждой совершаемой имъ литургіи еще особые каноны и акаѳистъ, а утромъ—правило къ причащенію. Вотъ этихъ обязанностей пастырь отнюдь не долженъ уменьшать, а скорѣе ему слѣдуетъ ихъ расширять прибавленіемъ каноновъ, акаѳистовъ и молитвъ не обязательныхъ, но предложенныхъ въ правильникѣ на произволящихъ.

Пусть священникъ не извиняетъ себя недосугомъ — молитва его важнѣйшее дѣло,—ни внутреннимъ холодомъ или разсѣянностью: исправность въ исполненіи правила есть лучшее и неизбѣжное средство противъ нихъ; пусть не слушаетъ и помысла лѣности и самосожалѣнія. Чѣмъ болѣе пастырь будетъ себѣ поблажать, сокращая положенныя пра-

вила, тѣмъ болѣе будетъ тяготиться ихъ выполненіемъ. Извѣстно, что чѣмъ поспѣшнѣе совершается священниками богослуженіе, тѣмъ болѣе оно тяготитъ ихъ и заставляетъ ихъ считать себя мучениками. Чтобы избавиться пастырямъ отъ этой тягости, имъ должно разъ навсегда установить взглядъ на приходскую практику, не какъ на предметы, которые можно, видоизмѣняя, примѣнять къ своему настроенію, а наоборотъ—какъ на норму, которой слѣдуетъ подчинять свое настроеніе, не уступая ни лѣности, ни неразумѣнію, ни горделивымъ мыслямъ о своемъ кажущемся превосходствѣ. Въ этомъ заключается первая ступень молитвеннаго подвига—молитвы волевой. Но противъ него возможны возраженія.

Возраженіе противъ неполнительности.

Говорятъ: богослуженіе наше, если его пѣть по уставу, очень продолжительно, и молитвы его далеко не приложимы къ современному настроенію мірянъ. Въ этомъ возраженіи есть доля правды. Прежде всего, самое преданіе Церкви сократило Уставъ до размѣровъ принятой приходской службы. Но есть обычай болѣе продолжительнаго и болѣе сокращеннаго служенія. Отъ мудрости и опытности пастыря зависитъ сохранить въ своей службѣ все, что хранится въ практикѣ лучшихъ приходовъ и обителей, по крайней мѣрѣ не сокращать стихиръ, ирмосовъ и по возможности Псалтири. Руководствомъ ему можетъ служить указъ Св. Синода о богослуженіи въ церквахъ духовно-учебныхъ заведеній, изданный въ 1887 году.

Но какъ мыслить о болѣе смѣлыхъ примѣненіяхъ къ духовнымъ нуждамъ молящихся, которыя допускаются особенно часто въ столицахъ? Допускать ихъ съ спокойной совѣстью и чувствовать себя до извѣстной степени въ положеніи хозяина можетъ только тотъ священникъ, который имѣетъ основаніе считать себя въ этой области истиннымъ выразителемъ общецерковнаго сознанія, котораго отношеніе къ службѣ не будетъ уступкой тлетворному духу вѣка сего, выраженіемъ личнаго недовольства преданіемъ, вытекающаго изъ лѣности или разсѣянія. Но такимъ выразителемъ общецерковнаго мнѣнія можетъ быть только тотъ, кто измлада навыкъ послушанію Церкви, кто засвидѣтельствованъ отъ на-

рода, какъ истинный пастырь церкви, кто прежде—самого себя подчинилъ вполнѣ игу Церковнаго закона. Напр., о Іоаннъ Кронштадтскій многое измѣняетъ въ богослуженіи противъ церковнаго устава, и этимъ однако не соблазняются, потому что видятъ здѣсь не произволъ, а выраженіе дѣйствительныхъ духовныхъ нуждъ сходящагося со всей Руси народнаго множества. Но пока ни личная совѣсть, ни свидѣтельство народа не даютъ пастырю такого дерзновенія считать себя выразителемъ нужды общецерковной, онъ не долженъ вносить личное начало въ сокращеніе службъ, а, присматриваясь къ своей приходской или другихъ приходовъ богослужебной практикѣ, долженъ придерживаться, наиболѣе разумнаго, отнюдь не умаляя всей продолжительности богослуженія, а лишь замѣняя торопливость пропусками, свѣтскія протяжныя молитвы болѣе церковными, краткими, но за то увеличивая число стихиръ и т. п.

Другое возраженіе противъ строя нашего богослуженія желаетъ основываться уже не на условіяхъ современной жизни, а—подъ вліяніемъ протестантовъ—на ложномъ пониманіи слова Божія. Говорятъ, что продолжительное богослуженіе есть лицемѣрное многословіе, и что Самъ Господь заповѣдалъ не многословить въ молитвѣ. На самомъ дѣлѣ, въ словахъ Христовыхъ мысль та, что многословная молитва не заслуга. Это справедливо, и тѣ, кто смотритъ на молитву, какъ на заслугу, какъ на opus operatum, заблуждаются; но продолжительная молитва нужна не для Бога, а для насъ самихъ—разсѣянныхъ и косныхъ,—она согрѣваетъ сердце человѣка и вліяетъ на постепенное возникновеніе въ немъ религіозной настроенности. Не вдругъ въ человѣкѣ, занятомъ житейскими дѣлами, возжигается религіозное чувство, но для этого требуется продолжительная сосредоточенность на молитвенныхъ помыслахъ и нѣкоторыя другія средства. Кто постоянно готовъ на молитвенныя прочувствованныя воздыханія и пролитіе умиленныхъ слезъ, тому нѣтъ нужды подолгу молиться для согрѣванія сердца, а развѣ—для бо́льшаго и бо́льшаго духовнаго совершенства. Правильное пониманіе нами словъ Христовыхъ подтверждается другими Его словами: „бѣсы изгоняются *молитвою и постомъ*“. Неправедный

судія и скупой другъ уступили лишь продолжительнымъ моленіямъ, а Отецъ Небесный услышитъ *вопіющихъ къ Нему день и ночь. — Бдите и молитеся, да не внидите въ напасть.* — Самъ Господь *бѣ обнощь молялся.* Апостолъ Павелъ, особенно уважаемый протестантами, также заповѣдалъ *„непрестанно молиться“* и говорилъ о себѣ: *„ночь и день всеусердно молясь“* (1 Сол. 3, 10). Корнилій угодилъ Богу тѣмъ, что подавалъ милостыню и *„постоянно молился“*. Св. апостолы, поручивъ діаконамъ внѣшнія дѣла церковнаго общества, такъ опредѣлили свое назначеніе: *„мы же въ молитвѣ и служеніи слова пребудемъ“*.

Уклоненія отъ исполнительности.

Насколько легкое отношеніе къ молитвѣ вообще и въ частности потворство омірщеннымъ вкусамъ современныхъ христіанъ нехорошо отражается на богослуженіи—въ этомъ легко убѣдиться. Войдите на престольный праздникъ въ городской храмъ, и тамъ, вмѣсто глубокосодержательнаго строя православной всенощной, воспѣвающей словами Библіи всю исторію нашего искупленія, услышите лишь нѣсколько безобразныхъ концертовъ, да повтореніе діаконскихъ громогласныхъ ектеній, разсчитанное на заниманіе публики личностью священнослужителя. Всѣ эти ненормальности стараются оправдать извращеннымъ вкусомъ городского народа, равно какъ и введенные въ ущербъ стихирамъ и псалмамъ многочисленные безграмотные акаѳисты, свидѣтельствующіе о явномъ упадкѣ богослужебнаго творчества и вкуса. Извѣстно, что только два акаѳиста—Христу и Богородицѣ, переведенные съ греческаго языка, отличаются высокимъ достоинствомъ; терпимы еще переводные акаѳисты Успенію и св. Николаю, да передѣланные изъ уніатскихъ архіепископомъ Иннокентіемъ. Акаѳисты же святымъ и иконамъ Богоматери представляютъ собой повтореніе безсодержательныхъ ублаженій, часто касаются нуждъ мірского житейскаго характера и въ довершеніе всего являются почти дословнымъ и часто неосмысленнымъ повтореніемъ одинъ другого. Правда, они по плечу современнымъ христіанамъ, но мало служатъ ихъ духовной пользѣ, а болѣе соотвѣтствуютъ религіозному утилитаризму. Совсѣмъ выводить ихъ изъ употребленія священникъ не долженъ, если это послу-

житъ къ большому огорченію молящихся, но ему слѣдуетъ постепенно совершенствовать вкусъ послѣднихъ уставнымъ исполненіемъ богослужебнаго чина и обиходными напѣвами: тогда они сами предпочтутъ лучшее. Во всякомъ случаѣ священникъ не долженъ ставить угожденіе вкусамъ, не только личнымъ, но и общеприходскому, конечнымъ правиломъ своихъ распоряженій по церковной службѣ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда эти вкусы идутъ въ разрѣзъ съ церковнымъ преданіемъ, но послѣднее, то есть уставъ, считать богослужебной нормой и по возможности ее поддерживать.

Таковы главныя свойства молитвы волевой — частной и общественной. *Терпѣніе, самопринужденіе, церковность* — вотъ ея свойства.

Вниманіе ума. Вторая ступень молитвы — молитва ума, когда христіанинъ достигаетъ способности сосредоточивать свой умъ, свое вниманіе на предметахъ молитвы. Внѣшнимъ средствомъ къ тому, по мнѣнію опытныхъ въ молитвѣ и благочестивыхъ старцевъ, служитъ неторопливое чтеніе молитвъ, съ вдумываніемъ въ каждую ихъ мысль, чему пособіемъ служитъ раздѣленіе черточками каждаго предложенія въ молитвенникѣ. Внутреннія средства къ стяжанію сего подвига, изложенныя Отцами, собраны въ Добротолюбіи преосв. Ѳеофана; эту книгу должно имѣть въ каждой церкви и по возможности въ каждомъ іерейскомъ жилищѣ.

Высшая степень молитвеннаго дара и средства къ стяжанію. Высшая степень молитвы — это молитва чувства, когда молящійся живо чувствуетъ или вполнѣ переживаетъ самъ все заключающееся въ содержаніи молитвы, — когда, при славословіи Бога, сердце его горитъ радостью; при воспоминаніи евангельскихъ событій, умиленіемъ о Христѣ, скорбью о грѣховномъ ожесточеніи людей, — а особенно, когда при чтеніи молитвъ, содержащихъ прошенія или исповѣдь грѣховъ, сердце его всей полнотою выливается въ произносимыхъ словахъ, являющихся въ это время какъ-бы его собственнымъ твореніемъ. Какъ же совершается переходъ къ этой третьей ступени молитвы? Нужно прежде всего остерегаться подражать западнымъ учителямъ, допускающимъ непосредственное напряженіе самаго чувства, о чемъ такъ много толковали та-

мошніе духовные писатели-сантименталисты. Православные богословы-аскеты очень неодобрительно относятся ко взглядамъ послѣднихъ. Они справедливо утверждаютъ, что человѣку дана непосредственная власть и надъ дѣйствіями воли, и надъ вниманіемъ ума, но не надъ чувствованіями сердца, каковую онъ получаетъ развѣ на высшихъ ступеняхъ духовной жизни, а если кто вообразитъ, будто имѣетъ ее въ обычномъ естественномъ состояніи, то заблуждается, принимая физическія ощущенія за духовныя чувствованія. Дѣйствительно, если человѣку недоступно сразу по одному желанію проникнуться умиленіемъ или страхомъ, то нервныя натуры могутъ безъ труда создать себѣ тѣ тѣлесныя ощущенія, которыми обыкновенно сопровождаются означенныя чувства, и вообразить, будто они достигли желаемыхъ настроеній. Самообманъ такого рода неминуемо ведетъ *къ прелести*, или духовному самообольщенію, укорененіе котораго подчиняетъ подвижника духу бѣшенаго самомнѣнія и власти врага.

Различіе прелести отъ благодатнаго дара. Состояніе прелести, являющееся плодомъ и иного рода уклоненій отъ правильнаго прохожденія подвига молитвы и вообще духовной жизни, познается по слѣдующимъ своимъ проявленіямъ.

1) Подвижникъ, находящійся въ прелести, послѣ усердной молитвы, или восторженнаго чтенія слова Божія, или проповѣди, или добраго дѣла, вмѣсто ожидаемаго покоя и внутренняго мира, чувствуетъ непонятное безпокойство и неясныя ему сомнѣніе, или раздраженіе, или осужденіе другихъ, вообще— внутреннее разстройство, не сопровождающееся, однако, духомъ самоукоренія и покаянія.

2) Не должно полагаться и на такіе молитвенные и иного рода подвиги, личные и общественные (напр., богослужебные), которые, удовлетворяя вкусу подвижниковъ, причиняютъ только одно огорченіе его ближнимъ и возбуждаютъ въ нихъ, а затѣмъ и въ немъ самомъ, злобу и ссоры. Таково, напр., слѣпое слѣдованіе Уставу въ совершенно неподготовленномъ приходѣ, рѣзкія обличенія въ проповѣди на первыхъ же шагахъ пастырства, неумѣренный постъ, производящій раздражительность, семейныя ссоры и т. под..

3) Не спасительна молитва, если подвижникъ услаждается не содержаніемъ ея, а только продолжительностью, видя въ ней доказательство силы своей воли и взирая на молитву, какъ на заслугу предъ Богомъ, вопреки словамъ Христовымъ.

4) Не спасительна она и въ томъ случаѣ, когда молящіеся, а особенно пастырь, отдѣляя себя отъ общества, вопреки словамъ апостола (Евр. 10, 25), и считая себя выше церковной нормы, горделиво измышляютъ собственныя правила для келейной и даже церковной молитвы. Извѣстно, что лукавый врагъ, когда обольщаетъ ревностныхъ послушниковъ, то, именно, чрезъ внушеніе имъ большихъ, но самочинныхъ молитвенныхъ правилъ, вмѣсто положенныхъ старцемъ. Бываетъ, что къ такимъ подвигамъ является особенное безпримѣрное усердіе, но оно поддерживается не чистою совѣстью, а тонкимъ помысломъ гордыни.

Если избѣгать описанныхъ искушеній, то, при усердномъ и внимательномъ прохожденіи молитвеннаго подвига въ храмѣ и домѣ своемъ, пастырь вскорѣ будетъ награжденъ отъ Бога этимъ даромъ третьяго, высшаго рода молитвы. Правда, Господь иногда будетъ испытывать его смиреніе и лишать его чувства молитвеннаго умиленія, чтобы онъ понялъ, что оно дается отъ благодати Божіей, а не отъ достоинствъ человѣка.

Впрочемъ въ такихъ испытаніяхъ Господь не надолго оставитъ пастыря, но облегчитъ его подвигъ болѣе, чѣмъ пустынножителямъ, имѣя жалость не только къ душѣ самого пастыря, но и ко всѣмъ его чадамъ, которыхъ молитвы и воздыханія приноситъ онъ къ престолу Господню. Кто пожелаетъ убѣдиться, сколь многихъ смиренныхъ іереевъ и іерарховъ православнаго міра Господь обогащаетъ сокровищемъ молитвы, тотъ пусть спроситъ у вѣрующаго народа о такихъ свѣтильникахъ и, слѣдуя его указаніямъ, онъ увидитъ, что въ каждомъ городѣ, въ каждомъ округѣ есть пастыри, молящіеся всегда со слезами, съ восторженнымъ умиленіемъ; духъ ихъ во время молитвы какъ-бы выходитъ изъ тѣлъ и, подобно огню, исчезаетъ въ высотѣ небесъ, по слову псалмопѣвца (Пс. 118). И мы хорошо знаемъ, что сила нашей Церкви, обладающей многими милліонами умовъ и сердецъ, основывается именно на этихъ смиренныхъ мо-

литвенникахъ, что именно они суть колесница Израилева и кони его.

Статья VIII.

Дѣятельность пастыря въ обществѣ.

Широта и жизненность пастырскаго служенія.

Пастырская совѣсть обнимаетъ собою въ чувствѣ пламенной сострадающей любви всю паству, всѣхъ ея членовъ, радуясь ихъ успѣхамъ въ духовной жизни (Фил. 4, 1) и скорбя о ихъ несовершенствахъ, какъ о своихъ собственныхъ. Понятно, что, насколько въ христіанствѣ вообще все внѣшнее должно исходить всецѣло изъ внутренней жизни совѣсти, настолько и *во внѣшней дѣятельности* пастыря долженъ отражаться именно этотъ *всеобъемлющій характеръ пастырской совѣсти*. Священникъ долженъ знать жизнь общества *въ ея цѣломъ*, во всѣхъ тѣхъ ея сторонахъ, которыя мало-мальски соприкасаются совѣсти человѣческой. Для него не должно существовать двухъ разграниченныхъ областей нравственной жизни пасомыхъ — области свѣтской и области духовной, онъ не дожидается, пока жизнь, уложившись въ формы обычной церковности, нѣкоторыми своими теченіями сама прихлынетъ къ его исповѣданію или въ его метрическія книги: *онъ первый долженъ самъ итти навстрѣчу* жизни и возводить ее на „гору Господню“. Вотъ первое богословское основоположеніе пастырской дѣятельности, достаточно ясно раскрытое въ св. Писаніи и св. Преданіи.

Ученіе св. Писанія о пастырствѣ.

Наиболѣе типическими изреченіями Христа Спасителя относительно *пастырской дѣятельности принято считать:* 1) притчу о Добромъ Пастырѣ, 2) о заблудшей сотой овцѣ, 3) наставленія апостоламъ въ нагорной бесѣдѣ и при отпущеніи ихъ на проповѣдь, 4) изобличенія фарисеевъ и 5) прощальная бесѣда и молитва Божественнаго Учителя о Своихъ ученикахъ. Затѣмъ, въ св. Писаніи подобное-же пастыреводительное значеніе имѣютъ одна глава у Іереміи (23) и Іезекіиля (34), прощальная рѣчь

ап. Павла къ пресвитерамъ Ефеса (Дѣян. 20) и его посланія къ Тимоѳею и Титу. Мы не будемъ разсматривать каждый изъ священныхъ отрывковъ въ отдѣльности, но спросимъ, какому *типу пастырства* они болѣе благопріятствуютъ: 1) жизненному-ли, или 2) тому, который *вовсе чуждается* всего мірскаго, *удаляется отъ изученія свѣтской мысли, свѣтскихъ идеаловъ?*

Въ отвѣтъ на это можно сказать, что едва-ли не руководственною идеей библейскаго пастыреводительства является именно *идея снисхожденія до настроенія пасомыхъ*, или обращаемыхъ, та идея, которая придаетъ единство всѣмъ приведеннымъ евангельскимъ повѣствованіямъ. Такъ, слова Христовы: вы свѣтъ міра, вы соль земли, сейчасъ же сопровождаются указаніемъ на то, что зажечь свѣчу — мало для освѣщенія горницы: должно свѣчу поставить на свѣщникъ. Ближе поймемъ мы смыслъ этихъ словъ, когда соотнесемъ ихъ съ вводными словами въ наставленіи апостоламъ, посланнымъ Спасителемъ на проповѣдь. Господь сжалился, что люди были изнурены и разсѣяны, какъ овцы, не имѣющія пастыря. И вотъ, не ожидаетъ, чтобы овцы сами пришли къ Нему, но за ними вслѣдъ посылаетъ апостоловъ. „Молите Господина жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей на жатву Свою“. Въ этихъ словахъ, какъ и въ словахъ о поставленіи свѣчи на сосудъ, сказывается та мысль, что *пастырю недостаточно имѣть высокое настроеніе духа и знаніе вѣры, но необходимо еще нѣкое движеніе къ людямъ*, нѣкое вхожденіе въ кругъ ихъ понятій, слѣдованіе за ними по распутіямъ жизни, чтобы оттуда собрать ихъ на Христову пажить. Понимать эти слова, какъ относящіяся только къ апостоламъ, посвѣтителямъ язычниковъ, воспрещаетъ намъ христіанское преданіе, которое, въ лицѣ св. Іоанна Златоустаго и другихъ *пастыреводительныхъ отцовъ*, да наконецъ въ богослужебномъ чинѣ архіерейскаго служенія, единогласно относитъ эти слова Спасителя ко всѣмъ пастырямъ Церкви. Самъ Господь даетъ ясно понять, что вхожденіе въ понятія и жизнь людей не есть только дѣло миссіонеровъ, но и всѣхъ нравственныхъ руководителей духовной семьи. Онъ грозно изобличаетъ фарисеевъ за то,

что они, обойдя море и сушу, дабы обратить хотя одного, затѣмъ, возложивъ на него тяжкія бремена, не хотятъ подвинуть ихъ пальцемъ и, такимъ образомъ, являются виновными въ томъ, что человѣкъ тотъ становится сыномъ геенны, хуже нихъ самихъ. Насколько Господь представляетъ существеннымъ въ пастырской дѣятельности это вхожденіе къ отдѣлившемуся отъ духовности руслу жизни — видно изъ словъ Его о пастырѣ, оставляющемъ свое стадо въ горахъ ради отысканія одной заблудшей овцы, найдя которую, онъ радуется о ней одной болѣе, чѣмъ о девятидесяти девяти незаблудшихъ; та-же мысль высказывается въ притчѣ о женщинѣ, нашедшей потерянную драхму, и отчасти въ притчѣ о блудномъ сынѣ, въ срѣтеніе котораго исходитъ милосердый отецъ, издалеча узрѣвъ кающагося. Насколько широкимъ со стороны обоихъ должно быть это отыскиваніе овецъ Божіихъ, это Спаситель показалъ въ Своей прощальной молитвѣ и въ притчѣ о „добромъ пастырѣ“, сказавъ, что всѣхъ овецъ Его, *яже не суть отъ двора сего, подобаетъ Ему привести, и гласъ Его услышатъ, и будетъ едино стадо и единъ Пастырь.*

Божественный *Учитель не стоитъ одинокимъ* въ ряду прочихъ провозвѣстниковъ Откровенія, представляя дѣло пастырства, какъ исхожденіе на жизненныя распутія и возведеніе оттуда заблуждающихся на правый путь спасенія. Дѣйствительно, даже самый *образъ пастыря и стада,* въ который Онъ облекъ нравственно-руководительную задачу религіозныхъ дѣятелей, *почерпнутъ Имъ изъ Ветхаго Завѣта,* гдѣ этотъ образъ имѣетъ свое приложеніе ко всей исторіи домостроительства, начиная съ благословенія патріарха Іакова, продолжая рѣчами Моисея, исторіей Давида и ученіями мудрецовъ и пророковъ.

Особенно наглядное *развитіе пастырскаго долга* мы находимъ въ 34-й главѣ Іезекіиля, гдѣ Богъ укоряетъ пастырей народа, изрекая горе пастырямъ, которые пасутъ сами себя: „не стадо-ли должны пасти пастыри?“ А они между тѣмъ *„слабыхъ не укрѣпляли, и больной овцы не врачевали, и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали, а правили*

ими съ насиліемъ и жестокостью. И разсѣялись онъ безъ постыря и, разсѣявшись, сдѣлались пищею всякому звѣрю полевому. Блуждаютъ овцы Мои по всѣмъ горамъ, и по всякому высокому холму; и по всему лицу земли разсѣялись овцы Мои, и никто не развѣдываетъ о нихъ, никто не ищетъ ихъ".

Пастырство, какъ сущность библейской исторіи.

Итакъ, *ученіе Библіи*, какъ ветхозавѣтной, такъ и новозавѣтной, ясно *говоритъ о жизненности пастырства.* Но ученіемъ дѣло не ограничивается: *эта идея* сама воплощается въ *библейской исторіи;* мало того—она и составляетъ *сущность послѣдней.* Въ Ветхомъ Завѣтѣ Господь Свои отношенія къ Израилю, кромѣ образа пастыря и виноградаря, представляетъ еще подъ видомъ отношеній жениха, отыскавшаго себѣ невѣсту и прилагающаго тысячи заботъ о ея благополучіи. Высшее раскрытіе этой идеи находимъ въ книгѣ пр. Іезекіиля. Но что въ Ветхомъ Завѣтѣ относилось къ народу Божію, то самое Завѣтъ Новый распростираетъ на отношеніе ко всему падшему человѣчеству. *„Всѣ блуждали, какъ овцы, совратились каждый на свою дорогу",*—говоритъ Исаія о состояніи рода человѣческаго. И вотъ, когда Господь, по слову апостола: „оставивъ времена невѣдѣнія, повелѣлъ всѣмъ людямъ покаяться", то *Онъ* не съ неба призывалъ ихъ къ обращенію и не въ вихрѣ бурь говорилъ имъ, но, *вѣрный* предвозвѣщенному чрезъ пророковъ *пастырскому правилу,* Онъ не только *Самъ сошелъ* съ небесъ на разсѣяніе путей человѣческихъ, но *вошелъ* въ самое *естество наше, въ нашу бренную плоть, Онъ взялъ на Себя наши немощи и понесъ наши болѣзни".* До конца продолжая Свое „Божественное снисхожденіе", Онъ въ ученіи Своемъ не передавалъ чуждую насущной жизни доктрину, даже не для того пришелъ, чтобы упразднить законъ, но *пришелъ* прямо *во* овчій *дворъ наличной жизни, и ее то поднималъ до Себя, просвѣщая грубое сознаніе людей притчами* и *начиная* Свою проповѣдь *черезъ возстановленіе того-же самаго свѣта, который еще брезжился въ человѣческой совѣсти:* поэтому Онъ говорилъ о Своемъ ученіи, какъ о чемъ-то для всѣхъ извѣст-

номъ: *„покайтеся и вѣруйте въ Евангеліе“*. Вотъ почему Онъ могъ называть свои святѣйшія заповѣди бременемъ легкимъ и игомъ благимъ, потому что онѣ не навязывали людямъ какого-либо чуждаго ихъ сердцу и ихъ жизненнымъ идеаламъ ученія, не отрицали всего добраго, что было дорого душамъ ихъ прежде, но это-то добро и возводили къ его вѣчному оправданію, такъ что новое иго христіанства не отягчало душъ; напротивъ, принятіемъ его оправдывалось Божественное обѣтованіе: *„обрящете покой душамъ вашимъ“*.

Говорить-ли о томъ, что апостолы Христовы остались вѣрны завѣту своего Учителя, и продолжали вникать въ жизнь и возводить до Христа присущія людямъ надежды? Не блаженный ли Павелъ говоритъ: *будучи свободенъ отъ всѣхъ, я всѣмъ поработилъ себя, дабы больше пріобрѣсть. Для іудеевъ я былъ, какъ іудей, чтобы пріобрѣсти іудеевъ... Для чуждыхъ закона, какъ чуждый закона... Для немощныхъ, какъ немощный, чтобы пріобрѣсти немощныхъ. Для всѣхъ я сдѣлался всѣмъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ“ (1 Кор. 9. 19 — 22; ср. 10, 33). „Кто изнемогаетъ, съ кѣмъ бы и я не изнемогалъ? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?“* (2 Кор. 11, 29). Обращаясь къ Аѳинянамъ съ проповѣдью о невѣдомомъ Богѣ, а къ Евреямъ съ ученіемъ о Новой Скиніи и первосвященникѣ по чину Мельхиседекову, апостолъ Павелъ и пастырей Церкви увѣщеваетъ внимать не себѣ только, но и всему стаду, побуждая ихъ къ тому предсказаніемъ о дальнѣйшихъ бѣдствіяхъ церквей; своего-же возлюбленнаго ученика и сотрудника Тимоѳея онъ учитъ прилагать особыя попеченія о каждомъ родѣ людей, особенно учить старца, особо юношу, особо вдовицъ, сообразно настроенію каждаго. *Отцы Церкви держались того-же пастырскаго пріема.*

Ученіе отеческое. Такъ св. *Григорій Богословъ въ знаменитомъ Словѣ о Бѣгствѣ* ясно показываетъ, что руководящимъ началомъ въ пастырской дѣятельности должна быть не отвлеченная доктрина, преподаваемая по пунктамъ, но наличное состояніе душъ, въ его зависимости отъ бытовыхъ

условій, въ которыя онѣ поставлены, и возведеніе душъ отъ наличнаго состоянія въ благодатное. Сравнивая пастырскую дѣятельность съ врачебнымъ искусствомъ, Святитель говоритъ *(1, 26)*: „какой предлежитъ подвигъ, и какія нужны свѣдѣнія, чтобы хорошо и другихъ уврачевать, и самимъ уврачеваться, чтобы исправить образъ жизни и перстъ покорить духу? Ибо не одинаковы понятія и стремленія у мущины и женщины, у старости и юности, у нищеты и богатства, у веселаго и печальнаго, у больнаго и здороваго, у начальниковъ и подчиненныхъ, у мудрыхъ и невѣждъ, у робкихъ и смѣлыхъ, у гнѣвливыхъ и кроткихъ, у стоящихъ твердо и падающихъ. Поелику общее тѣло Церкви, подобно одному сложному и разнородному живому существу, слагается изъ многихъ и различныхъ нравовъ и умовъ: то предстоятелю Церкви совершенно необходимо быть вмѣстѣ, *какъ простымъ, относительно къ правотѣ во всемъ*, такъ сколько можно болѣе многостороннимъ и разнообразнымъ для приличнаго со всякимъ обращенія, а равно способнымъ къ полезной со всякимъ бесѣдѣ“. Ту-же мысль *о проникновеніи пастырскаго духа во всѣ сферы нравственной жизни человѣчества* развиваетъ и св. *Іоаннъ Златоустъ въ „Словахъ о Священствѣ“ (стр. 124 по изд. 1874 г.)*: „священникъ долженъ знать все житейское не менѣе обращающихся въ мірѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ быть свободенъ отъ всего болѣе иноковъ, живущихъ въ горахъ. Такъ какъ ему нужно обращаться съ мужами, которые имѣютъ женъ, воспитываютъ дѣтей, владѣютъ слугами, обладаютъ большимъ богатствомъ, исполняютъ общественныя должности и облечены властію, то онъ долженъ быть разнокачественъ“. Изъ приведенныхъ изреченій видно, что изученіе окружающей жизни — вотъ первая задача церковнаго учителя и пастыря. Искупительное снисхожденіе Божіе къ роду человѣческому, какъ бы повторяемое въ пастырской дѣятельности Его служителями по отношенію къ паствѣ, такимъ образомъ, узаконено въ христіанской практикѣ чрезъ священное преданіе; оно же составляетъ любимое содержаніе богослужебныхъ молитвъ, воспѣвающихъ Христа, иже „заблудшее горохищное обрѣтъ овча, къ Отцу приведе и

своему хотѣнію". Такъ и въ молитвѣ по покаянномъ канонѣ читаетъ грѣшникъ: „оставихъ Тя, не остави мене, изыди во взысканіе мое и возведи мя отъ пропасти погибели" и т. д. Наконецъ, когда архіерей возлагаетъ на себя знакъ своего архипастырскаго достоинства — омофоръ, то діаконъ возглашаетъ: „на рамо заблудшее вземъ естество, къ Отцу и Богу вознеслъ еси".

Что необходимо для воздѣйствія на общественную жизнь?

Расширяя такимъ образомъ свое пастырское вниманіе гораздо дальше предѣловъ такъ называемой (въ отличіе отъ свѣтской) духовной сферы, пастыри однако должны дѣйствовать мѣрами не гражданскими, *но духовными*. Этимъ само собою устраняется какъ отговорка о томъ, что вмѣшательство духовенства въ свѣтскую жизнь есть папизмъ, (ибо папизмъ есть стремленіе дѣйствовать посредствомъ мѣръ государственныхъ—поощреній и насильственной кары), такъ и тщетное самооправданіе духовенства, что оно-де лишено полномочій для воздѣйствія на свѣтскую жизнь, — такъ какъ для такого, чисто духовнаго, воздѣйствія никакихъ государственныхъ полномочій не нужно, а нужно *только знаніе этой жизни и вѣра въ дѣйствіе благодатныхъ силъ пастырства*, т. е. *молитвы*, *примѣра* и особенно *учительства церковнаго*, которое по преимуществу и можетъ быть употребляемо для возведенія всѣхъ сторонъ общественной и народной жизни къ христіанскимъ началамъ. — Впрочемъ, если пастырь дѣйствительно овладѣлъ пониманіемъ какого-либо направленія нравственной жизни и интересовъ общества, то, и помимо учительства въ смыслѣ проповѣдничества, *въ его власти* остается полная возможность говорить о немъ и въ печати, и на урокахъ Закона Божія, и на исповѣди, и въ бесѣдахъ съ прихожанами по домамъ.

Но все-таки *всѣ средства сводятся къ говоренію?*—спросятъ нѣкоторые. Да, *къ говоренію и къ примѣру*,—отвѣтимъ мы; иначе для чего бы называть пастырей служителями Слова (Лук. 1), а пастырство служеніемъ слова (Дѣян. 6, 4)? И кто не вѣритъ въ силу слова, тотъ прекрасно сдѣлаетъ, если будетъ бѣжать отъ пастырскаго служенія, какъ отъ пожара. Говорить ли при этомъ о томъ еще, какъ со-

временное русское общество и народъ уважаютъ *убѣжденное слово?* И то, и другой различаютъ священниковъ не по степени образованія и не по положенію ихъ въ епархіальной іерархіи, а различаютъ *проповѣдующихъ и молчащихъ*. *Проповѣдникъ*, мало-мальски проникнутый жаромъ убѣжденія и искренности, принимается обществомъ, какъ пророкъ; *послѣ старцевъ* онъ *есть второго рода служитель вѣры*, предъ которымъ забываются чины и возрастъ, и каждый чувствуетъ себя только міряниномъ и ученикомъ. Это уваженіе и послушаніе возрастаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ исключительнѣе пастырь опирается въ своихъ дѣйствіяхъ на силу благодатнаго слова, чѣмъ менѣе соглашается пускать въ ходъ свои государственныя полномочія. Говорятъ, что у насъ не слушаютъ проповѣдей, но это совершеннѣйшая неправда: лишаютъ вниманія не проповѣдь слова Божія, проникающую во внутреннее настроеніе паствы и умѣющую угадать послѣднее, и указать отъ него путь ко Христу, не проповѣдь, слѣдовательно, лишаютъ вниманія, но словоизверженіе съ церковной каѳедры, и притомъ часто такое, котораго и разслышать невозможно.

Почва для пастырства въ Россіи.

Но къ какимъ же явленіямъ современной жизни, наиболѣе связаннымъ съ нравственнымъ настроеніемъ общества, должна устремляться по премуществу пастырская дѣятельность? Что долженъ пастырь сдѣлать предметомъ изученія и наученія въ жизни общества и народа? Особенно въ первой, найдетъ ли онъ куда закинуть якорь христіанскаго назиданія въ любомъ его видѣ? Не всѣ ли интересы общества отчудились отъ религіи, и не представляетъ ли современное состояніе образованныхъ умовъ, если не безплодной пустыни для пастырства, то прохожаго пути, на которомъ позобается всякое сѣмя благодати, того тернистаго угла, гдѣ оно совершенно заглушается сорными травами безвѣрія и страстей? Дѣйствительно, съ перваго взгляда можетъ показаться, что пастырь среди общества, почти какъ среди язычниковъ. Но пусть даже такъ: развѣ не язычники предварили вѣрныхъ сыновъ Израиля въ царствіи Божіемъ? Не легко, пожалуй, пастырю проникнуть до слуха образованныхъ людей: придется начинать съ малаго—

съ царскихъ дней въ каѳедральныхъ соборахъ, со дней Страстной седмицы, да съ исповѣди и, наконецъ, съ молодаго поколѣнія, обучающагося Закону Божію въ школахъ. Но разъ проникнувъ до слуха общества, истинный пастырь скоро убѣдится, что почва въ высшей степени благопріятна для насажденія евангельскихъ истинъ, хотя сами его слушатели далеко не соображаютъ этого.

Стремленіе русскихъ людей къ истинѣ.

Маститый ученый запада Леруа-Болье, въ статьяхъ „Религія въ Россіи", проводитъ ту мысль, что русская душа по своей природѣ всегда стремится къ началамъ христіанской религіи и морали, даже въ тѣхъ случаяхъ, если теоретическая мысль человѣка совершенно безрелигіозна. Этимъ положеніемъ онъ объясняетъ то явленіе, что самые раціоналистическіе беллетристы наши, напримѣръ, Тургеневъ, или Л. Толстой, никакъ не могутъ, однако, сойти съ вопросовъ религіозныхъ и нравственныхъ въ лицѣ своихъ героевъ, искателей истины. Та же безсознательная близость къ нѣкоторымъ сторонамъ Божественной религіи замѣчается и у помянутыхъ публицистовъ, хотя они считали себя прямыми противниками православія: посмотрите, какіе принципы ставятъ они въ основаніе своихъ системъ? Прежде всего, принципъ самоотверженія, хотя и объявляютъ себѣ утилитаристами, принципъ помощи слабымъ, принципъ справедливости. Толкуя объ экономическомъ благополучіи, они, однако, слишкомъ плохо умѣютъ скрыть свое конечное стремленіе собственно *къ нравственной правдѣ,* и только къ ней. Не будемъ уже и говорить о политическихъ идеалахъ панславистовъ, которые выросли изъ церковнаго ученія Хомякова, — остановимся на современномъ движеніи общества въ смыслѣ отрѣшенія отъ прерогативъ своего сословія и перехода къ мужицкому труду.

Отрицательное отношеніе русскихъ пастырей къ духовнымъ исканіямъ не церковныхъ людей.

Всѣ эти движенія идутъ какъ бы въ разрѣзъ съ Церковью, а между тѣмъ, если-бы собрали воедино всѣ подобныя свѣтскія стремленія, съ отрѣшеніемъ отъ ихъ крайностей, то мы получили бы нѣчто, очень близкое къ цѣлямъ христіанскаго пастырства. И вотъ, съ какимъ горькимъ чувствомъ

должны мы, духовные, задать себѣ вопросъ: какъ же это мы забыли выяснить людямъ, что искомое идеалистами есть именно *у насъ,* что они ищутъ тѣхъ самыхъ рукавицъ, которыя у насъ за поясомъ, что не только народъ, вмѣсто штунды и молоканства, но и общество, вмѣсто баррикадъ или цыганскихъ таборовъ, все то доброе, что влекло ихъ по дебрямъ невѣдомыхъ исканій, могли бы получить отъ Церкви, отъ христіанства, которое не желаетъ допустить, чтобы могло существовать что-либо изъ созданнаго Богомъ добраго, не находящееся у Него: *все, еже даетъ Мнѣ Отецъ, ко Мнѣ пріидетъ*“,— говоритъ Господь. Но наличная жизнь русскаго пастырства заботливо удалялась отъ всего, что не имѣло знака церковности, хотя бы по содержанію и приближалось къ ней, такъ что оставалось только заявить объ этомъ и прибить знамя. За то все обозначенное этимъ знаменемъ, съ противоположеннымъ, однако, содержимымъ, въ родѣ кулака-грабителя, жертвующаго на церковь, все это мы принимали, вопреки ясному слову Христа, Который даже пророкамъ Своимъ, преступавшимъ заповѣди, скажетъ: „не вѣмъ васъ“,—врагу же Своему, сумѣвшему разъяснить двѣ важнѣйшія заповѣди закона, сказалъ: „не далекъ ты отъ царствія Божія“. Итакъ, отъ него недалеки всѣ почти мірскія теченія нашей общественной и народной жизни: это есть вызрѣвшая жатва, которая только ожидаетъ дѣлателей-жателей, чтобы стать *пшеницей Божіей.* Но какъ приняться за такую жатву? Должно въ каждомъ теченіи жизни выдѣлить этотъ нравственно-добрый элементъ отъ тѣхъ наслоеній, что̀ къ нему привили человѣческое неразуміе и страсти. Такъ, напримѣръ, Толстовское направленіе, которое съ философской точки зрѣнія есть чистѣйшій пантеизмъ, съ какою силою умѣло, однако, выяснить жизненное значеніе христіанства, показать то нравственное самоудовлетвореніе, что̀ изъ него получается! Проповѣднику остается показать, что это самоудовлетвореніе не только не исключается православіемъ, но въ болѣе высокой степени достигается именно въ немъ, ибо здѣсь оно имѣетъ для себя и непоколебимое основаніе въ идеѣ личнаго Бога-Промыслителя и Искупителя, тогда какъ въ религіи Тол-

стого оно предоставлено шаткой опорѣ одного только случайнаго настроенія человѣка.

Въ содержаніи каждой народной или общественной жизни есть много естественнаго добра, и это-то добро является для проповѣдника и для пастыря тѣмъ расщепомъ дикой яблони, въ который только и можно вложить добрый прививокъ. И все-таки общество или народъ можетъ обратиться ко Христу или къ истинно христіанской жизни не иначе, какъ съ внутренней борьбой и существеннымъ переломомъ: ибо и то естественно доброе въ немъ, что̀ послужило соединительнымъ мостомъ къ принятію благодати, содержалось имъ не по однимъ добрымъ, но и по грѣховнымъ побужденіямъ, и даже преимущественно по этимъ послѣднимъ, въ чемъ собственно и заключается основное свойство всего добраго по естеству, а не по благодатному освященію Христомъ. Такъ, наука живетъ въ естественномъ человѣчествѣ не столько по искренней любознательности, сколько по гордости и своекорыстію, благотворительность не столько по братолюбію, сколько по тщеславію и стремленію заглушить голосъ совѣсти ничтожными пожертвованіями для безпечнаго затѣмъ погрязанія въ похоти. Понятно, сколько борьбы и страданій должны пережить эти носители смѣшанной съ порокомъ добродѣтели, призываемые къ принятію христіанской вѣры или къ полному освоенію съ нею, чтобы ради той чистоты, которой достигаетъ естественное добро только въ христіанствѣ, отрѣшиться отъ всякихъ утѣхъ, прежде доставлявшихся ими своему ветхому человѣку. Едва ли не единственный способъ къ обращенію ко Христу естественнаго человѣка будетъ заключаться въ томъ, чтобы показать ему, какой высокой степени достигаетъ въ христіанствѣ сладость той добродѣтели, которая извѣстна ему пока лишь отчасти. Таковъ и былъ способъ проповѣди апостольской.

Ясно, что пастырю нужно *знать* своихъ овецъ—и тѣхъ, „яже не суть отъ двора сего, но ихже подобаетъ привести“. Нужно знать ихъ не въ смыслѣ ученаго только или бытового ознакомленія съ ними, но въ смыслѣ именно того глубокаго проникновенія въ тайники душъ, которое преп. Іоаннъ Дамаскинъ называетъ „усвоеніемъ“. Видишь ли ка-

кого либо скептика—Гамлета или Фауста: познай, чего не достаетъ душѣ для приближенія къ вѣрѣ, чего люди не сумѣли ему указать въ христіанскомъ откровеніи; видишь ли мнящагося филантропа, который силится достигнуть цѣлей человѣколюбія внѣ Церкви: дознай его душу, чего собственно она жаждетъ; если по преимуществу своеволія, покажи ему полную несовмѣстимость послѣдняго со служеніемъ ближнему; если его отчудило невѣдѣніе, то начертай ему картины человѣколюбія христіанскаго и покажи его безконечное превосходство предъ естественнымъ, касающемся только тѣла и кармана, но не умѣющаго цѣлить сердечныя раны.

О бесѣдѣ съ иномыслящими.

Полемика должна происходить съ точки зрѣнія основного начала каждаго ученія. Тогда она, во-первыхъ, получаетъ то, чего лишена наша церковная литература, получаетъ *интересъ* въ глазахъ послѣдователей разбираемаго ученія; она достигаетъ, во-вторыхъ, болѣе или менѣе непредубѣжденнаго отношенія: убѣждаемый не боится, не трепещетъ за то, что дорогой ему идеалъ будетъ разбитъ въ прахъ логикою церковнаго представителя, онъ слышитъ, что послѣдній принимаетъ его за исходную точку. А наша-то догматическая проповѣдь — можетъ-ли она имѣть значеніе для прямыхъ, или тайныхъ, послѣдователей, напримѣръ, пашковства? Представьте себѣ, что безрелигіозный прежде человѣкъ вдохновился ученіемъ этихъ людей о личномъ единеніи со Христомъ, нашелъ въ этомъ ученіи полное удовлетвореніе давно-алкавшей души, по жалкому недоразумѣнію не сумѣвшей ничего найти въ православіи, кромѣ внѣшнихъ обрядовъ: да станетъ-ли этотъ человѣкъ слушать, или вникать въ проповѣдь, если она начнется съ историческихъ доказательствъ въ пользу необходимости подчиненія іерархіи? Да онъ съ послѣднею соединяетъ мысль о врагахъ Божіихъ? Онъ кипитъ негодованіемъ, прежде чѣмъ успѣлъ услышать первый доводъ, и мысль его направлена вовсе не къ оцѣнкѣ доказательства, но исключительно къ подысканію возраженій. Что сказано о заблужденіяхъ теоретическихъ, то надо сказать и о заблужденіяхъ практическихъ: о свѣтскости, о показномъ либерализмѣ и пр. Если

эти симпатіи развились въ томъ или иномъ обществѣ напряженнѣе, нежели любовь къ Церкви, то не трудитесь доказывать ихъ несовмѣстность съ послѣднею: лучше усмотрите въ нихъ-то, въ этихъ симпатіяхъ, нѣчто доброе, и разъясните его содержимость Церковью и его неисполнимость внѣ ея, и уже затѣмъ—опровергайте крайности. Не слушайте толковъ о необходимости схоластическаго догматизма въ нашей проповѣди: будемъ отнынѣ знать, что не только практическая польза, но само слово Божіе требуетъ отъ пастырей церкви, чтобы они вышли вслѣдъ за заблудшими овцами по распутіямъ этой жизни, и всѣхъ, кого найдутъ, призывали на брачный пиръ Небеснаго Жениха.

Итакъ, не соединяя своей пастырской дѣятельности ни съ лучшими стремленіями общества, выражающимися въ направленіяхъ литературныхъ съ печальною примѣсью еретическихъ искаженій, ни съ присущему народу, особенно малороссамъ, исканію Христовой евангельской жизни, присужденной къ разрѣшенію въ секты штундистскаго направленія, наша пастырская дѣятельность должна бы, по крайней мѣрѣ, умѣть пользоваться тѣмъ чисто церковнымъ направленіемъ нѣкоторыхъ теченій народной жизни, именемъ которыхъ, якобы, и оправдывается наше узкое рутинерство въ дѣлѣ пастырскомъ. Этотъ третій, благопріятный для церковнаго созиданія элементъ заключается въ воспитанной вѣками въ русскомъ народѣ привязанности къ христіанской святынѣ, къ храму, къ богослуженію и церковнымъ обычаямъ, къ слушанію житій Угодниковъ Божіихъ и духовныхъ стиховъ народныхъ поэтовъ. Это область, конечно, религіозная, которая и сама собою приближаетъ людей къ спасенію, но не съ достаточною полнотой, для пріобрѣтенія которой она нуждается въ пастырскомъ поученіи. Конечно, мы совершенно далеки отъ пристрастнаго взгляда на русскій народъ той лже-интеллигенціи, которая считаетъ народную религію за фетишизмъ, отрѣшенный отъ нравственной почвы; мы хорошо знаемъ и видимъ, что всякое религіозное представленіе въ умѣ народномъ непремѣнно соединяется съ чувствомъ умиленія, и Божественная вѣра наша сознается имъ прежде всего, какъ правда и святость Божія, противопоставленная

мірской лжи и злобѣ. Но какъ многое здѣсь не восходитъ выше степени смутнаго, хотя и сильнаго чувства, какъ мало сознается народомъ та нарочитая связь между каждымъ религіознымъ обычаемъ и внутреннею жизнью совѣсти, ради которой онъ и установленъ Церковью! Разъясненіе этой связи имѣетъ огромное, исключительное значеніе, ибо, если твердая, вѣковая симпатія, сопряженная съ готовностью трудиться и лишаться, соединится съ сознательнымъ къ ней отношеніемъ, основывающимся притомъ на авторитетѣ слова Божія, то такой складъ религіозной жизни пріобрѣтаетъ ни съ чѣмъ несравнимую жизненную силу. Если народу будетъ выясняемо нравственно-воспитательное значеніе его церковно-бытовыхъ обычаевъ, богомолій, крестинъ, браковъ, водосвятій и т. д., значеніе, повторяю, не историко-каноническое, а нравственно воспитательное: то и самая приверженность къ нимъ народа удесятерится въ своей силѣ, и дѣло прямого христіанскаго нравоучительства облегчится во сто кратъ, и надвигающіяся грозныя тучи ересей сдѣлаются безопасными. Что-же пастыри? Есть у насъ много пастырей, которые раздѣляютъ любовь народа къ церковности обрядовой, но сколь немногіе изъ нихъ даютъ себѣ трудъ выяснять народу ея внутреннее каноническое значеніе! Скажу болѣе: они сами относятся къ ней полусознательно.

Есть и другого рода пастыри, которые, напротивъ, первымъ долгомъ ставятъ себѣ сознательное отношеніе ко всякому своему поступку. Дѣлаютъ-ли они то, отъ чего уклоняются тѣ? Увы, къ стыду нашему, надо сознаться, что изъ всей богословской мудрости мы наименѣе освоиваемся съ истиннымъ значеніемъ нашего церковнаго быта: онъ намъ знакомъ только съ археологической точки зрѣнія или со стороны его механическаго исполненія, а не со стороны внутренней, аскетической, — и какъ часто бываетъ, что въ храмѣ Божіемъ, при какомъ либо великопраздненственномъ священнодѣйствіи, среди общаго религіознаго восторга и умиленныхъ слезъ, наименѣе бываетъ проникнутъ одушевленіемъ самъ совершитель. Стоя среди духовныхъ сокровищъ, получаемыхъ народомъ, онъ одинъ остается ненасыщаемъ,

какъ сановникъ царя Іорама, при чудесномъ бѣгствѣ Сиріянъ, по пророчеству Елисея.

Итакъ, вотъ три области современной жизни, наиболѣе подлежащія изученію и попеченію пастырскому: нравственный подъемъ въ обществѣ образованномъ, выражающійся въ литературныхъ направленіяхъ; затѣмъ мистико-моральное одушевленіе народа, которымъ пользуются штундисты и пашковцы, и, наконецъ, всегдашняя преданность народа церковному строю, которая, будучи лишена пастырскаго просвѣтительнаго попеченія, переходитъ въ русскій талмудизмъ и даетъ почву для старообрядческаго раскола.

Статья IX.

Типъ истиннаго православнаго пастырства и путь къ нему.

Взглядъ мірянъ на церковь и пастыря.

Какъ смотритъ само общество на пастыря, какой имѣетъ идеалъ пастырскаго служенія, и какими средствами достигается осуществленіе этого идеала? Если мірянинъ религіозенъ, то онъ, почти безъ исключеній, опредѣляетъ область религіи и Церкви, какъ нѣчто, совершенно противоположное всему земному, не только — прямо грѣховному, но вообще всему несовершенному. Онъ именно въ такой мѣрѣ и религіозенъ, въ какой не удовлетворяется земнымъ, мірскимъ; онъ ищетъ въ религіи и Церкви съ ея представителями именно всего того, чего нѣтъ въ мірѣ. Вотъ простѣйшая разгадка того, почему онъ, снисходительный до безразличія къ проступкамъ мірскихъ людей, съ драконовскою строгостью судитъ слабости духовенства. На міръ онъ уже смотритъ какъ на область грѣха и неправды; на Церковь, если онъ только признаетъ ее, онъ смотритъ какъ на Царство Божіе. Если въ мірскомъ обществѣ главнѣйшими рычагами являются—отъ начала міра и доселѣ, и до скончанія вѣка—насиліе, кара и поощреніе себялюбія, самолюбія и корысти, то въ жизни церковной,

буде онъ въ нее вѣруетъ, онъ хочетъ видѣть царство самоотверженнаго подвига и свободы.

Въ русской изящной литературѣ, которая, по правдивому замѣчанію одного писателя, далеко опередила нашу ученую мысль, церковные идеалы всего возвышеннѣе, художественнѣе и ближе къ русскому сознанію нарисованы Достоевскимъ, особенно въ его послѣднемъ романѣ. И здѣсь мысль автора обращается къ Церкви не иначе, какъ чрезъ полнѣйшую неудовлетворенность началами свѣтскаго общежитія, или, вѣрнѣе говоря—чрезъ прямое отрицаніе возможности достигать при посредствѣ послѣднихъ общаго мира и внутренняго удовлетворенія. Вся драма состоитъ изъ противопоставленія картинъ жизни свѣтской и жизни религіозно-церковной, какъ царства тьмы съ царствомъ свѣта. Наиболѣе сильное проявленіе послѣдняго—въ быту монастырскомъ, какъ основанномъ прежде всего на отреченіи отъ міра. Самое наименованіе монаховъ авторъ употребляетъ такое, которое и весь русскій народъ считаетъ наиболѣе почетнымъ: инокъ, т. е. живущій *иначе*, нежели всѣ обыкновенные люди. Идея повѣсти заключается въ томъ, что истинное благо можетъ быть основано только на свободномъ подвигѣ любви и учительства, свободно приводящемъ людей къ покаянію и исправленію жизни.

Священникъ—это, собственно, руководитель *совѣсти*,—таковъ взглядъ общества. Оно благоговѣетъ предъ тѣмъ пастыремъ, который славится именно какъ знатокъ и наставитель сердца. Оптинскій о. Амвросій и ему подобные старцы — вотъ, съ точки зрѣнія общества, представители наиболѣе разумнаго пастырства: предъ ними каждый свѣтскій человѣкъ чувствуетъ себя только міряниномъ, безъ различія своего положенія, и воздаетъ имъ знаки почтенія усерднѣе, нежели самымъ высокопоставленнымъ пастырямъ.

Внѣшняя простота.

Между тѣмъ, если вамъ попадались восторженные разсказы ихъ почитателей о первой встрѣчѣ съ ними, то въ громадномъ большинствѣ ихъ вы найдете повѣствованія о томъ, съ какими препятствіями разскащикъ добрался до монастыря, съ какимъ трудомъ добился и дождался очереди для уединенной бесѣды со старцемъ, и, наконецъ, съ какимъ разочарованіемъ, вмѣсто ожидаемой благолѣпной красоты,

встрѣтилъ невзрачнаго и невнушительнаго по рѣчамъ старичка, поразившаго его простотою своего пріема почти такъ же непріятно, какъ нѣкогда пророкъ Елисей вельможнаго Неемана.

Если вы далѣе станете читать подобные разсказы или сами доберетесь до жилища старца, то увидите, что его беззаботное отношеніе къ первому впечатлѣнію на посѣтителей происходитъ вслѣдствіе совершенной переполненности его жизни внутреннимъ, аскетическимъ, и внѣшнимъ, пастырскимъ содержаніемъ: къ нему обращается столько народу, что ему не до пріемовъ и не до импонированія, столь чуждыхъ ему и по самому ихъ существу. Онъ не ищетъ расширенія своей дѣятельности, но еле-еле успѣваетъ освоиться съ тѣмъ количествомъ дѣлъ, которыя на немъ висятъ.

Духовная мощь истинныхъ православныхъ пастырей.

Въ чемъ же заключается та духовная мощь, которая влечетъ къ нимъ сердца? Во внѣшней-ли удобопримѣняемости ко всѣмъ нуждамъ людей? Вовсе нѣтъ. Правда, если вы пришли къ старцу съ опредѣленнымъ запросомъ, горемъ или сомнѣніемъ по поводу не вполнѣ выяснившагося жизненнаго плана, то вамъ, конечно, отвѣтятъ на нашъ ближайшій вопросъ; но та духовная сила, которая войдетъ въ васъ, просвѣтитъ и примиритъ съ жизнью, будетъ заключаться не столько въ самомъ содержаніи отвѣта, сколько въ томъ обстоятельствѣ, что свѣтящаяся въ обликѣ и рѣчи душа старца перельетъ и въ вашу душу совершенно новое, дотолѣ вамъ невѣдомое, содержаніе. Пришлецъ ощутитъ близость къ намъ Бога и Христа Спасителя, сладость служенія Ему, и къ этимъ-то началамъ всего сильнѣе начнетъ тяготѣть его духъ. Волновавшія его сомнѣнія сами собой представятся ему смѣшными, оплакиваемая потеря растворится блаженнымъ утѣшеніемъ; однимъ словомъ, онъ получитъ Христа въ свое сердце, и вмѣстѣ съ тѣмъ—разрѣшеніе всякихъ затрудненій, подобно Закхею, который самъ собою понялъ, что̀ надлежало ему сдѣлать по принятіи Господа подъ свою сѣнь. И замѣчательно то, что въ бесѣдахъ съ нашими старцами — монахами или іереями — подобное настроеніе испытывали не только всѣ приходившіе къ нимъ съ желаніемъ каяться и назидаться,

всѣ и знатные, и простолюдины: но и маловѣрующіе, которые являлись къ нимъ болѣе ради искушенія ихъ, нежели ради наученія, — если только имъ было свойственно хотя малое стремленіе къ добру и исканіе правды.

Источники духовной силы.

Откуда же стяжали себѣ подобную широту и терпимость эти старцы, знающіе развѣ Библію и нѣсколько отеческихъ твореній? Какъ объяснить, что съ ними находили общую почву даже такіе нецерковные мыслители, какъ Л. Н. Толстой, — что ихъ изреченія приводятся въ сочиненіяхъ и другихъ публицистовъ философскаго направленія, не признающихъ, подобно первому, никакого научнаго и нравственнаго значенія за нашей учено-богословской литературой?

Неужели о. Іоаннъ Кронштадтскій или о. Амвросій знаютъ всѣ блужданія современной мысли и жизни? Или сами они обладаютъ своего рода философскимъ камнемъ духовнаго врачеванія? Да, именно послѣднія слова — „духовное врачеваніе“ и опредѣляютъ ту силу, которою они превосходятъ книжную ученость: прежде всего, они все содержаніе нашей св. вѣры вслѣдъ за св. отцами—лучшими ея истолкователями — изучали именно со стороны того духовнаго врачеванія нашихъ немощей и грѣховъ, со стороны того назначенія, которое истины Откровенія и всѣ слова св. Библіи и церковныя постановленія имѣютъ въ происходящей у каждаго изъ насъ борьбѣ добра и зла—возсозданіи въ насъ новаго человѣка.

Знаніе Божественнаго ученія и внутренней борьбы въ человѣкѣ.

Познавъ при свѣтѣ ученія церковнаго, по опыту собственной борьбы, законы нашей нравственной природы, православные учители добродѣтели тѣмъ самымъ легко могутъ опредѣлить и нравственное состояніе своего собесѣдника, хотя бы и не зная тѣхъ отвлеченностей, которыя вводятъ въ душу его помыслъ сомнѣнія: зато учитель сразу покажетъ тебѣ, какія именно грѣховныя стремленія твоей собственной воли прилѣпляютъ душу твою къ сомнѣніямъ, дѣлаютъ безутѣшною въ горѣ, лишаютъ надежды, повергаютъ въ гнѣвливость. Къ этому часто присоединяется въ бесѣдѣ старца и немудреное, но замѣчательно здравое и сильное замѣчаніе, разбивающее хитро сплетенныя возраженія противъ истинъ вѣры, и ко-

нечно, еслибъ къ ясному, чистому уму присоединялась и ученость, по крайней мѣрѣ въ такихъ размѣрахъ, чтобы располагать философскою рѣчью, то побѣда ихъ надъ сомнѣніями первыхъ двухъ-трехъ пришельцевъ привлекла бы къ дверямъ ихъ келліи и цѣлыя толпы сомнѣвающихся русскихъ людей, какъ извѣстно, въ зрѣломъ возрастѣ всегда возвращающихся къ исканію вѣры, но уже живой и сознательной. Они бы не ошиблись въ своемъ стремленіи къ этимъ дверямъ, ибо нашли бы въ той кельѣ главное, чего недоставало для проясненія ихъ ума, нашли бы въ себѣ самихъ давно утраченную и не возсозидаемую путемъ чтенія способность быть искреннимъ предъ самимъ собою, возвратить довѣріе голосу собственной совѣсти и разума, различать, что говоритъ мнѣ послѣдній, и что внушается со стороны упрямаго и нерѣдко безпричиннаго озлобленія противъ жизни, людей и Бога.

Благодатная способность „усвоенія“ себѣ, своему сердцу каждаго ближняго.

Мы сказали, что средствомъ къ разъясненію людямъ ихъ заблужденій служитъ у старцевъ знаніе природы человѣческой и духовнаго врачевства св. вѣры: но этого было бы достаточно для пришельцевъ, исполненныхъ уже покаянія и искренняго самоосужденія, а для тѣхъ, особенно изъ полувѣрующаго общества, которые еще нуждаются въ усвоеніи такой настроенности, указанныхъ средствъ мало. Но у нашихъ старцевъ и лучшихъ пастырей есть и еще средство, нѣкая благодатная способность того „усвоенія“ себѣ, своему сердцу каждаго ближняго, которое дается пастырю, достигшему высшаго дара христіанской любви, и дѣлаетъ его подобнымъ Пастыреначальнику, о Которомъ сказалъ пророкъ и затѣмъ евангелистъ: *„Онъ взялъ на Себя наши немощи и понесъ болѣзни“* (Мѳ. 8, 17).—Въ силу этого благодатнаго усвоенія каждая душа, болящая грѣхами, или унынiемъ, или невѣріемъ, чувствуетъ, что она не чужая для учителя, что духъ его съ любовію и состраданіемъ объемлетъ ее и какъ бы сообщаетъ ей свою собственную жизнь, свои собственныя силы, даже не собственныя личныя, а нѣкоторыя высшія, ему присущія, и уже не словами, а непосредственно передаваемыми ощущеніями говоритъ:

„*молю же васъ, подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу*“ (1 Кор. 4, 16). Ощущенія эти подобны тѣмъ, которыя испытываетъ совсѣмъ изнемогавшій путникъ, когда встрѣтившій его бодрый силачъ возьметъ его подъ руку и дружески начнетъ побуждать къ окончанію пути, указывая на виднѣющееся вдали теплое пристанище. Нужды нѣтъ, что церковный, повидимому—столь замкнутый въ извѣстныхъ формахъ, духъ старца привлекаетъ къ себѣ душу, еще не очищенную, т. е. или лютаго грѣшника, или невѣрующаго, или воспитаннаго совершенно въ иныхъ понятіяхъ, нежели его новый руководитель: старецъ получилъ даръ добираться въ каждомъ „до человѣка“, относиться къ нему помимо всѣхъ личинъ сословности и разныхъ условностей и усвоенныхъ въ жизни заблужденій, но прямо къ его „внутреннему человѣку“, котораго этотъ прежде и самъ въ себѣ, пожалуй, не зналъ, а нынѣ вдругъ восчувствовалъ подъ усладительнымъ вліяніемъ святой и сострадательной любви, которая сіяла въ очахъ и рѣчахъ, напр., Серафима Саровскаго, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе тяжкій грѣшникъ къ нему приходилъ. Конечно, этотъ духовный подъемъ, который обнаружился въ грѣшникѣ или въ отрицателѣ, еще не есть его полное обращеніе, но онъ возвратилъ ему теперь полную возможность послѣдняго. О, конечно, онъ теперь найдетъ возможность и грѣховную свою жизненную обстановку перемѣнить на другую, болѣе сообразованную съ подвигомъ исправленія, и свои сомнѣнія привести на судъ здравой мысли и науки, поискавъ соотвѣтственныхъ книгъ или живыхъ учителей истины, которыхъ прежде онъ предубѣжденно избѣгалъ.

Но вы требуете полной святости для успѣшнаго пастырскаго дѣланія?—спроситъ меня читатель. Для полнаго успѣха, конечно, святости, почему во всѣхъ неуспѣхахъ пастырь долженъ не уклоняться отъ самоукоренія своей духовной неполноты. Но скажемъ, что и на пути постепеннаго усвоенія святости, который, конечно, долженъ быть общимъ удѣломъ и главнѣйшею цѣлью всѣхъ христіанъ — на самомъ пути къ святости, для пастырей, слѣдовательно, несовершенныхъ, возможно, отчасти, подобное „усвоеніе“ себѣ душъ

своихъ чадъ духовныхъ, „усвоеніе“, въ которомъ и заключается сущность православнаго пастырскаго примѣненія, чуждаго всякаго іезуитизма и лжи. Мы видимъ, что дѣйственность нашихъ лучшихъ пастырей обусловливается тремя началами, и направляетъ мысль на четвертое. Начала эти: 1) знаніе Божественнаго ученія и установленій церковныхъ не въ сухо-догматическомъ изложеніи, но со стороны духовнаго врачевства, въ нихъ содержащагося, 2) знаніе человѣка въ его борьбѣ между добромъ и зломъ, 3) способность къ сострадательной любви. Если къ этому присоединилось 4) знаніе человѣческихъ заблужденій, общественныхъ и ложно-научныхъ, т. е. знаніе жизни и науки, опять-же не со стороны фактической только, но именно со стороны ихъ заманчивости для современныхъ характеровъ, а равно и ихъ вліянія на нравственную жизнь человѣка, то мы получимъ образъ совершеннаго пастыря.

Средства къ духовному распознаванію человѣка: 1. Любовь.

Какъ научиться познавать человѣка? Гдѣ путь къ тому глубокому и непосредственному прозрѣнію во внутренній его міръ, которое стяжали духовные старцы? Конечно, главное условіе сего дара—любовь, достигаемая внутреннею духовною жизнью, о которой мы теперь не будемъ говорить. „Любовь сыщетъ слова, коими можетъ созидать ближняго. Она представитъ способъ—и умъ, и языкъ твой направитъ, и дѣло сіе не требуетъ красныхъ рѣчей, единаго напоминанія требуетъ“. Этимъ изреченіемъ святителя Тихона Задонскаго (II, 319) подтверждаются наши слова о томъ преимуществѣ въ дѣлѣ пастырскаго усвоенія, которое получаютъ учители, достигшіе дара благодатной любви, но мы постараемся указать и нѣкоторые прямые способы обученія духовному прозрѣнію, которые доступны пастырямъ, еще только начинающимъ духовную жизнь.

II. Нравственное самонаблюденіе.

Первымъ условіемъ такого обученія является все-таки внутреннее дѣланіе—вниманіе себѣ, т. е. внимательная оцѣнка своихъ движеній и помысловъ, постоянное прозрѣніе въ себѣ самомъ борьбы двухъ началъ — добраго и злого, по большей части укрывающагося за добрыми-же намѣреніями, но на самомъ дѣлѣ наполняющаго душу похотью или гордостью. Имѣя всегда предъ очами совѣсти своей соб-

ственный внутренній міръ, пастырь церкви, по аналогіи съ нимъ, быстро начинаетъ освоиться съ борьбой, происходящей въ душахъ, ему ввѣренныхъ.

III. Исповѣдь. Болѣе широкое проникновеніе въ эту область даетъ ему исповѣдь, если онъ имѣетъ возможность и желаніе совершать ее не торопясь. Тогда онъ будетъ раскрывать своими вопросами не отдѣльныя паденія своихъ духовныхъ чадъ, но именно эту ихъ внутреннюю борьбу, постепенное зарожденіе въ нихъ помысловъ и страстей, свойства ихъ жизненныхъ интересовъ и стремленій, и, конечно, только такимъ образомъ получитъ возможность давать имъ, по руководству Отцовъ, полезные совѣты, на что онъ будетъ вовсе не способенъ, если ограничится выслушиваніемъ ихъ грѣхопаденій, какъ это, къ сожалѣнію, обыкновенно бываетъ. Неправда-ли, что гораздо легче дать совѣтъ, добившись посредствомъ вопросовъ, какова главная внутренняя страсть грѣшника, нежели узнавъ, сколько разъ онъ поссорился, солгалъ, отказалъ въ милости и пр.? Послѣ такого сухого перечисленія едва-ли какой духовникъ и рѣшится дать совѣтъ, а если его попросятъ, то развѣ скажетъ что-нибудь наобумъ, приказавъ, напр., читать ежедневно ту молитву, которая сейчасъ случайно пришла ему на память. Во всякомъ случаѣ пастырь указаннымъ способомъ исповѣди пріобрѣтаетъ познанія въ духовныхъ болѣзняхъ человѣка. Отъ него зависитъ—большую часть своихъ бесѣдъ съ прихожанами дѣлать распространеніемъ бесѣды исповѣдальной. Наши русскіе христіане, если только надѣются встрѣтить въ пастырѣ духовнаго врача и совѣтника, съ полною готовностью будутъ сами направлять всѣ свои бесѣды съ нимъ на предметы духовной жизни. Напротивъ того, они очень тяготятся тѣми священниками, которые, по незнанію условій общественной жизни, стараются показаться предъ мірянами знатоками свѣтскости и торопятся засыпать ихъ доказательствами своей разносторонности. Говоруновъ на свѣтскія темы свѣтскіе люди встрѣчаютъ достаточно среди своихъ, а рѣдко видимый ими священникъ гораздо болѣе доставитъ имъ утѣшенія, если представитъ себя своему прихожанину, какъ участливый руководитель его духовной жизни.

Однимъ словомъ, поприще для изученія послѣдней всегда открыто русскому пастырю: было бы у него желаніе ее изучать!

IV. Ознакомленіе съ современными заблужденіями и лжеученіями.

Доселѣ мы говорили о людяхъ, непредубѣжденныхъ противъ религіи и церкви, а много вѣдь предубѣжденныхъ, у которыхъ жизнь осложнена заблужденіями, и, вмѣсто истинныхъ христіанскихъ понятій, ихъ разумомъ владѣетъ толстовщина, или позитивизмъ, или иное увлеченіе, а православія они даже и не знаютъ, и знать не хотятъ. Вотъ здѣсь то и нужно пастырю вникать въ эти лжеученія и смотрѣть, какія именно обольщенія увлекли неразумное сердце христіанина. Почти всегда подобное увлеченіе не было лишено какого-нибудь, по крайней мѣрѣ—такого призрака добра, который, по мнѣнію заблуждающагося, содержится исключительно въ принятомъ имъ лжеученіи. Чтобы снова воротить заблудшихъ къ истинѣ, нужно, конечно, показать имъ, что добро, искомое ими на сторонѣ, гораздо обильнѣе, свѣтлѣе и чище сіяетъ въ вѣнцѣ Церкви, нужно съ полною научною и задушевною убѣдительностью примѣнить къ заблуждающимся краткое твореніе Св. Тихона: „Христосъ грѣшную душу къ Себѣ призываетъ“. Въ этомъ твореніи Святителя Господь представленъ упрекающимъ человѣка за то, что онъ забылъ, оставилъ Его и возлюбилъ міръ, — и объясняющимъ падшему, что у Него только имѣются въ полнотѣ и совершенной красотѣ тѣ сокровища, за тщетнымъ разысканіемъ которыхъ человѣкъ бросился въ житейское море: искалъ-ли онъ богатства, красоты, славы—все это во Христѣ только обрѣтается, и притомъ очищенное отъ грѣха и соединенныхъ съ нимъ внутреннихъ мученій.— Задача современныхъ просвѣщенныхъ пастырей миссіонеровъ, а особенно писателей, нарочито занимающихся апологетикой и духовной публицистикой, заключается именно въ томъ, чтобы, не ограничиваясь внутренней критикой лжеученія или раскрытіемъ содержащихся въ немъ противорѣчій и ошибокъ, указать и тотъ положительный магнитъ, который привлекаетъ къ нему добрыя, но неразсудительныя сердца, и затѣмъ раскрыть эту привлекательную идею въ томъ лучшемъ совершеннѣйшемъ

видѣ, который она пріобрѣтаетъ въ ученіи христіанскомъ, напр., сравнить сухую любовь толстовщины, выражающуюся въ вещественной и трудовой помощи ближнему, съ любовію христіанской, не устраняющеюся и отъ подобныхъ же обнаруженій, но имѣющей высшею цѣлью общее духовное совершенство („да вси едино будутъ“ въ Богѣ. Іо. 17, 21,) и выражающеюся не въ дѣятельности только, но въ живомъ нѣжномъ чувствѣ ко всѣмъ, безъ изъятія, людямъ. Такой полемистъ будетъ достойнымъ ученикомъ божественнаго Павла, проповѣдавшаго Аѳинянамъ того самаго Невѣдомаго Бога, Которому они, не зная, поклонялись, но—въ совершеннѣйшемъ христіанскомъ представленіи. Вы спросите: какъ же сумѣетъ пастырь церкви уловить привлекательную силу лжеученій, когда обольщенные этимъ послѣднимъ отъ него удаляются? Ему здѣсь поможетъ то самое, что помогло и Апостолу Павлу приблизить истинное ученіе о Богѣ къ потемненному сознанію Аѳинянъ—народная словесность, народное творчество, назвавшее еще тогда людей родомъ Божіимъ (Дѣян. 17, 28). Такое-же значеніе имѣетъ и русская изящная словесность для свѣтскаго общества и юношества: въ настоящемъ положеніи ихъ она замѣняетъ имъ и мораль, и философію.

Изученіе русской литературы. Изучая литературу нашу, пастырь будетъ какъ бы введенъ въ самую сердцевину русской общественной и нравственной жизни: онъ по ней увидитъ, какими именно нравственными побужденіями русскіе люди вовлекаются въ тѣ или другія направленія мысли и жизни; понявъ же это, онъ, при ясности и широтѣ собственнаго христіанскаго міровоззрѣнія, уже безъ труда можетъ показывать его нравственное превосходство предъ всѣми заблужденіями, и такимъ образомъ явится для заблудшихъ прежде всего занимательнымъ, далѣе—близкимъ, наконецъ—полезнымъ, утѣшительнымъ и просвѣтительнымъ собесѣдникомъ. Тутъ-то онъ и будетъ: для подзаконныхъ — какъ подзаконный, и для неподзаконныхъ—неподзаконнымъ, подобно Верховному Апостолу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Статья	I. Основныя начала православнаго пастырства. . .	1
„	II. Общія условія пастырскаго вліянія — психологическія и богословскія	20
„	III. Пастырское призваніе.	31
„	IV. Приготовленіе къ пастырскому служенію. . . .	37
„	V. Принятіе священства	56
„	VI. Искушенія и испытанія пастыря	71
„	VII. Значеніе молитвы для пастыря Церкви	89
„	VIII. Дѣятельность пастыря въ обществѣ	107
„	IX. Типъ истиннаго православнаго пастырства и путь къ нему	121

Новыя книги:

Н. Д. Кузнецовъ. „*Преобразованіе въ Русской Церкви*“ (Разсмотрѣніе вопроса по оффиціальнымъ документамъ и въ связи съ потребностями жизни). 1906 г. Цѣна 75 коп.

Его-же. „*Церковь, духовенство и общество*“. Современная потребность живаго участія народа въ дѣлахъ церковныхъ въ связи съ вопросомъ о разъединеніи духовенства и мірянъ. 1905 г. Цѣна 20 коп.

Складъ изданія въ кн. маг. „Правовѣдѣніе“, Москва, Никольская ул.

Религіозно-Философская Библіотека.

Выпускъ I-й Религіозно-Философской Библіотеки: *„Забытый путь опытнаго Богопознанія“*, изд. 2-е. *М. А. Новоселовъ*. Цѣна *25* коп., съ перес. *30* коп.

Выпускъ II-й: *Исканіе Бога*. Сборникъ. *Оп. Николя, Гр. М. М. Сперанскій Игнатій Брянчаниновъ и др.*, изд. 2-е. Цѣна *25* к., съ перес. *30* коп.

Выпускъ III-й: *„Вѣчная жизнь какъ высшее благо“*. Изд. 2-е. Цѣна *30* коп., съ перес. *35* коп.

Выпускъ IV-й: *Соціальное значеніе религіозной личности“*. Сборникъ. *Влад. Соловьевъ, Гербертъ Спенсеръ, Достоевскій, Герценъ, Тихомировъ*. Цѣна *50* к., съ пер. *55* коп.

Выпускъ V-й: *„Личность, общество и церковь“*. *Л. Тихомировъ*. Цѣна *30* коп., съ пер. *35* коп.

Выпускъ VI-й: *„Изъ разговоровъ о войнѣ“*. *М. Новоселовъ*. Цѣна *10* коп., съ перес. *15* коп.

Выпускъ VII-й: *„Значеніе свободнаго слова для личности, общества и церкви“*. Сборникъ. *А. С. Хомяковъ, К. и И Аксаковы, Влад. Соловьевъ*. Цѣна *20* к., съ перес. *25* коп.

Выпускъ VIII-й: *„О цѣли образованія“*. Сборникъ. *Н. И. Пироговъ, Л. Толстой, проф. В. Несмѣловъ, К. Ушинскій, Амосъ Коменскій*. Цѣна *30* коп., съ перес. *35* коп.

Выпускъ IX-й: *„Альтруизмъ и христіанская любовь“*. *Л. Тихомировъ*. Цѣна *15* коп., съ перес. *20* коп.

Выпускъ X-й: *„Религія и нравственность“*. Сборникъ. *Л. Толстой*, проф. *Кудрявцевъ-Платоновъ*, проф. *Гусевъ* и др. Цѣна *30* коп., съ перес. *35* коп.

Выпускъ XI-й: *„Нравственный смыслъ основныхъ христіанскихъ догматовъ“*. Архіеп. *Антоній (Храповицкій)*. Цѣна *25* коп., съ перес. *30* коп.

Выпускъ XII-й: *„Что такое Библія“*. Цѣна *25* к., съ перес. *30* коп.

Выпускъ XIII-й: *„Какъ читать Библію“*. Цѣна *35* к., съ перес. *40* к.

Выпускъ XIV-й: *„Смыслъ міровой исторіи“*. Цѣна *15* коп., съ перес. *20* коп.

Выпускъ XV-й *„О самопознаніи“*. Цѣна *20* коп., съ перес. *25* коп.

Изданія

Религіозно-Философской Библіотеки:

I. О возрожденіи Русской церкви.

Сборникъ: *А. А. Папковъ. Н. А. Заозерскій. А. М. Иванцовъ-Платоновъ. Еп. Порфирій Успенскій. Н. П. Аксаковъ. А. П. Лебедевъ. Д. Синицкій. М. А. Новоселовъ.*

Цѣна *50* коп. съ перес. *60* коп.

II. Высшее церковное управленіе въ Россіи.

Сборникъ: *Влад. Соловьевъ. И. С. Аксаковъ. Л. А. Тихомировъ. А. М. Иванцовъ-Платоновъ.*

Цѣна *40* коп. съ пер. *50* коп.

IV. Отношеніе соціализма къ религіи вообще и къ христіанству въ частности.

В. А. Кожевникова. Изд. 2-е. Цѣна *40* коп., съ пер. *50* коп.

V. Общественное значеніе монастырей.

Прис. Пов. *Н. Д. Кузнецова.* Цѣна *25* коп. съ пер. *30* коп.

VI. Ѳ. М. Достоевскій, какъ проповѣдникъ христіанскаго возрожденія и вселенскаго православія. Цѣна *40* коп.

VII. О добросовѣстности въ вѣрѣ и въ невѣріи

(къ учащейся молодежи) *Влад. А. Кожевникова.* Цѣна *15* к. съ пер. *20* к.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ: *„Правовѣдѣніе“* (Голубева), *Тузова, Суворина, Карбасникова, Вольфа, „Вѣра и знаніе“, Оглоблина* (Кіевъ), *въ складѣ св. благ. князя Михаила* (Тверь) и др.

Выписывающіе непосредственно отъ *М. А. Новоселова* (Москва, возлѣ храма Христа Спасителя, домъ Ковригиной, кв. 12) на сумму *менѣе* одного рубля могутъ высылать марками, а *не менѣе* 3-хъ руб.—не платятъ за пересылку. Можно *налож. платеж.*